

Витэль Багинский

**Черти
на том
берегу**

Витэль Багинский

Черти на том берегу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36054345

ISBN 9785449317926

Аннотация

Мысли человека, с которого, собственно, и начинается роман, сопровождают его до последней страницы. Именно мысли, наполняющие его голову, заставляют подняться на крышу, считая, что жизнь стала жутко невыносимой. Но тут же, снова размышляя, он садится на парапет... Смотрит вниз, видит кипящую жизнь, вспоминает школьные годы. Спустя время понимает причину несовершенного последнего шага, и эта причина – вовсе не телефонный звонок, вовлекший его в страшную игру...

Содержание

книга первая «власть»	6
Мысли на крыше – размышления о смерти...	6
(Кое-что из детства Святика Ежова)	6
«Та сторона реки»	25
(Философия странного человека; кое-что из другого детства и чуть постарше...)	25
Общество странных людей	49
(Дверь на ключ; Дом Офицеров – частная собственность)	49
Голоса странных людей	57
(Пастор, женщина-«Эйнштейн», сосед-«спаниель», очень густые брови...)	57
Река – по ту сторону, которой...	75
(Сиамские близнецы. Где ночевал покойник? Почём на рынке смородина?)	75
«Клеточная гибель»	97
(Признание; Практика доктора Рафаэля)	97
Первый экспонат	124
(Вода, в которой гибнут)	124
«Красота требует жертв...»	129
(Отбитое достоинство; убитые погоны)	129
Сольфеджио	143
(Лошадиная почта; глухая тварь; на правах	143

учителя)	
«Нос»...	173
(Душа нараспашку; Герасим...)	173
книга вторая «рабство»	196
Ящик...	196
(«Почта памяти»; Труба на крыше)	196
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Черти на том берегу

Витэль Багинский

© Витэль Багинский, 2018

ISBN 978-5-4493-1792-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

книга первая «власть»

Если ты хочешь, чтоб от тебя зависели, отбери у людей то, в чём они сильно нуждаются. Убедив их в естественности положения, ты добьёшься от них возвращения. Не следует отдавать всё, если ты желаешь владеть их свободой. Давай понемногу, чтоб хватило на всю жизнь. Если же хочешь подарить власть своему потомству, научись давать надежду...

У власти есть много граней, которые открыты для людей и их пользы, зная о них, люди думают, что всё знают о власти. Но есть одна грань, о которой не знают даже многие пришедшие к власти, поэтому не могут ей пользоваться. Эта грань – ложь!..

Мысли на крыше – размышления о смерти...

(Кое-что из детства Святика Ежова)

Кто-то называет жизнь чёрно-белой, а у Святика она просто серая, неожиданно потемневшая в какой-то момент.

Так воспринимал он своё положение на данном этапе в си-

стеме сложного механизма Вселенной (если реинкарнация существует, то эта жизнь является одним из многочисленных этапов). Не представлял, как избавиться от скопившихся вокруг него «доброжелательных».

Какой смысл если он пошлёт всех и вся к чертям?! – А это даже смешно, ведь сами же черти и улыбаются ему в лицо своими вонючими оскалами, уже неся по пожарной лестнице четырнадцатизэтажной новостройки, с одной навязчивой мыслью – «СБЕЖАТЬ»!

Поднявшись на парапет, Святик посмотрел вниз. Туда, где сев на бордюр курил строитель или бродяга, задрав бородатую голову перевязанную косынкой, точно стараясь рассмотреть происходящее на том самом парапете, преодолевая взглядом четырнадцать с лишним этажей. А в желудке Святика забурлил недавно съеденный борщ, – что-то там перевернулось и видимо одна из бульб «взорвалась» и мешающий воздух, пройдя пищевод, вышел отрыжкой наружу, губы, как булькнувший пузырь торфяника, сделали нелепое движение. Под носом образовался, а затем рассеялся и улетел с порывом ветра запах его любимого блюда, – да, ещё немного чеснока. Такое себе, хорошее послеобеденное воспоминание.

Но, скоро снова сдавил сплин, и он вернулся к ужасающей его разум реальности. Жаркое летнее солнце пекло и всё сильнее разогревало ликвор, верно, собираясь прокипятить мысли, в которых звучала ещё и какая-то мелодия, напева-

емая кем-то. Святик взглянул на небо, ненадолго, – он резко опустил голову, и его пошатнуло. Кровь, резким потоком хлынув в ноги, точно мощным фонтаном рванула вверх, в голову, но не найдя выхода, растеклась по поверхности кожи выступившим прохладным потом.

Внизу что-то колотили, кричали. Бородач, сидевший всё это время на бордюре, куда-то пропал. Музыка назойливо, как муха, не давала покоя.

Дом ещё не заселён до конца. В одном только его подъезде живёт он и пять семей, в других – не многолюдней. Первый этаж занимают магазины, какие-то офисы – одна туристическая фирма, две страховые конторы; стоматологический кабинет, не большой салон красоты и булочная с кафетерием, в старательно подобранном французском антураже. Не хватало у французской булочной одного элемента – как матрац полосатого навеса...

На поприще литературной вседозволенности сделал себе карьеру Святик Ежов, – как обозвал себя для признания не зацикливающихся на высоком слоге масс. Это знаете ли такой себе русский *mainstream* – литературка для всеобщего «поедания», когда люд устал после рабочего дня, а оставаться на плаву «умственной не отсталости» вроде как желает. Какие бы не были массы, а он всё тот же не обратимый писака-авантюрист жадно глотающий, как выброшенная на берег рыба, воздух, последние глотки проходящей славы.

В силу своего дурного характера он не ладил с людьми и напрочь разругался со своим издателем, который приходился ему отчимом. Они никогда не ладили, и Святик до последнего отказывался с ним сотрудничать, пока не сломился от безвыходности. Тот его хоть и доставал своими нравовучениями, но таки видел потенциал способный заинтересовать широкую публику. Эта публика, как и в гастрономии, нуждалась чаще всего в продукте «быстрого питания»; и это было по части Святика. А отчиму его, как лицу, заинтересованному в быстрых и крупных наживах, лишь то и было нужно. Но любую славу нужно заработать, как и можно потерять. А люди способны забывать гораздо быстрее, нежели уложить в памяти.

Что же всё-таки произошло? Что заставило Святика зайти на парапет четырнадцатипэтажного дома со столь тёмным намерением? Да, он решил покончить собой. Почему выбрал такой вид смерти? – просто подумал, что так он уйдёт из жизни быстро и безболезненно. Если сравнивать с другими способами, то он видел их куда более страшными и мучительными. Падая с высоты, он хотя бы получит наслаждение перед смертью. Главное не думать, что всё будет кончено через, пять секунд, иначе смерть окажется адским мучением... А если этому порадоваться, как то делают экстрималы, можно вполне приятно водвориться в «лоно вечности». И гори оно всё, здесь, на земле синим пламенем.

Он постояв на парапете, теперь сел и вместо того чтоб продолжать себя настраивать на приятный прыжок, стал размышлять.

Из всех любимых занятий, как в школе, так и вообще по жизни было у Святика, писать сочинения и прыгать в высоту. И тем и другим он вполне успешно занимался. По прыжкам в высоту он пять раз занимал первое место на городских соревнованиях, каждый год в старших классах показывал лучший результат. А теперь решил совершить прыжок не вверх, а вниз. Сочинения у него получались не хуже того. Но это были быстрые яркие зарисовки, которые часто сопровождались кучей орфографических ошибок, что и скидывало внимание преподавателей с важности и экспрессии его текстов. А учителей по русскому языку и литературе сменилось аж пять, и пока не появился тот, кто обратил внимание на текст, во-первых, не став тут же критиковать за ошибки, всё шло листами в почтенную пионерами макулатуру. Во-вторых: новый учитель был ещё тем проницатель, решив юным талантом воспользоваться, он, задавая тему, получал от парня отличное сочинение, которое не возвращалось, а писал из всего класса, почему-то лишь он один, Святик. Собственно его это не задевало, напротив, для него в том была та выгода, что в отличие от своих одноклассников, он от многих предметов имел свободу. Но также в меру своего молодого писательского таланта, он имел чувство

смысловой связи действий. Тексты, которые он писал в виде незатейливых сочинений, оказались тесно связанными между собой, но сразу он того понять не мог. Учитель, будучи весьма «продуманным», давал задания так, что маленький гений спустя четыре месяца «нацарапал» своему преподавателю книжонку. Тот аккурат каждый вечер исправлял ошибки, печатая на своей старенькой машинке. Наконец вышла из-под Святикова пера внушительная повесть, названия которой он не знал, а его имя, злоумышленник на обложке писать не собирался. Так не ведая о рождении первого своего детища, Святик пережил начало своей профессиональной деятельности с гонораром в виде школьных прогулов, а бонусом к этому была не аттестация по нескольким предметам. Зачем нужна была проделанная им работа, Святик окончательно догадался, когда в письменном столе нашёл свои сочинения в виде печатных текстов, когда выдал уже третью книгу.

– ... и, что мне теперь делать?.. – Его тон звучал спокойно, но доля негодования была несоизмерима ни с чем.

Что делать! – новоиспечённый родственник не знал. Коллеги его не весьма жаловали и, потому решить вопрос в школе он не смог. В общем-то, никто и не знал о вынужденной родственной связи Святика с учителем. Именно для Святика такая связь оказалась вынужденной, потому как его мать решила на четвёртый брак исключительно с учителем русского языка. Оба же распространять такую новость по шко-

ле не имели желания, и продолжала создаваться картины соблюдения профессиональной этики. «Никакого панибратства, – говорил филолог, – дабы избежать осуждающих толков..!» А Святик и не собирался строить тёплых семейных отношений, но и доставать топор войны не намеревался. Он просто ждал, когда мать окончит свой «спектакль». Но она его кончать не собиралась. Ранее Святик за ней такого поведения не наблюдал. Мать, словно, заменили, – она обезумела от любви, которую Святик не понимал, да и не знал. И на всё это оставалось лишь закрыть глаза. Что и сделал Святик. Его решили перевести в другую школу. Однако Святик решил иначе – он сам пошёл к директору школы и объяснил ситуацию. Он не стал говорить, что писал весь год сочинения. Он рассказал, как тяжело болен его дедушка, и все силы семьи положены на уход за ним. Опять же благодаря своему таланту сочинять, Святик рассказал весьма убедительную историю главе школы. Затем просидев час под дверью кабинета директора, по окончании педсовета он получил доступ к учёбе. А отчим, устроился в небольшое издательство литературным корректором, где закрепившись, добрался до места шеф редактора. Но до того дважды поругавшись с матерью Святика и вновь сойдясь. И первый их скандал был по поводу именно использования её сына. Подробности их разговора не известны. Только она не выдержала и недели без него. Отчим вернулся в их семью.

А Святик продолжил учиться, как прежде. Друзей у него

и раньше не было, а «благодаря» минувшим баталиям их не стало и вовсе, – в былые времена хоть кто-то посматривал в его сторону, теперь же, точно человека не существовало. Иногда поглядывали, перешёптываясь, сбившись в кучки ученики – одноклассники и кое-кто из параллельных классов. Но Святик плюнув на данное положение, решил им воспользоваться. Так как ему никто не мешал, с вопросами не лез, на тусовки не звал, девочки (ещё не понимая почему, а он был уже в девятом классе) ему были не интересны (у него в принципе сексуальных интересов не возникало), собрался он писать. А понимая убогость своей грамматики, то к изучению русского языка подошёл предметно. И то, что было для него скукой, стало увлекательным занятием. С твёрдой четвёркой по русскому языку он закончил девятый класс, а к концу школы мог спокойно поспорить с учителем... Получив аттестат, он покинул стены школы, не удостоив даже малым своим присутствием на выпускном вечере, ничтожную, на его взгляд, публику.

Когда он выходил на школьный двор, у входа стояли наряженные одноклассники, один из которых затронул его словом...

– Что ты «писун»..?

Святик не понял к кому кто обратился, продолжил путь.

– Эй, слышь, ты чё, глухой..!

Компания подбежала, и один из них одёрнул его за плечо, а другой ударил в грудь.

– Ты чё из себя строишь..? – Далее начав нецензурно выражаться, четыре человека окружили его.

Святик за все последние два с половиной года учёбы ни с кем не обмолвился и словом (спорил лишь с учителями, которых сильно достал), но внимательно наблюдал за поведением каждого. Своим вниманием он вывел несколько заурядных формул, которыми характеризуется общество. Эти формулы сразу говорят о прошлой, настоящей и будущей жизни индивидуума. Насколько человек зависим от общества, или же имеет свободу. Каков уровень самостоятельности и смелости, способности дружить и предавать, прислушаться и послать всех «куда подальше».

Теперь он смотрел на тех, кто его окружил, видя в них полное отсутствие друг друга. Ни один из них на самом деле не готов пойти в поддержку присутствующего рядом товарища, но рад выказать себя крутым. Только беда вся в том, что смел лишь витающий, далеко не среди них объединяющий дух. Каждый из этих людей – трус. Святик знал и не боялся.

– Рубашек беленьких не жалко?

Была видна в глазах ребят неожиданность. За столько лет они от него в свою сторону не слышали ни слова.

– В смысле?

– Вы сейчас думаете, что перевес на вашей стороне, и вы с лёгкостью мне врежете. Если вы меня всё-таки захотите побить, говорю сразу, я не боюсь. На это есть две причины, как минимум. Первая: мы находимся на территории школы.

Вторая (её я назвал бы главной): я не боюсь вас.

Одноклассники стояли, разинув рты.

– Вы, конечно, можете пойти за мной. И за школой можем подраться. Но оно вам надо сейчас мараться? Мне всё равно, а вы такие нарядные..! – Не без доли сарказма высказался Святик.

В силу своего интеллекта нужных слов не оказалось.

– Чё ты «гонишь»?!

– Прости, но мне как рассматривать сказанный тобой глагол? Если с точки зрения грамматики, но боюсь это не по твоей части, то создаёшь движения разного характера ты, а не я. Если используешь, как жаргон, то это снова продолжаешь совершать ты...

Взгляд недоумения стал так велик, что на парня было смешно смотреть. Этим же взглядом он оглядел своих дружков.

– Слышь, да он придурок... Чё с ним базарить!

Святик спокойно стоял. Так же спокойно он повернулся к тому, кто это сказал.

– А ты насколько оцениваешь уровень своей недосообразительности*, что в этом ставишь оценку мне? – Возникла пауза. – Наверно я сказал слишком много увесистого. Ладно, пацаны, идите, празднуйте своё освобождение.

Развернувшись, намериваясь покинуть низменное общество, Святик встретился с лицом, стоявшего ранее за спиной. Теперь это лицо смотрело пустыми глазами на него.

– Отойди! – На сказанное тот не отреагировал, но надумав, отошёл. А Святик сделав несколько шагов, повернулся к ним и сказал:

– Если что, то знаете, где я живу.

Никто приходить к нему не стал. Но спустя полгода одного из них он встретил, когда шёл из университета домой, тот сидел на лавочке, забравшись ногами, – почему-то он пренебрёг, куда следует посадить свой зад. Рядом сидела курящая девушка. Видно было, что от беседы они чуть ли ни изрядно устали, – краем уха услышал Святик слова: «Я чё-т совсем убита...» – на эту реплику её приятель по-идиотски усмехнулся, а завидев одноклассника сказал: «Это он!..» – видимо она не поняла им сказанного, так как последовало повторение: «Ну..., тот...!» – и... она всё поняла: «А-а-а..!». Святика порадовал их «высокий» интеллект. На следующий день этот одноклассник сидел у него во дворе. Святик подумал сначала, что ждут его, но, когда тот вновь увидел знакомое лицо, поспешил убраться прочь. Вечером того же дня этот же одноклассник прогуливался с, незнакомым для Святика, дружкой. Проходя мимо, незнакомец толкнул его плечом.

– У те-а чё... повылазило? – Кинутая фраза настигла слух Святика, но оборачиваться он не стал. Постаравшись убежать от слабоумия он, могло показаться, ускорился, а тот поспешил его остановить.

Развернувшись, Святик увидел покрасневшееся, явно

от злости лицо и налитые кровью глаза. А одноклассник продолжал стоять отдалённо от места их «беседы».

– Что тебе нужно? – Постарался спокойно отреагировать Святик. Ответ последовал в виде удара ножом в живот.

Святик от неожиданности сразу ничего не понял, ощутив лишь слабый удар кулаком в живот, поспешив оттолкнуть от себя противника, он совершил толчок ладонями в грудь. И далеко не сразу понял, почему те тут же убежали. А вот когда почувствовал на животе влагу, потерял сознание, увидев кровь.

Святика спасло то, что вышел сосед выносить мусор.

Теперь Святик сидя на парапете, думал, что лучше бы он тогда не очнулся. По крайней мере, не осознал бы этого страха, который сейчас не давал ему покоя. А он-то старался изо всех сил себя успокоить. Раньше он думал, что самоубийцы как раз таки и не боятся смерти в отличие от людей, погибающих не по своей воле. Хотя в данном случае вопрос воли довольно шаток. Возможно, человек, окончательно принявший непоколебимое решение расстаться со светом мира сего, лишь думает, что так решил он сам, – на самом же деле решился-таки вопрос Сверху и Снизу, и как бы там человек не думал, а всё произойдёт и глазом не успеет моргнуть, ну или не состоится акт самосокрушения. Вон взять, к примеру, случай с его каким-то там дальним родственником (бог знает, как его звали – Святик имени и не помнил). Мать рас-

сказывала эту историю своей подруге, когда та пришла к ней пожаловаться на своего мужа, – тот пил уже третью неделю, – а она всё причитала, чтоб он «сдох падал». А к чему мать затеяла рассказать эту историю, не ясно, – по всей видимости, абы языки в покое не были. Святик в тот раз по какой-то случайности у двери оказался, понёс чашку помыть, те на кухне сидели. Так вот родственник, задумав покончить со своей жизнью, совершил семь попыток. Все семь раз отличились разнообразием, но ни один не отличился успехом. В принципе не важно, какие то были способы, но ради усиления осознания человеческой безрассудности интересно будет перечислить и их, прежде чем дать свободу мысли Святика о конечном этапе обезумевшего родственника. Первая попытка была медикаментозной, каких препаратов он наглотался, одним врачам было известно. Но бедняга провалялся три часа, корчась от болей в желудке, затем уснул, и проснулся на больничной койке с прободной язвой. Естественно проблема достигла апогея, и третью часть желудка посчитали ненужной. Родственник выздоровел, но только не головой, – в неё пришла очередная идея самоубийства. Если при первом способе горемыка думал уснуть и не проснуться, то при втором решил пропустить сквозь себя разряд тока. И подумав, чтоб наверняка, пошёл в трансформаторную будку. – Святик тогда слушал, не веря, что такое в принципе возможно. Ну, неужели человек может поступать настолько безрассудно. – А родственник возьми и опали себе руку

на процентов шестьдесят (и как мать сказала, получил ожог третьей «Б» степени). Позже Святник заинтересовался, и полез в мед-литературу. Там говорилось, что это тяжёлая степень, – и чем обширнее занимаемая ожогом площадь, тем длительнее выздоровление. При его ожоге требовалась пластика кожи, но родственник сразу отказался. Ожоги этой степени заживают долго, – раневая поверхность начинает восстанавливаться с периферии, т.к. вследствие повреждения росткового слоя кожи заживление идет не по всей поверхности раны, а только с краев.

Родственник-то выжил. Да, он выжил снова, и снова взялся за своё. Это уже можно будет назвать «хобби»...

Над третьим способом он стал думать. После первого его поставили на учёт к психиатру. После второго спросили, не пытался ли он повторить попытку самоубийства, а так как он в психушку не желал, то дал отрицательный ответ. И теперь, когда он таки не отступая от поставленной цели, рассуждал над вопросом, как дальше быть, искал способ более приемлемый на случай несостоятельности смерти, чтоб его не заподозрили бдящие психиатры. Мысль вскрыть вены не рассматривалась – уже понятно, – но никто не исключал потерю крови. Для злодеяния он уединился на дачи родителей. Тем временем с другого конца города, по иронии судьбы ехала на дачу его мать. Родственник ввёл себе в вену иглу, дав свободную течь. Улёгся поудобнее на диване, свесив на пол руку... Так его мать и обнаружила. На этот раз он пси-

хушки не избежал. Родственничек не предвидел того факта, что игла введённая в вену затромбируется, и он перестанет истекать кровью. А прежде он всё-таки потерял сознание и, как оказался в больнице – не знал.

Над четвёртым способом он уже размышлял на койке психиатрической клиники. Он размышлял над словами врача: «Что же вам так свет белый не мил? Зачем же вы себя угробить хотите?» – хрен его знает – зачем... Лишь так мог ответить «искатель смерти» врачу. А что оно на самом деле? – да чёрт его знает..! Ведь как не крути, а всего в голове и не соберётся для нужного, даже самому себе, ответа. Так, что-то переклинило, чем-то этот мир не угодил, кто-то вывел из равновесия, не вышло по жизни так, как того хотел и теперь не видит человек смысла в своём пребывании на шарике по имени Земля. Кто-то рассказывает о великих тайнах, о познании себя, о жизни, где радуются лишь тому, что они в ней есть и тут же говорят – следует найти себя. Но, как?! Как, когда ты уже практически сошёл с ума от себя же самого и от невыносимости ближних – от этого напрочь чокнутого мира. Но... четвёртый способ... тяжело сделать то, чего боишься. Сложно воспользоваться тем, что на твой взгляд тебя быстро убьёт. Странно – хочется умереть и боишься, что произойдёт это на твоих глазах. Так бы не заметно.., но как видно не выходит. Теперь и электричество исключено – было больно и чересчур на глазах... – этого не учёл, переступив принцип своих желаний. Проведя в психушке год, он не по-

пытался с собой сделать ничего. Проявил себя, что называется, положительно и был выпущен на долгожданную свободу. Спустя неделю после клиники, родственник раздобыл полкило мышьяка. Развёл порошок, как полагалось водой, но каждый раз, когда выпивал глоток – его тошнило и тут же рвало. (Откуда мать знала эту информацию – не понятно, ведь тот уличён при четвёртой попытке не был). А вот совершённый им пятый способ наделал много шума, врачи психиатрической клиники, в которой чудаковатый родственник лежал, тоже не избежали вопросов, на которые у тех нашёлся ответ, походивший на лепет студента-первокурсника перед доцентом. На этот раз «искатель своей смерти», долго решаясь, задумал спрыгнуть с крыши (он сильно боялся высоты и выбрал место пониже). Залез на крышу двухэтажного дома, посмотрел вниз, закрыл глаза и прыгнул. Рядом с домом росли деревья с густой листвой, за ней ничего не было видно... – благодаря его стараниям уйти на тот свет, ушёл прохожий, который попал под него. А он сломал ногу. Можно себе представить скандал...

Легче чем получить веский довод от него, – легче, действительно убить. Но, увы, ни те законы. Тем более он заветренный псих... Снова клиника. На этот раз он провалялся около двух лет. Были попытки сбежать. Ловили. Использовали электрошок, от которого он впадал в истерику, видимо по старой памяти, тут же ему кололи успокоительное, и он спал, чуть ли не по двое суток кряду. Потом, когда он был

дома, мать говорила, что совершал ещё две попытки по-тихому, окончательно слетев с катушек.

Далее же произошло не менее странное: давным-давно, задолго до совершаемых самоубийств, родственник Святника играл в духовом оркестре; спустя годы он надумал в него вернуться. Видимо о его похождениях, образе жизни они не знали или чёрт знает, что было в их головах, ведь оркестр их состоял, как говорят, из таких же идиотов, как он. Да и спрос на них был только на похоронах. Репетировали они в старом районном клубе. И вот однажды он проходил по тёмному коридору, чтоб попасть на сцену, где располагался оркестр и неожиданно упал, и не встал, и не очнулся. Нашли его рано утром – уборщица разрезала своим истошным криком тишину ещё спящего «погорелого театра». Врачи поставили диагноз – острый инфаркт. Родственник никогда не страдал сердечными расстройствами и для близких это было шоком. Патологоанатом сказал, что «пациент» сильно чего-то испугался. Произошла тампонада сердца: после разрыва миокарда кровь излилась в сердце, и оно сократилось в объёме и перестало выполнять свои функции. В общем, как в народе говорят: умер от разрыва сердца.

Так что, какая там своя воля может в этом участвовать – это смешно.

Чем являлся для Святника в тот момент страх: предостережением, способом Высших Сил уберечь его от глупого поступка? А может что-то другое хотело его подначить, – под-

толкнуть на этот самый поступок (может он вовсе и не глупый), доведя страхом до аффекта? Но до него было далеко. Силой рассуждения Святик додумался до того, что задал себе вопрос: а может он вовсе и не самоубийца? Возможно, и не настолько его довёл этот мир, что всё ещё не решился на шаг вниз...

Зазвонил в кармане мобильник.

Соседская собака чуть не вырвала хозяйке руку, бросившись вдогонку за двумя велосипедистами. А затем, будто разнервничавшись, изогнула нелепо своё тело, и в мановение ока наложила кучу экскрементов, чем ещё больше взбесила хозяйку...

Попытавшись достать телефон, Святик заметил, что сделал неосторожное движение, и для начал аккуратно слез с парапета, поймав себя на здравости своего рассудка.

– Алло... – Святик растянутыми шагами медленно замаршировал по крыше, вмяная разогретый на палящем солнце рубероид.

На том конце трубки засопев, голос, видимо очень гордившегося своей грамотностью старика, начал:

– Святослав Георгиевич? – И не дождавшись ответа, продолжил: – Меня зовут Эльдар Романович. Я слышал, у вас проблемы... Мог бы вам помочь, если вы того желаете...

– С чего такая щедрость? – Съязвил Святик.

– Щедрость?.. – Прозвучал удивлённый старческий голос. – Не спешил бы я раскидываться столь дорогим. Да

и вам не советовал бы применять такие слова...

Святик понимая, что столкнулся с весьма странным положением, решив сменить тактику, коротко выдал:

– Н-ну...

– Молодёжь нынче не весьма отличается воспитанием..!

Святик глубоко вдохнул воздух, подавляя в себе нервное негодование.

– Хочу познакомить вас с одним человеком...

– С каким ещё человеком..?!

«Та сторона реки»

(Философия странного человека; кое-что из другого детства и чуть постарше...)

Можно подумать, он угрюм, а он жил с таким выражением лица вот уже как двадцать лет три месяца две недели и ровно пять дней, до того момента, когда его увидел Святик на заброшенном мосту около старого парка над полувысохшей речкой, имя которой давно никто не помнил. Лишь камыши шелестели, неугомонно подквакивающим лягушкам. Он приходил на этот мост каждые вторник и четверг. Было видно, как шевелился его нос, принюхиваясь к запаху застоявшейся воды, лёгкому ветру, что пронизывал насквозь деревья, летя с той стороны парка, прищуривались глаза пытаясь рассмотреть дальние уголки ландшафта. Руки спокойно лежали на перилах, дыхание чувствовалось глубоким, словно старательно был втягиваем каждый кубический миллиметр драгоценного чистейшего воздуха.

Как бы ты не стремился к просветлению, всем рассказывая истории постигших людей, бегая с квадратными глазами на работу с работы, угождая всем и вся своими благо-

ми, и получая плевки в свою сторону, плевки «благодарных» друзей, которые смотрят на тебя, будто ты им должен по гроб жизни. Ты будешь топтаться на одном месте, так и не поняв, где удовольствие и радость настоящего. Бесконечно крутятся, как белка в колесе, сбиваешь себе ноги в кровь.

– Я же, не хочу ни кому ничего доказывать, мне, честно говоря, это и надоело, а точнее – этого делать не нужно, да только понял это я не сразу. Всякое спорное дело остаётся спорным, если заводится спор, итог один – каждый остаётся при своём мнении для себя верном. А с истиной не поспоришь, но никто её не знает, а точнее не замечает и потому спорят даже с ней, и остаются в неведении, потому как спор рождает глупцов. – Он говорил, а Святик слушал, раскрыв рот. Это был художник, Всеволод Радный. Его жизнь в корне отличалась от жизни Святика. Зачем-то Эльдар Романович, который оставив их на мосту, сейчас разговаривая с кем-то по телефону, познакомил его с ним.

– Не надо тянуться к «высоким религиям», – продолжал Всеволод, – чтобы понять духовность, надо просто прислушаться к себе, к тому, что говорит наше сердце – оно имеет желания, ими не следует пренебрегать. Один служит Богу в храме, другой на сцене, третий на пленере, в мастерской. Кто-то отдаёт свою дань на печатной машинке. – Всеволод сделал паузу. Посмотрел на ошеломлённого Святика, у которого, по всей видимости, уже закипал мозг. Продолжил: – Вы, когда-нибудь обращали внимание, как много иди-

отов вокруг. – На это Святик усмехнулся... – Конечно, само собой, – констатировал его усмешку Всеволод.

– На одной из выставок картин (выставка была смешенной, в одном углу висели два портрета, рядом с ними несколько пафосных натюрмортов, дальше пейзажи и т.д.), я остановился перед одной работой, автор неизвестный, под картиной название «Солнце в стакан», да, именно ... в стакан, не ... в стакане. Художник наверное призывал светило закатиться в посуду, при этом вокруг было довольно мрачно, одинокий гранённый кусок геометрии на серо-бурой поверхности и серо-голубом фоне. Люди толпились, что-то говоря друг другу, отдельные персонажи, прикладывая большой и указательный пальцы к подбородку, сводя вдумчиво брови, с согласием пошатывали головой. Меня это смешит, без всяких экивоков. Каждый хочет показать себя духовным философом, культурным воспитайкой, великим «Великим». В двух шагах от людей будет висеть прекрасный пейзаж с чудесными берёзами, зеркальной лужицей, замечательной игрой света и тени, но они будут толпиться возле двух треугольников и кляксы на холсте, рассуждая и вкладывая из воздуха взятую философию. Мгновение и толпы нет, останется один человек, и – глаза посмотрят на берёзы.

Я люблю ходить по таким местам, там можно найти много полезного и идиотизм, которому не устаёшь удивляться. Зачем? – Чтобы понимать, что со мной..! Чем громче выставка, кстати, тем идиотизма больше. Ещё не люблю выражение

«каждому своё», оно несёт за собой призыв к пошлости, хотя конечно каждый имеет свой взгляд и право на него... только это выражение толкуют кому как вздумается... В прочем, люди себя ведут так всегда во всём, а потом оправдывают свою слабость.

А человек на мосту это самый банальный для современного общества художник-пейзажист не много реалист, не много импрессионист, он любит природу и передаёт её на холст. Он мастер, который не ленится, работает, а не копается в дебрях своей подсознательной шизофрении, не рассчитывает на дурака, поверившего идиоту-искусствоведу.

– Я написал четверостишие об этом:

*Я с кисти бросил каплю в пол,
Халата вымазал подол,
«Шедевр» – скажет идиот
И философский смысл найдёт...*

– Если бы вы писали солнце, что оно сказала бы смотрящему на него? – Так прозвучала его первый вопрос, которого Святик, признаться не ожидал, вообще ничего не ожидал. Он стоял рядом и просто слушал, Всеволод продолжал рассматривать даль. Святик посмотрел туда, куда смотрел он. Пауза тянулась.

Святик не знал, как ответить на вопрос. Промолчать было не удобно. Ляпнуть, что попало, тоже не вариант.

– Может о радости... солнце это всегда радость.

– По-вашему солнце настолько посредственно, что может светить только в моменты радости?

– Просто детство, в детстве всегда радостно, когда светит солнце.

– В детстве радостно и во время дождя... – Сразу последовал ответ.

Святик понял, что несёт бред, но ничего поделаться с этим не мог. Он подумал, что не должен молчать.

– А как же, когда человеку грустно, а солнце светит? – Продолжал говорить Всеволод. – Или же человек счастлив и даже самая пасмурная погода, самого серого цвета, будет переливаться всеми цветами яркого солнца.

– Вы хотите сказать, можно написав дождливую погоду, много сказать о солнце?

– Почему нет? – Всеволод улыбнулся и повернулся в этот раз к Святику, с каким-то намеренным взглядом. – Когда мы пишем природу (все равно что), должны всегда думать о солнце и никогда не забывать о нём. Тогда твоя природа будет всегда жива. Даже по самой «дырявой» памяти. Когда тучи нависли густо над землей, и мы не видим солнце, оно ведь не исчезло. И когда наступила ночь, солнце не закопали в землю.

Теперь солнце и слова Всеволода не выходили из головы Святика. Больше в тот раз не прозвучало ни слова. Художник показался довольно странным человеком для Святика, но он определённо порадовался, что среди идиотов нашёл-

ся такой человек. Одновременно с тем он подумал, что возможно с этой необычной философией можно связать свою работу, – начать давать что-то большее, нежели сплетни замоскворецкой жизни и выдумки такого же, как все, выходит идиота, – так подумал Святик о себе. Следующий, о ком он подумал, был престарелый Эльдар Романович, как сам представился, юрист по первому образованию, психолог по второму и филолог по третьему, сказал, что имеет какое-то издательство. Его не интересовала предыдущая писанина Святика, но что-то вселило в его сердце надежду. «Я вижу, ты сможешь сделать гораздо больше...» – сказал Эльдар Романович, когда встреча с Всеволодом состоялась. И теперь они ехали в машине. Зачем это было нужно, на тот момент ещё не было понятным. Но по какой-то причине Святик согласился поехать с незнакомцем, не ведая, кто он и зачем ему это понадобилось.

– Зная, где вы находились в то время, когда я вам звонил, могу предположить, что вам в определённой степени надоело жить, а до конца предполагая сложность вашей жизни, позволю провести параллель со своей жизнью. Моя мать так же, как и ваша потратила свою жизнь на несколько браков, а точнее мужчин, с которыми провела, в основном молодые годы жизни. С тремя из них вступала в официальный брак. С двумя прожила не долгое время в сожительстве. Хотя если соизмерить её не официальные отношения с официальными, то стоит заметить, что её сожительства можно по-

считать более полноценными браками, но и то – «бог знает, что...». Как вы, я хотел покончить собой... нет, не подумайте, не жизнь матери послужила для того мотивом. Как-то раз я огляделся вокруг и заметил, что рядом со мной нет ни души. И что самое страшное – внутри меня пустота, – да, даже своей собственной души я не ощущал. Мне было столько же лет, сколько вам сейчас. И, кстати, глядя в ваши глаза, скажу, что мой взгляд был точь-в-точь схож с вашим, когда ко мне подошёл человек, и сказал, что не эта дверь может стать выходом в моей жизни. И посмотрел я на него, как на очередного идиота...

Святик же не смотрел на Эльдара Романовича, как на идиота, да и параллели никакой не видел. Но странное чувство чего-то неприятного не оставляло Святика. Сквозь толстые чуть ли ни телескопические линзы очков на него смотрели вполне адекватные глаза старика. Эти глаза многое видели за свою не короткую жизнь, – видели так много, что себе невозможно представить, а если таки и выйдет что-то, то это будет казаться на грани какой-то выдумки. Вид старика говорил о его примерно семидесятилетнем возрасте, но, когда Эльдар Романович сказал, что ему девяносто восемь лет... По сути, так разобраться, нельзя сказать, что в его молодости можно было как-то выделиться, – ведь все были равны и никому до «красок жизни» дела не было. Военные годы размазали всё до равномерного серого цвета, стирая рубежи острых боевых пяти лет на пару десятков, лишь к концу которых

можно было рассмотреть, всё ещё размытый спектр восстающей радуги жизни. Но, невзирая на эту картину, Эльдар Романович предпочитал свою серую жизнь окрашивать в цвета, которые ему нравились, хотя бы по возможности. Этих возможностей на самом деле было мало, – ведь по тому многие и смерялись под руку войны с её нищетой, голодом, холодом, невозможностью получать образование, делая на всё скидку. Люди даже в мирное время не стремятся повыситься свой уровень, опять-таки делая скидку практически на всё, – то у них виновато правительство, то кто-то придумал кризис, то данное место не подходит для их жизни или сегодня болит голова, живот и так далее, и потому: «отложу это столь важное для меня дело...». Никто не стремится перешагнуть порог собственной колыбели, в которой он укачивает сам себя, не давая шансов на пробуждение. Эльдар Романович был из того малого десятка, о которых говорят: «Выделяется». Но только те, кто выделяется, обычно остаётся на прежнем месте и таких много. Этот старик, как раз и относился к малому десятку, – тому, кто знает, чего желает.

– Я, наверно из того поколения, на долю которого больше всего пришлось. Родился я, когда славной Российской Империи уже не стало. Закончилась Первая Мировая Война и ровно через две недели после того, как объявили (11 ноября, 1918 года) победу над германцами, родился я (25 ноября, 1918 года). И меня, как я думал, стали преследовать неудачи за неудачами. А грешить я стал на понедельник, в кото-

рый родился. Грешил на понедельник, грешил на отношение к жизни своей матери, грешил на отца, которого не знал, — да и мать, в общем-то, тоже его не знала. До меня у неё было четыре беременности — две из них она прервала абортми, одну прервал кулак какого-то забежавшего к ней трижды на недели белогвардейца; и одна беременность завершилась выкидышем (с начала её из окна, а затем того, кто был в её чреве, когда она валялась распластанная на земле). Тогда мать сломала ногу, вывихнула плечо и ушибла голову. Провалявшись два месяца в постели, умудрившись ублажить пять забежавших к ней..., она, наконец-таки встала, с горем пополам начала расхаживать ногу, тем временем думать над своей жизнью. Обнаружив в себе зачаток новой жизни, не подпускала к себе никого. Подалась в санитарки, служить в госпитале Красной Армии. Первая мировая закончилась, но развязалась в России Гражданская война, по сути как началась в 1917, под шумок во время мировой с революции, так и продолжалась вплоть до 1923-го. Её положение становилось всё более явным. И под потоком многочисленных, совсем ей не нравящихся вопросов она оставила службу и уехала туда, где её никто не знал. А спустя два года её нашёл врач, который пытался ухаживать в госпитале. Не понятно, какими такими путями, но он, как сказал, что намеренно приехал к ней. Но мать всё же дурочкой не была, и знала, что новый ухажёр вовсе не намеренно за ней приехал, а по стечению обстоятельств, будучи направленным ру-

ководством, и значит встретил он её случайно. На новом месте она создала о себе историю, которую знал и я на протяжении нескольких лет. И живя с полной уверенностью, что мой отец врач, мне было сложно принять правду о жизни матери, которую она мне рассказала, когда рассталась со вторым гражданским мужем. Мне было грустно, что врач-«отец» больше с нами не общался, а кого-то меня мать заставляла называть «папой». Когда она наседала на меня с особым усердием, я сбегал из дому, а возвратившись, видел пьяного хахаля, намеревавшегося выпороть меня. После таких действий я сбегал на более долгий срок. Мечтал поскорее повзрослеть, и начать устраивать свою собственную жизнь, не натываясь на бесконечные вопросы со стороны чужих людей. Мне всё равно на их мнение, я в любой момент мог выдумать кучу историй, лишь бы от меня отвязались. Но каждый раз мне приходилось чувствовать себя, как на принудительном допросе. Я рано начал замечать вокруг себя людскую глупость, которой, почему-то все кичились, а высказанная кем-то более-менее здравая мысль воспринималась всеми в штыки. Люди, словно стадо, следуют друг за другом, считая ошибки каждого, держа свой камень наготове. И если вдруг кто-то выделится из рядов «правильной общестственности», следует забить его до смерти, засыпав, как следует, чтоб не пошевелился. Люди не понимают, что больны самой тяжёлой и страшной болезнью – ГЛУПОСТЬ. А ещё я понял, что эта болезнь не излечима. И я вырослел. И мне

сильно было стыдно признавать женщину, родившую меня, мать. Каждый раз я старался избежать лишнего с нею разговора и, конечно же, посторонних взглядов и вопросов. И вот настал первый раз, когда в моей голове что-то перемкнуло, и я решил покончить со своей жизнью. Мне тогда было десять. Была зима. В тот год морозы стояли лютые. Как сейчас помню, была среда; а год был високосный. В ту среду я и отправился замерзать... Я слышал, что, когда человек замерзает, он засыпает, а значит, смерть должна прийти безболезненно и незаметно. И я таки уснул, но неожиданно для себя вдруг проснулся. Тёплая белоснежная кровать, дорогое на тот мой взгляд вокруг убранство, осознание незнакомой мне обстановки создали смешанные во мне чувства. В один миг я ощутил внутри себя страх, покой и разочарование. Сейчас поясню. – Эльдар Романович сделал паузу, покопался в кармане своего пиджака и достал ручку – перьевая, с камерой для чернил. – Это подарок, которым я дорожу всю свою жизнь. Для меня это не просто предмет эпистолярного выражения, – это мой талисман по сегодняшний день и думаю, так будет до конца... – Эльдар Романович потрусил подарок и вернул обратно в карман.

– Мне это перо подарила девочка. Конечно, она спросила разрешения у своего отца, и тот был не против. Более того, он рассказал мне историю, как ему попала эта ручка. Он тоже сидел под мостом и, будучи на грани жизни и смерти (разница наша в том, что он, как я, не стремился умереть) его

застал один человек, – то был писатель, весьма известный, как впрочем, стал и этот человек, рука которого стала для меня спасительной. Ему тот писатель сказал, чтоб он хранил это перо, пока не прославится, а затем передал его следующему человеку, когда проговорит его сердце. Свою дочь он почему-то (тогда было не понятно для меня) всегда называл не по-русски, я хорошо запомнил: mein Herz. Спустя время я понял смысл, – эти люди, спасшие меня, оказались немцами, а точнее – писатель, отец этой самой девочки. – Эльдар Романович похлопал ладонью по груди, где ранее положил ручку. – Он когда-то женился на русской девушке, и у них родилась дочь, голубоглазая, белокурая девочка. Её отец и называл «моё сердце», только по-немецки. И так как лишь её он таковой считал, то и решил, что она – его дочь, ставшая его сердцем, выполнила роль советника по передаче подарка. А писатель сказал, что глядишь и я стану знаменитым человеком. «Ну, или, по крайней мере, мне будет теперь везти», – подумал я себе тогда уныло. Ну, и конечно, страх, покой и разочарование – это те чувства, которые посетили меня в их доме. Начну с последнего: я огорчился, что снова в этом мире. Теперь первое: мне страшно было возвращаться домой. И покой: я задумал ничего пока этим людям не говорить, а насладиться покоем, царившим в их доме. Неделю я не выходил на улицу. Подружился с девочкой, её звали Анна. Отец рассказывал разные истории из жизни. Причём делал он это постоянно. Каждый раз за столом; когда мы игра-

ли, когда мы скучали; когда ложились спать и, скорее всего даже тогда, когда спали. Его истории были всегда новыми, интересными, одновременно простыми и загадочными. Так прожил я с ними месяц. Обстоятельство, которое пошатнуло мой создавшийся мир, кинуло меня снова в бездну прошлого. – На светофоре Эльдар Романович, достал трубку, табак, – набив, раскурил и, вдохнув глубоко дым, продолжил:

– На свою беду я вышел в булочную. – Машина тронулась. – Обычно отец Анны совершал это действие, но ему в тот день было плохо. Писатель страдал подагрой. Это весьма неприятная штука... ну, да ладно...

А я встретил пьяного отчима и тут же постарался скрыться, остаться незамеченным. Спрятавшись за деревом, я дождался, когда его не стало в поле моего зрения. И совершил непоправимую ошибку. Спокойным, настороженным шагом я направился в булочную, находившуюся уже в нескольких метрах от места, где я скрывался. Сыпал снег, – это тоже помогло остаться скрытым. Спустя две минуты я вошёл в булочную. Спустя две минуты и ещё секунд десять был схвачен грубыми огромными ручищами, и в моё лицо уже дышал тошнотворный перегар этого убожища. «Ты куда пропал гадёныш?! Мать вся извелась!» – кричал этот ублюдок. А матери, похоже, было наплевать. Она встретила меня словами: «О-о, явился, не запылится! Ты чё это помирать ходил?». Я думал, мать всё знает или провидеть может. Но я был слишком высокого мнения о ней, довольно много чести

для неё, чтоб так подумать было можно. Мать всего лишь произдевалась. Затем сделала гневное лицо и поставила голыми коленями на гречку, – чтоб перевоспитался. Хотя следовало перевоспитывать её, – но, да бог с ней. Просить прощения, как ждали от меня они, я не собирался – не за что! И стоял пока они глушили самогон, а затем слышал, как за моей спиной скрипела кровать, мать стонал, а отчим называл её постоянно сукой. Когда настала тишина, я ещё стоял неподвижно. Наконец, незаметно постарался повернуть голову в сторону кровати. Они спали. Казалось беспробудно. Я с большим трудом встал. Ноги занемели, гречка впилась в колени и на полу остались два кровавых следа. Понимая, что спать им долго, я, немного отсидевшись, придя в себя, отыскал спрятанные вещи и, как можно скорее постарался убежать туда, где мне было хорошо. Я хотел купить хлеба, но все деньги, которые мне дал отец Анны забрали пьяные родственники. На этот раз я рассказал всё как есть. И правильно сделал, потому что только именно тогда у меня и появилась настоящая семья, о которой я мог раньше лишь мечтать. Долгое время меня не пускали на улицу. Позже мне стало известно, что отец Анны позаботился о том, чтобы на мать и отчима обратили внимание власти, и скоро отчим исчез, а следом за ним куда-то пропала и мать. На какой-то момент мне стало жутко грустно, ведь, по сути, в тот день я потерял свою родную мать. Как не крути, а мне сильно хотелось нормальной жизни рядом с ней. Повзрослев, я стал понимать,

что никакой нормальной жизни с матерью и быть не могло, и мне следовало благодарить бога за новую жизнь, которая мне была дарована.

Прошло восемь лет. Нам с Анной исполнилось по восемнадцать. А её отец пришёл домой с новостью о том, что он отправляется по назначению военным корреспондентом в Испанию. Анна же стала умолять его взять её с собой, но он наотрез отказался. СССР поддержал Испанскую Республику в борьбе с националистами – это был 1936 год. Раз в два месяца от отца приходили письма, – в них он вкратце описывал своё пребывание в Испании. Ничего не говорил о работе, и о том, как скоро он приедет домой. Мы с Анной работали на фабрике. А в 1938-ом меня призвали в армию. Анна осталась одна. А моя служба продолжилась благодаря войне. И я думал, что больше никогда не увижу этих людей.

В 1942-ом я был тяжело ранен и доставлен в госпиталь.

К середине сентября месяца 1942 года немецко-фашистские войска были остановлены Красной Армией под Сталинградом. Но случилось это без моего участия. Тогда я уже месяц, как находился в госпитале и не мог окончательно прийти в себя. Осколок разрубил меня, чуть ли не пополам. Лежал я с кишками наружу. Помню, как вспоминал своё желание покончить с жизнью, затем темнота. Врачи ставили на мне крест, но до последнего старались помочь. Короче, я чудом выжил. Когда моё сознание стало более ясным, я встретил Анну. Она служила в медсанбате. Они привезли

очередных раненых... Пробегая мимо моей койки, остановилась, а я смотрел на неё, ...её глаза смотрели на меня со слезами, ...она что-то писала на бумажке, присев рядом. А я, мог, только держать её за запястье слабой рукой, я даже говорить не мог. Боль, радость, сожаление, ненависть перемешались в тот момент во мне и немощность. «Сюда пиши..!» – сказала Анна, сжав в пальцах бумажку. Свернула её, положила под подушку, поцеловала меня в щёку и умчалась дальше спасать людей. Я лежал, точно ошарашенный молнией, – именно вспышкой передо мной возникла и тут же исчезла Анна.

Я писал потом, но ответа не получал. Война научила меня ценить жизнь. Но не надолго. Я, конечно, продолжал помнить эту цену, даже тогда, когда очередной раз надумал прибежать к самоликвидации...

Перенеся тяжёлое ранение и будучи контуженным, к службе я стал непригодным. В голову полезли разные ненужные мысли. И всё чистой воды плод безделья и переживания своей никчёмности. Анну увидеть мне больше так и не довелось... Но встретил я её отца. Только произошло это спустя пять лет, а пока решил уйти из жизни. Совершив «миллионную попытку» написать письмо Анне и «миллионный раз» не получив ответа, я впал в глубокую депрессию. Меня, точно окружила смерть (хотя было её на то время предостаточно повсюду – поэтому сказанное возможно иронизировано), навязчивая идея, которую оправдывала мысль

о том, что я скучал по Анне и не имел желания оставаться один. Может она там – «на том берегу» и мне следует перейти туда, чтоб встретиться с ней и никогда больше не расставаться. Я понимаю, – был молод, и глупости сентиментального романтизма посещали меня часто, особенно, когда обстоятельства складывались столь негативно. Знаю с этим можно жить и, когда-то даже пережить, что и произошло. Более того вырос во мне и цинизм, причём до неприличия. Увы! Хэ!.. Но тогда я ещё был молод, хотя и жесток... В чём была моя жестокость?

Расскажу. Я не любил животных.

– За что? – Святник, который поначалу смотрел на старика устало, теперь проявлял интерес.

Эльдар Романович посмотрел на Святника, прошёлся по углам своего сознания и продолжил.

– Потому что они живут невзирая ни на что. И мысли оставить этот мир у них, я думал, не возникает. Я знал, что животные уходят умирать, когда чувствуют конец. Но чтобы им приходило в голову покончить с жизнью, – думаю, нет. Напротив, они всячески стремятся сохранить себя, и чем умнее, тем чувство самосохранения выше. Видел, как глупые собаки безрассудно выбегали на дорогу и их давили. И видел, как умные псы, словно рассудительно всматриваются вдаль дороги, измеряя расстояния приближающихся машин.

Но я их не любил. Ненавидел даже. И убивал.

Глупо, правда? Это я понял уже потом. А пока...

После того случая под мостом, я обратил внимание на бездомных кошек и собак. Они бегали повсюду... – голодные, холодные и, возможно я ошибался, но мне казалось, были они довольны своей жизнью. Может им не понять разницы между богатством и нищетой, но я видел и их грустные глаза. Однажды я услышал разговор двух девочек, регулярно, как выяснилось, подкармливающих на улице животных. Одна другой говорила, как ей их жалко, а её подруга всё вторила, какие они несчастные – эти животные. Говорили они о том, как хорошо для них сделать домашний приют. Как им, наверно противно питаться отбросами. Их причитания долго продолжались, а я терпеливо слушал, но вскоре не выдержал и сказал: «В тот момент, когда вы грустите над чёрствым куском хлеба, и ждёте лучших времён, это псина лезет на помойку, нанюхав для себя подходящий паёк, набивает пузо и не задумывается, когда для неё настанут лучшие времена. Да и тепла от вас она не ждёт, и не мечтает, что кто-то из таких как вы заберёт её домой. Поверьте, счастье измеряется вами, потому что вы себе в голове его придумали, а это дикое животное (как бы вы его не приручали, всё, что от вас ему нужно – это еда). Им не нужны от вас лекарства, грелки, крыша над головой, – всё это могут найти животные сами, и если вы им оказали такое добро, они воспринимают, как само собой разумеющееся, – как если бы псина сама нашла, где укрыться. Конечно, она запомнит это место и будет возвращаться, будет вас защищать по одной лишь простой

причине – вы ей приносите добычу. И делаете животным хуже.» – Я не верил тому сам, что говорил, в том смысле, что был мал, но столько всего во мне нашлось и я сумел так хорошо сказать. Мне нравилось, как разговаривал отец Анны и проникался им весь полностью. Когда я его слушал, мир вокруг переставал существовать, – никогда не думал раньше, что люди так могут.

А одна из девочек меня немедленно спросила: «Чем же это мы делаем им хуже?! Ведь мы их кормим...».

Для меня был тот ответ глупым.

«Сейчас вы их покормите, потом вы их покормите, – и так месяц, полгода, а потом вас рядом с ними не будет, – им будет сложно искать корм самостоятельно, и половина из них сохнет с голоду или замёрзнет, потому что не сможет найти подходящий подвал. Домашнему животному трудно выжить на улице, или того хлещи, в дикой природе. Я видел, как кошки сидели под дождём, и у них не хватало понимания убежать в подвал – в двух метрах от них...». Девочки назвали меня идиотом, и пошли своей дорогой. А мне пришла в голову следующая мысль... Как эти девочки я стал заманивать кошек и собак. Но вместо того чтоб их кормить, я их убивал. Перерезал им глотки. Я над ними не издевался. Напротив, их смерть была быстрой. Они все по-разному умирали, а я наблюдал. И поражался тому, что перед тем, как прийти всем к одному, они даже смотрят разными глазами. В тех глазах я видел многое, но не видел одного – же-

лания жить. Я того просто не замечал, пока мне не сказал один человек фразу: «Всё живое имеет сердце, которое может болеть, переживать, бояться, любить и ненавидеть. Каждое живое существо переживает по-своему, и если мы не видим этого, то не значит, что кто-то ничего не чувствует...». Для кого-то это не стало бы убеждением, но я проникся сказанным. И убил ещё четырёх собак, пять кошек, и отрубил двум курицам головы. Сделал я это, чтоб проверить сказанное. Понятно, что я не проникну в глубины сознаний, но то, что по-разному бьётся сердце, а значит, появляется страх – я заметил. И после того, как начинало биться учащённо сердце, я тут же смотрел животному в глаза, – самого меня стал охватывать ужас, который увидел в глазах, что в ту же минуту потухали, когда я совершал смертельный удар. А если отпустить обезглавленное тело, оно может пробежать несколько метров, точно стремясь обратно к жизни. Тогда я перестал убивать. А человек, сказавший мне те слова – это Анна. Она мне не вспоминал потом никогда мою жестокость, а ведь сама сильно испугалась, когда увидела, что я творю.

Эльдар Романович остановился, задумался, словно искал что-то глазами, прокашлялся и продолжил:

– Да, Анна..! Она не отвечала на письма и кто-то мне сказал, что она, наверное, погибла. Я же не хотел в это верить, хотя сам и предполагал, что такое могло произойти, – именно поэтому я решил пуститься «...на тот берег»...

– Что значит «...на тот берег»? – В непонимании сдвинув

брови, спросил Святик.

Словно рассуждая так, что его слова должны понимать все буквально с полуслова, Эльдар Романович посмотрел на Святика весьма негодующим взглядом. Но на самом деле так лишь показалось, потому что старик в силу своего возраста, темперамента, и сложившегося характера имел свойства такого выражения лица. Как он говорил: «Моя физиономия, с первых минут встречи не располагает относиться ко мне, как к доброму старичку...!». А ещё его очки... – в них он смотрелся, точно прищурившимся, когда следует что-то высмотреть в подзорную трубу или бинокль.

– «...на том берегу» – значит «на том свете», – умерла. По легенде старославянской существует мост, «Калинов мост», перекинутый через огненную реку «Сморородину». Река эта разделяет мир живых и мёртвых. В общем, поэтому и сказал так... – Поспешил завершить объяснение Эльдар Романович, чтоб продолжить рассказ.

Святик приподнял брови, сморщив лоб. Но не выпустил и звука.

– Я достал припрятанный мной пистолет. Хотел уйти в посадку, но боялся нарваться на мину. Я потом на это посмеялся, а тогда не понял иронии. Спустился в погреб, уселся поудобней на землю, засунул в рот ствол, положил большой палец правой руки на спусковой курок, крепко зажмурил глаза, что почувствовал, как напряглись виски и сдавили мышцы глазные яблоки. Набрал затхлый воздух погреба в лёгкие,

затаил дыхание. С минуту я просидел неподвижно, и не дыша. Лишь слышать начал, как бьётся моё сердце, и кто-то сопит в темноте. Не придав этому значения, я продолжал сидеть в ожидании... Сердце не давало покоя, его мне становилось жаль, – ведь бьётся, старается, чтоб я жил, а я вот так непринуждённо собираюсь его остановить. Я слушал сердце, пока не обнаружил посторонний звук. Сап вторгся в моё сознание. Улетучилось настроение самоубийства. Отложил в сторону пистолет, поковырялся в кармане, – достал спички. В погребе спал мальчик. И он проснулся от вспышки серы. Проснулся и одёрнулся, постаравшись забиться в угол, у которого спал. «Не бойся...» – постарался успокоить его я, хотя сам, наверняка испугался не меньше из-за его резкого движения. Он старался увидеть меня, всматриваясь сквозь огонь, таратора: «Bitte nicht töten! Bitte nicht töten!...». То был русский мальчик, напуганный до смерти немцами. Они стояли в их селе три месяца. Он не сразу понял, что я ему сказал. Опустил спичку так чтобы он увидел меня. Я понимал, что он не мог быть немцем, и это слышалось в его немецком. И стал повторять: «Не бойся...», а он не переставая, твердил своё, пока наконец не затих. Его взгляд застыл на мне, словно изучая. Прошло в тишине минуты две, сгорели три спички. «Вы не фриц?» – спросил, наконец, малец. Я покачал головой. «Чем докажете?». «Я также как ты могу говорить по-русски...». Но мальчишка перебил меня: «Есть немцы, которые тоже так могут...» – осмотревшись,

он задал вопрос, ответа на который я сразу не нашёл: «Чего здесь прячетесь? От кого скрываетесь?» Я посмотрел на пистолет, стараясь не подать виду. Мальчик был внимателен, и разглядел оружие. Он тут же непонятно откуда достал автомат и направил на меня. «Я только хотел спрятать в карман...» – оставив лежать пистолет на земле, я медленно поднял руки. Я долго объяснял, что воевал, был тяжело ранен и стал непригоден к службе. «А зачем в погреб полезли?..». Говорить о самоубийстве не стал. Погреб был чужим. Мне первое, что пришло в голову, то я и сделал, – погреб был открыт, пуст, а снаружи ни души. «Домой иду...» – выдумал я, – «...но застал дождь...» – погода таки была пасмурной, и что-то с неба срывалось (это дало мне возможность оправдать своё действие). Я заметил, как мальчишка, покосившись в сторону выхода, пару раз шмыгнул носом, вероятно, пытаясь удостовериться в сказанном мной. Вдруг что-то в нём переключилось, и он опустил ППШ (где он его раздобыл, я интересоваться не стал, – хотя интерес был).

Мы вылезли вместе из того погреба, спустя долгую беседу. Парнишка тщательно завернул своё оружие в телогрейку на три размера больше него, перевязал связанной из кусков верёвкой, туда же привязал мешок с чем-то необходимым для себя, из той же верёвки сообразил ручку, чтоб вскинуть на плечо. На моё предложение ему помочь, он покосился со словами: «Первому встречному я достаточно доверился...».

Он был прав. Прав, несмотря на то, что в моих планах не было ничего коварного на его счёт. Он же планировал идти своей дорогой, не задумываясь о том, что идти ему некуда.

Я предложил какое-то время пожить со мной. Жить я продолжал в квартире писателя.

Когда мы пришли, всё стояло так же, как прежде (как несколько лет назад).

Мальчишка с трудом согласился. Но понимал, что так для него будет лучше.

Он сыграл в моей жизни важную роль. Возможно и я в его, но слушая его истории из жизни, понимал, насколько я в отличие от него был слаб. Он знал цену жизни уже тогда, будучи маленьким, а я, выходит, даже не уважал самого себя. Мальчишка тоже видел мир глупым, но это не давало ему повода свергать себя. Я потом понял, что слишком много чести для мира – умирать. Это лишь красивая библейская история...

– Вы не верите в Бога? – спросил Святик.

– Да, я атеист! – Не замедлил с ответом Эльдар Романович. – Но в наше общество входят разные люди...

– Это понятно... – поспешил Святик, но взмах руки старика, заставил замолчать.

– Я не имею ввиду социум. У нас есть своё общество. Я вас с ними познакомлю.

Надо ли было это Святнику, никого не интересовало. И с чем, а точнее с кем он столкнётся, взять в толк не мог.

Общество странных людей

(Дверь на ключ; Дом Офицеров – частная собственность)

Машина остановилась возле Дома Офицеров.

– Мы приехали. – Констатировал Эльдар Романович. Отстегнул ремень безопасности, выключил кондиционер и открыл дверь. В салон ворвалась жара, и пахло запахом растущей рядом сирени. При такой жаре обонянию сложно что-либо уловить, но видимо смешение температур в машине и на улице, дало такой эффект.

– Наговорил я вам, подумаете вы, кучу ненужной информации. Но это я вам скажу, видно будет...

На крыльцо вышел человек, поздоровался с нами, пожал руку Эльдара Романовича, отошёл в сторону и закурил.

– А что за общество? – Видно было, как не давало покоя Святику непонятное сказанное стариком.

– Сами всё увидите! – Отрезал Эльдар Романович, а сам уже стоял возле дверей в ожидании.

Святик предполагая, что им следует чего-то подождать, глядел в характерном ожидании на Эльдара Романовича.

Словно молниеносно докурил сигарету человек, стоявший на крыльце, выбросил окурочок в урну, тут же оказав-

шись рядом, и открыл тяжёлую дверь. Дав дорогу старику, вошёл сам, покосившись с неким пренебрежением на Святика. По правде сказать, выглядел тип скользким.

Помещение, в которое они вошли, было тщательно отремонтировано (по последнему слову технологии), лакированные панели из ДСП были заменены на натуральное дерево, а побелку сменили современные красители и обои. Всё это пахло новым.

– На прошлой недели закончили с внутренним ремонтом. Теперь возьмётся за внешний вид здания.

Святик был безразличен к этой информации. Ему даже наверно было, что есть, наплевать. Он всё думал, с какой целью прибыл сюда. А точнее, зачем его сюда позвали. В общих чертах он понимал, что Эльдар Романович хочет предложить сотрудничество, как автору. Но его не устраивает Святика писанина, – предлагая вылезти из образовавшегося «болота», Эльдар Романович желает получить от молодого писателя нечто новое – то, что раньше не выходило из-под его пера. (Как понял ситуацию сам Святик).

Разглядывая стены, потолок, Святик не думал о качестве покраски и о себестоимости проделанной работы. Всё, что он думал, какой во всём этом подвох. Пока старик вёл его по залам, лестничным маршам, узким коридорам, рассуждая о том, как всё было здесь запущено, Святик прикидывал разное в голове, но ничего толкового из его мыслей не выходило.

Вскоре они оказались в просторном кабинете.

Дощатый коричневый пол, стены обшиты панелями из дуба на метра полтора в высоту, выше и до самого потолка бледно-голубые, на скорый взгляд почти белые в синюю полосу обои; потолок в два уровня, белый по краям и такой же бледно-голубой в середине, как обои. Повсюду свет, подсветка. В трёх углах стоят торшеры. По столам расставлены лампы (штук восемь на первый взгляд). А стола три. Один маленький – журнальный, стоит он возле кожаного дивана. Второй длинный, окружённый стульями с высокими спинками, их восемь. И третий стол – письменный, – он массивный, оббитый синим сукном, на нём самая большая настольная лампа, наложены книги, какие-то бумаги, лежит закрытый лэптоп. Кожаное кресло находится чуть-чуть в стороне, а вернее (по всей видимости, намеренно) у огромного окна. На одной стене висит экран-плазма, – расположенный таким образом, чтоб на него могли смотреть, повернув вполоборота голову сидящие за длинным столом. Два шкафа плотно набитые книгами, возвышались до потолка. Да, – ещё высоченные напольные часы, они как раз отбивали три часа, когда Святник и Эльдар Романович вошли в этот кабинет.

– Ну, как вам, Святослав Георгиевич, впечатляет?

– Зачем мы здесь? – Точно не обращая внимания на вопрос, нахорохорившись задал свой. Один, затем другой: – Мы же приехали обсуждать сотрудничество?

Эльдар Романович поднял кверху палец, сделав отрица-

тельный жест.

– Не надо торопиться, Святослав Георгиевич. Так дела не делаются. Всему свой час.

Эльдар Романович посмотрел на часы на руке, – сверил с напольными, глянул на письменный стол, там тоже стояли часы. Старательно поправил время и удовлетворительно опустил руку, а голову поднял и уже смотрел на Святика, намериваясь сказать что-то важное. Тот ждал.

Эльдар Романович снова поднял руку на уровень плеча, выставил указательный палец и им, как дирижерской палочкой стал мелодично совершать лодочные покачивания под счёт, который сам повёл.

– И раз, и два, и три, и четыре... – на другой руке зажал мизинец... – и раз, и два, и три, и четыре... – ...зажал безымянный палец... – и раз, и два, и три, и четыре... – ...средний палец...

Святик смотрел на происходящее, раскрыв широко глаза. Можно было смело подумать – старик чокнулся. Когда прозвучала пятая четвёрка счёта, – на руке зажат был большой палец, Эльдар Романович, с лёгким шипением сказав:

– Щщасс... – указал «дирижерским пальцем» на дверь. Та распахнулась и в мановение ока, кабинет наполнился людьми.

То были совершенно разные люди. Семь. Семь человек насчитал Святик. Глянул на длинный стол, на стоявшие вокруг него стулья, и сообразил ту идею, что он восьмой, со-

гласно посадочных мест. Большое кожаное кресло выходит, предназначалось старику. Всё так, но не совсем...

В кабинет вошёл восьмой, – тот самый художник, с которым Святик недавно встретился. Выходит, Святiku места нет. В некоторой степени он с облегчением выдохнул, потому что он, скорее всего, покинет это место в ближайшие несколько минут.

Но дверь закрыли. Кто-то с обратной стороны провернул ключ в скважине три раза.

Не проронив никто ни слова, стали рассаживаться за длинным столом. Художник, Всеволод уселся на диван рядом с журнальным столиком, закинув ногу на ногу, схватил прижатую вазой газету и принялся бегать по ней глазами. Эльдар Романович со Святиком продолжали стоять на том же месте, когда Эльдар Романович протянул руку и предложил занять свободный стул. То было угловое место.

Пораздумав пару секунд, Святик прошёл к указанному месту и сел. Оглядев всех, он обратил внимание, что каждый занят собой, и никому ни до кого нет дела. Пробегая по лицам, Святик стал изучать.

Естественно он ничего не мог сказать об этих людях – ни о ком он не имел даже малейшего представления. Разве что об этом художнике, – Святик подумав, перевёл взгляд на человека, точно отсутствующего в сложившейся обстановке. Хоть он и не один такой, но всё же – он отдалился от прочих.

Но его Святик не знал тоже.

Парочка подростков сидели на другом конце стола – девочка и мальчик, бурно обсуждавшие что-то, – единственные, кто болтал в этом кабинете. Неразборчивость их слов не давала понять темы их увлечённой беседы. Рядом с ними сидела, по всей видимости, слишком озабоченная своими руками женщина. Она в них старательно пыталась разглядеть... – то ли она высматривала свою судьбу, то ли руки её чем-то не устраивали, ведь вид у неё был ещё тот (недовольный). Напротив подростков сидел мужчина средних лет с кавказскими чертами... По соседству с этим мужчиной сидели ещё двое с отрешёнными взглядами. Рука одного из них постукивала костяшками пальцев по столу возле руки Святика, – на то Святик без конца отвлекался. За его спиной сидел художник, шелестя газетой.

Эльдар Романович ковырялся в книжном шкафу, затем в письменном столе, потом в высоком пенале, где плотно были забиты папками полки.

Кресло всё ещё стояло возле окна.

К Святiku обратился человек сидящий напротив. Его Святик упустил. Почему-то не заметил, просматривая лица.

– Вы верующий? – Вопрос прозвучал неожиданно, из пространства, в котором Святик не находился. Он сразу и не понял, кому был адресован вопрос...

– Простите, вы верите в Бога?.. – Снова прозвучал вопрос, как раз в этот момент Святик повернул голову к странно внимательным глазам. Такой взгляд он наверняка видел впер-

вые. Когда раньше Святик сталкивался с подобным, то бежал прочь сломя голову и рассмотреть, насколько глаза этих людей могут в тебя врываться заметить не мог. Его состояние подверженное паники сводило бдительность к нулю, если не сказать, что опускало и того ниже. Предположительно – самим Святиком, – то была фобия. Он панически боялся разговоров о вере. О Боге. Его с силой отталкивала волна чего-то невидимого, чего-то, что Святик боялся утратить, то чему был благодарен, ведь оно не давало ему перешагнуть грань, и оказаться на той территории, которую сам считал безрассудством. Святик прекрасно знал, что такое фобия, – поэтому и дал своему психическому состоянию именно это определение, изначально он сам боялся заразить рассудок, хотя, ведь твёрдо был уверен в своём скепсисе. Никакое духовное наитие не имело надлежащей силы снести сию стену. Но так как он понимал, что больше боится, нежели способен противостоять со всей фактичностью рассуждения и убеждения, то и был благодарен за ту самую волну...

Здесь же было деться некуда...

Святик отрицательно покачал головой. Не произнёс ни слова.

Человек продолжал ковырять его своим взглядом.

За спиной художник не прекращал шуршать газетой.

Подростки не замолкая, обсуждали свои глобальные вопросы.

Рядом человек не переставал выстукивать пальцами

по столу.

Эльдар Романович что-то искал.

Женщине не давали покоя её руки.

Всё это разогрело невыносимый шум у Святика в голове, тикающую резкую боль в висках. Всё вокруг превратилось в какофонию. В содействующее зарождающемуся безумию. Но этого не случилось. Рассудок остался на месте.

Они были явно странными людьми, но что-то в них говорило Святику об их здравости, хотя не о каждом можно было так сказать сразу.

Голоса странных людей

(Пастор, женщина-«Эйнштейн», сосед-«спаниель», очень густые брови...)

Человек продолжал смотреть, ожидая ответ. А Святик продолжал бороться за свой разум. Однажды он упал в обморок. Это было в подростковом возрасте, прямо в классе, когда обстановка походила на ту, что была в кабинете Эльдара Романовича. Но тогда людей в замкнутом пространстве находилось куда больше, чем теперь – раз в шесть. И крик зашкаливал за все возможные меры. Сейчас – в кабинете, в отличие от класса было тихо. Лишь что-то пошатнуло психический фон, скорее всего, на почве пережитых событий в первой половине дня, да и накопилось всего перед этим. Святик определённо чувствовал себя не в порядке, и это его тоже пугало.

Не хотелось ему снова при всех упасть в обморок.

В затылке, в висках теплело, в глазах темнело с периодическими прояснениями.

На столе стояли бутылки с минералкой и стакан каждому.

Человек, обратившийся с вопросом к Святiku, продолжая смотреть всё тем же взглядом, открутил крышку одной из бутылок, налил немного содержимого в стакан и поставил пе-

ред ним.

– Попейте. Вам видимо нехорошо! Какой-то вы бледный, а губы совсем синие.

Остальные не отвлекались от своих дел.

С первых же двух глотков стало лучше.

– Я скептически отношусь к церкви и к существованию бога... – через паузу Святик добавил: – ну или богов.

– На какой-то момент я тоже засомневался..! На то были причины.

Святик поставил пустой стакан на новенькую, душистую поверхность стола.

– У меня бабка баптисткой была, дед католиком. А мать каждое воскресенье в кафедральный собор ходит. Знакомые спокойно не проедут мимо храма, церквушки, каплички, чтоб не перекреститься... Только я знаете ли не увидел ни в одном из них христианина. Я читал библию и не раз, и думаю, знаю, что говорю. Даже церкви не похожи на те, что описаны апостолами.

На удивление самому себе, Святик заговорил на эту тему. А взгляд не переставал быть пронизывающим.

– Однажды я остался в церкви с тремя людьми, – начал незнакомец. – На одно из моих служений пришёл человек...

– Вы священник..?

– Да. Пастор одного евангельского прихода. Нас обычно называют сектами. Но, как вы правильно сказали, ни одной церкви нету по описанию в Священном Писании. Люди при-

выкли всё подстраивать под своё благо. И сектой именуют всё то, что не подходит под их формат. Форматом они называют всё то, что не нарушает их организационного комфорта – они сами и их слову подобные. При этом каждый будет считать себя правильной.

Присутствующие в кабинете продолжали заниматься своими делами.

– Так вот пришёл один человек. Он прошёл через весь зал и сел в свободное кресло в первом ряду. Там, где обычно сидят служители и особые гости, – такими мы называем приглашённых проповедников, их жён, детей, их помощников – дьяконов, водителей, охранников. И всё внимание этот человек, естественно привлёк к себе. Он же проигнорировав место-указателей, старавшихся направить его по залу, дал понять, что знает, куда ему надо. Ясное дело всех внимание он занял. В церкви на тот момент было полторы тысячи прихожан плюс заинтересовавшиеся одной новостью. Она наверно облетела полмира. Тогда произошла большая авиакатастрофа. Из всех прибывавших на борту людей осталась в живых лишь одна женщина – сестра из нашей церкви. Ничем не примечательная, она даже не числилась в списке членов, прославилась, как бы «не резало ухо», благодаря этой злощастной аварии.

Её слова перед камерами:

«В моей жизни ни так много бывало чудес, а может, их и не было вообще. Я выжила, и это чудо.»

Иисус велик! Он меня спас! Я буду свидетельствовать о спасении в церкви! В это воскресенье! Аллилуйя!

Там погибли люди. Они умирали мучаясь. Всё свистело, трещало, салон разрывался на части. Сначала горел один двигатель, затем второй, потом произошёл удар. Нет, не об землю. Мы тогда были всё ещё высоко в небе, а под нами сплошные облака. Может это молния ударила по самолёту, может, запустили в нас ракету. А поджог двигателей запланировали. Я сидела возле иллюминатора и боялась посмотреть в него. Меня, точно сковал ужас. Я не на что не рассчитывала в тот миг. Ничего не думала. Один сплошной ужас. Обшивка в нашем салоне, как клеёнка стала плавиться, сделавшись огненным дождём. Мне это напомнило Содом, – знаете? – (когда были уничтожены грешники). И все кричали, прижимались друг к другу. Стюардессы старались всех успокоит, но какое там могло быть спокойствие, когда вместе с приветливыми, но также перепуганными девочками в униформах по салону уже шла смерть. И были те, кого она уже забрала. Я вспомнила про библию. Сосед по креслу полез в свою сумку, достал ингалятор, которого ему не хватало, он задыхался, бледнел, синел, держался за грудь. Одна из девушек экипажа достала ему кислород, и он стал глотать воздух. Этот человек напомнил мне выброшенную на берег рыбу. Но всё было тише. Когда я отвлеклась, а стюардессы были заняты другими пассажирами, а затем и вовсе куда-то исчезли, я обернулась

и увидела соседа мёртвым. Обшивка билась об его лоб. Набравшись смелость, я протянула руку и попыталась убрать с лица, глаза его были открыты. В другой руке у меня была библия, мне не хотелось её выпускать, но положив на колени, потянулась, чтоб закрыть глаза соседу. Упала библия, дёрнуло изо всей силы самолёт. Я натянула на покойника одеяло, которым он укрывался во время полёта, и полезла искать книгу..., страх одолел меня с ещё большей силой, когда не могла найти пропажу. Мне не нужно было ничего, лишь бы Бог не оставил меня вместе со Своим Словом. Пока я искала, обнаружила ещё мёртвых. Стало невыносимо страшно. Мне стало ясно – я должна умереть от страха. И уже почти смирилась с этим выводом, даже не заметила, что моя рука лежал на моей родной библии, а сверху на капал огонь и на запястье образовался ожог. Но почему-то сразу не чувствовала боли. Врачи сказали – это шок. Когда я это увидела, закричала, одёрнула руку, тушила огонь. Люди задыхались, – было тяжело дышать. Кислородных баллонов катастрофически не хватало. Во мне же что-то успокоилось, я открыла псалтырь, стала читать, одно за другим, пока не настала темнота. Глаза я открыла, когда лежала на каталке, на лице была маска, а тело пристёгнуто ремнями. Я видела, как опускались тросы с крюками, какие-то люди пристёгивали их к каталке, потом махали руками вверх, а я снова куда-то летела. Надо мной вертелся вертолёт и обдувал меня ветер. Мне опять было страшно,

но сил не было. Снова темнота. В себя пришла в госпитале. Врачи сказали – повреждений нет, кроме некоторых ожогов».

В тот час перед телевизором оказался он – человек, севший в первом ряду.

Женщину встретили телевизионщики у дверей госпиталя. Как они позволили всё ей сказать и, мало того всё выпустили в эфир?

«Вы с какой церкви? Вы православная? Вы думаете, что это пасхальные чудеса? А что, разве в самолёте больше не было верующих? Или может, вы на борту были единственной праведницей, как в Содоме Лот? Ведь именно этот город вы упомянули..!».

Журналисты засыпали её вопросами. Она же приняла образ святого во всей силе...

«Богу слава! Отцу, Сыну и Духу Святому!»

Завершила она своё свидетельство.

«Аминь!».

И вся церковь её единодушно поддержала. Все без исключения. Я хлопал. Радовался за сестру. Люди выкрикивали хвалу Господу. Хор рукоплескал. Воздымались вверх руки. Хор начал петь гимн.

Стоял спокойно лишь один человек. Тот самый человек в первом ряду. Я постарался быть незаметным и посмотрел на него. Он просто смотрел прямо перед собой. На женщину. Она рукоплескала, глазами пробежала по ликующему за-

ду и время от времени натыкалась на странного человека. Это был старик.

Я подошёл к нему. Встал рядом. Я думал, он ведёт себя так спокойно в силу своего возраста и характера.

На мои вопросы он не отреагировал, и я подумал, что он глухой, а значит, внимательно смотрит на губы, чтоб по ним читать. У нас в церкви был сурдопереводчик. Я тут же позвал. Но было поздно. Когда мы подходили к нему, он подошёл к женщине.

До определённого момента я не знал одной новости. Важной новости. Таким пренебрегать не следует. На борту погибшего аэробуса в другом салоне летели трое наших друзей. То были очень хорошие люди, с хорошими крепкими семьями. Они погибли.

Не успев опомниться, я уже слышал голос. Микрофон был включен. Женщина держала его в руке.

«Может Христос забрал всех тех людей, а вам дал ещё шанс?..»

Слова прозвучали, как гром. Я остолбенел на месте. Зал стал замолкать. Вместо возгласов покатылся шёпот. У меня похолодела спина, на лбу выступила испарина; а шёпот в отличие от громогласных радостных криков стал сотрясать стены и потолок. Вот-вот рухнет штукатурка. Но это всё, конечно же, только казалось.

Служение в тот день было. Это было тяжело. Зал был накалён.

Самое тяжёлое служение.

Тот старик тоже досидел до конца. А когда он вышел и остановился на ступенях храма, к нему подходили люди о чём-то спрашивали, пожимали руку и уходили. Мне было интересно, я стоял в стороне и наблюдал. Когда решился подойти, меня отвлёк администратор церкви, – сказал, что стройку придётся приостановить из-за нехватки средств, потому как кредиторы потребовали через два дня выплатить весь долг, собравшийся за полгода, но тех денег что были, не хватало. Мы старательно высчитывали каждый месяц с мыслью выплаты немного позже и всей остальной суммы, и влезли в долг. Мы рассчитывали на служение такого масштаба, но...

Да, написано, на Бога надо уповать, а не на людей. Так и есть. Но фактор внутреннего человека, а он сомневается, срабатывал и у самых отпетых святых. Даже Иисус надеялся, что «чаша сия его минёт», когда он молился в Гефсиманском саду и обливался кровавым потом. Так, что...

Старик ушёл, и я думал, больше никогда его не встречу.

Той женщины я тоже не видел и до сих пор не знаю, где она теперь.

– А старика встретили? – Спросил Святик. Его отпустил приступ фобии.

– Встретил, но это потом...

Пастор замолчал, сложил руки ладонями вместе и о чём-то задумался.

Странно. Подумал себе так Святик и глянул на женщину, рассматривающую свои руки. Её всклокоченные волосы делали её похожей на Эйнштейна. Прилепить бы ей ещё усы – не отличил бы.

– Вы думаете, что она похожа на Эйнштейна? – Вторгся шёпот в ухо Святика.

Это сказал скрюченный в дугу дед с глазами спаниеля. Он сидел рядом, точно сам по себе. В принципе в этом кабинете были все, точно сами по себе. Не считая лишь подростков, которые уделяли друг другу своё драгоценное внимание не прекращая.

Святик одёрнулся, резко повернув голову влево.

– Что? – Машинально сознание Святика приняло форму непричастности.

– Вы, стало быть, тоже заметили это колоссальное сходство? Ведь так?

На данный вопрос повернул голову его сосед, затем посмотрел на женщину и снова на нас, наклонился и шёпотом протянул:

– Что-то есть!

Святик посмотрел на него с недоумением. Взглянул на женщину и только хотел сказать, что вдруг она услышит, как молниеносно получил на свои мысли ответ:

– Она... – дед покачал характерно на сказанное пальцем, – не слышит. Вообще.

Его сосед с ним согласился, кивнув головой и приподняв

брови, настолько витиеватые и густые, что могло бы показаться – они лезут ему в глаза.

За спиной прокашлялся художник. Сказал: «М-да...», перевернул страницу газеты и вновь затих на своём диване.

Женщина положила руки на стол, посмотрела на обсуждающих её, опустила глаза и задумалась. Святику такое поведение показалось подозрительным. Как повела себя сейчас она, мог поступить вполне всё понимающий, то есть слышащий человек. И ему стало неудобно за себя и своих собеседников, если их таковыми можно назвать. Постаравшись проявить свою безучастность, Святик подперев кулаком щёку, отвернулся от сплетников. Теперь он ни на кого не смотрел.

– Не делайте вид, что вас здесь нет... хи-хи...! – Возобновил приставания сосед с глазами спаниеля.

«Это я-то делаю вид...?!» – Осмотрел беглым взглядом каждого, не обернувшись лишь на художника, – было неудобно. Возмущение прокатило от пят и упёрлось в макушку, там и закипело. И хотел было сорваться, но глаза соседа-спаниеля смотрели так, как голодный стоял бы у стола обжиряющегося, причём без единого шанса хоть на малый пай. Святик тут же отвернулся. Но взгляд на себе продолжал ощущать.

– Вы вообще знаете, отчего у меня такие губы? – Вопрос заставил вновь повернуться и уставиться прямо на губы.

Это были действительно странные губы. Как можно было их не заметить..?

– Нет. – Дал короткий ответ Святник.

– Я пятьдесят пять лет ими дую. Вот так... – Сосед выставлял вперёд губы, раздул щёки, от этого поменялась форма его глаз. Захотелось подставить ладошки, на случай если глаза выпадут. – Правда, нельзя так раздувать щёки. Меня за это всегда ругали... трубач я, трубач...

– Трубач он. – Вставил свой комментарий сосед с густыми бровями. На него тут же посмотрел, вздыхая, Святник... ему органически не нравилось, когда возникали ситуации подобного рода. Это знаете ли, когда всяк кому ни попадя стремится всунуть свой нос. И выходит, что кроме того, как видеть вокруг себя пустословов, безвольно причастщаешь себя к этому вертепу, – а осознав это, ощущаешь желание порыгать и сходить в душ.

Теперь то, что вот-вот взорвёт мозг Святника...

– Он переживает, что убил человека и остался без наказания. – Излилось из-под «густых бровей», точно свободным потоком неконтролируемой мысли.

За спиной у Святника снова глубоко вздохнули и зашелетели свежей газетой.

На соседа-«спаниеля» уставился толстый указательный палец, и он опустил глаза в стол, но через пару секунд их поднял, и буквально вытаращившись на Святника, сказал:

– Ну, было дело..! По пьяни было..! – дед смешно раздулся, словно принимая позицию – чтоб себя защитить – закоренелого уголовника. Конечно же, выглядеть стал очень смеш-

но и нелепо. По лицу Святника прокатился смешок, но не вышел наружу.

Святник: – Что прям таки и убили?

Дед: – Прям таки и убил..!

Святник: – На смерть?

Дед: – Полностью!

Святник: – По вам не скажешь...

Дед: – Сам в шоке!

Святник: – Это как же?

Дед: – В голове всё переворачивается...

Святник: – Я не о том. Чем убили?

Дед: – Трубой.

Святник: – Трубой?!

Дед: – Ага...

И он снова поник, будто его выключили.

А сосед с густыми бровями скрутил в трубочку лежавший на столе лист бумаги, приставил к губам и воспроизвёл тихое и лёгкое «Ду-у-у...!».

Глаза похожие на спаниеля стали более грустными, а общий вид старика вызывал чувство жалости и сострадания.

Бумажная трубка раскрутилась и легла опять на стол. «Лищедей» нахмурил густые брови, явно понимая свою неуместность, похлопал деда по спине.

В голове у Святника возник вопрос, он думал, задавать ли его...

– Это не была труба самая обычная, как то могли бы вы

подумать. Я не нагрел никого по голове, не проломил череп. То не была труба водопроводная, ни канализационная. У меня, сказать честно, мыслей об убийствах никогда не было. Чтоб вот так завалить человека. Не-а..! Никккогда!

– Так что же произошло? – Спросил Святик и обратил внимание на соседа с густыми бровями, тот задействовал лист бумаги для оригами. Что складывал, пока понять сложно.

– Да что произошло... – странно прозвучало высказанное, интонация была вопросительной. – Не помню всего. Пьян был. Когда проснулся, вокруг темнота и узкая полоска света тянулась снизу вверх. Я прищурился – резало глаза. Во рту, как кошки нагадили и ещё знакомый запах, его я старательно пытался вспомнить. Изо всех сил напрягся, чтоб встать. Ноги ватные, залежавшиеся – кровь по ним бежала с трудом, – я это чувствовал. Когда поднялся, правую ногу невыносимо обкалывало со всех сторон. На ней я не мог стоять ещё минут десять. Качало меня во все стороны. А свет пробивался очень слабый, как выяснилось, горел фонарь для обхода помещений сторожем. Вот его-то свет и разделял занавесы, за которыми оказался я. А был то наш не мудрёный «театр», – старый, запущенный, никому не нужный районный клуб (вот что за запах – старый, плесневелый, сырой, местами замшелый клуб с залежавшимися декорациями, плакатами и транспарантами). Короче, проснулся за кулисами, стою, жду, когда нога в себя придёт. И что характерно, под-

мышкой зажимаю трубу – инструмент свой, – она со мной столько похорон прошла. Я вышел на сцену, огляделся. Фонарь светил бестолково. Не понимаю, что можно увидеть при таком освещении. Нога продолжала болеть и я сел на стул в углу, а трубу положил на колени. Подумал, чего просто так сидеть, дай-ка поиграю, всё равно нету никого. Трубу к губам и при первом же моём выдохе что-то не далеко от меня рухнуло на пол. Я одёрнулся. Оглянулся. Никого. Только решил продолжить, как понял, нога в порядке, можно идти. Глаза уже привыкли. Ориентируясь на расположение фонаря, я двинулся на выход, и споткнулся обо что-то. Нашупал тело. Оно лежало не подвижно, как мёртвое. Это меня сильно напугало. Я даже не вызвал скорую. Просто сбежал. На репетицию пришёл на следующий день, изо всех сил сделав вид, что меня не было в клубе три дня. Умер Федя, наш альтист. Я же понял, речь шла о том самом теле, его обнаружила уборщица. Она вызвала скорую. Но прошли сутки, как его обнаружили. Мне сделалось стыдно. И страшно. Я боялся сесть в тюрьму. Боялся, что меня обвинять...

Старик подумал, глянул на своего соседа, тот уже сложил из бумаги пароходик и поставил перед собой.

Святик потёр нос, когда старик шмыгнул. Он вспомнил историю дальнего родственника, но промолчал.

– А потом сказали, что Федя от разрыва сердца умер, – вот тут-то я и обвинил себя, но признаваться не стал... Да и посмеялись бы надо мной и подлецом посчитали. Так мол

и так, у человека сердце прихватило, а я не помог. Тем более врач говорил, спасти можно было.

Даже если и тот самый родственник, что с того...

Эльдар Романович не прекращал рыться в бумагах.

Что должно произойти далее? – Святик не мог предположить. Даже постарайся он изо всех сил.

Женщина-«Эйнштейн» не на кого не смотрела, её глаза маршировали по столу, а губы шевелились так, точно она напевала песню, одновременно покачивая в такт головой.

Подростки достали из рюкзаков планшеты и стали водить по ним пальцами, при этом разговор их не прекращался не на секунду. Рядом с «густыми бровями» сидел чернобородый молодой человек, он всё время поглядывал на подростков. По выражению его лица сложно было определить, доволен он или чем-то раздражён.

– Смотрите... – снова прозвучал шёпот на ухо Святика... – хозяин ищет ключ. А сей предмет, привычно болтается у него на шее. Плим-плим... Хи-хи! – Святик посмотрел на соседа, не поворачивая головы, а тот уже принял серьёзно-грустное выражение, точно ничего не произошло.

Чернобородый человек взглянул на Святика, когда он старательно изучал его. Святик сразу не отреагировал на пристальный взгляд. Стало не по себе, когда увидел чёрные

сверлящие глаза, – один из них подмигнул (как-то грозно), а уголок губ еле приподнялся в намёке на улыбку (только эта улыбка прозвучала – по-другому не скажешь – чересчур угрожающе). Святик одёрнулся, уткнувшись в бумажный пароходик на столе, сложенный весьма аккуратно «густыми бровями»... – надо, наконец, узнать, кого как зовут. Не следует примитивно ссылаться на «достопримечательности внешностей». Подумал себе Святик, осознавая свой рас судок на низком уровне, где давненько себя не воспринимал.

Сосед опять наклонился к Святику.

– Не переживайте. Такое здесь со всеми происходит...

– Что?

Старик отпрянул.

– Вы поймёте...

В кабинете воцарилась тишина. Замолчали даже подростки. Эльдар Романович уселся в кресло. Художник положил на столик прессу. С шеи таки был снят какой-то предмет, – его пытался рассмотреть Святик.

Что же здесь происходит со всеми? Что имел ввиду старик?

Тяжёлые очки сползли по носу, открыв маленькие прищуренные глаза, Эльдара Романовича и сделали его похожим на крота. Его нос был тонким, острым и весьма длинноватым. Средним пальцем правой руки он прижал их к переносице, вернув зрячий вид. А форма носа смазалась за счёт

массивности громоздких окуляров. В левой руке он, так держал ключ. То был миниатюрный предмет, который и ключом назвать было сложно. По размерам – ключик, даже ключичек. А по виду прямоугольная металлическая пластинка с выемками, похожими дырки в сыре, только здесь они не были сквозными. Висел он на цепочке, весьма тонкой, серебряной.

Чернобородый молодой человек откуда-то неожиданно достал металлический ящик и поставил на стол перед Эльдаром Романовичем. Тот глубоко вздохнув, вставил ключ в крохотную скважину расположенную сверху ящика.

Открылась крышка и ящик пошёл по кругу, начиная с подростков, они в него заглянули одновременно, затем что-то в него бросили. Раздался звон, – значит, кинули монеты. Далее женщина с лицом Эйнштейна. Она – обратил внимание Святик – уже скрутила в рулончик бумажку, и не выпуская шариковую ручку из рук, положила в ящик. Пастор просто заглянул и посмотрел сначала на Святик, потом на Эльдара Романовича. Ящик передали трубачу, грустному деду с глазами спаниеля. Святик был рад с одной стороны, ведь он и не знал, что с этим делать. А трубач потрусил ящик и отдал соседу с густыми бровями, тот скорчил рожу, заглянул вовнутрь и ящик вновь оказался в руках чернобородого молодого человека. Он, как и женщина, скрутил бумажку... Ящик закрыли и убрали под стол.

А как же художник? На него обернулся Святик, а он мах-

нул рукой.

– И так, – произнёс Эльдар Романович, – у нас пополнение...

Река – по ту сторону, которой...

(Сиамские близнецы. Где ночевал покойник? Почём на рынке смородина?)

– ...значит, нам следует познакомиться.

И первыми встали подростки.

– Эрик...

– Нелли. Мы брат...

– И сестра. Близнецы...

– Сиамские...

Точно перебивая друг друга, но в то же время, как один отчеканили подростки.

Женщина подняла глаза, а Эльдар Романович сказал:

– Это наша Любовь Герасимовна...

Сказанное, возможно, следовало продолжить.

Но пастор поднял вверх руку.

– Алексей.

– Милош. – Немного помявшись, представился трубач.

– Виктор. – Последовало от «густых бровей».

– Рафаэль. – Сказал чернобородый молодой человек.

Вне поля зрения Святика находился художник. За спиной прозвучал его голос. Всеволод представился, как показалось, довольно сухо и нехотя.

Эльдар Романович оглядел всех. Почему-то его очки опять сползли. Видимо так и происходило ранее, на это Святик не обращал внимание. Цепочка с ключом вернулась на шею хозяина, а загадочный ящик (напоминал он саркофаг), скрывшись, где-то под столом, не выходил из головы Святика.

Сиамские близнецы?..

– Я хочу вам представить нового претендента... – Начал Эльдар Романович. Внимание присутствующих было обращено на него.

Святик зная о том, что речь пошла о нём, не понял одного: претендентом на что он является? Одна мысль сбрасывала другую. И был сверх меры удивлён, когда задвинулись шторы и включился экран на стене. Взгляды сидящих прошли его насквозь, уставившись на плазму. А увиденное, заставило удивиться ещё больше.

Святик постарался вспомнить, что же происходило на крыше. Шум строительных работ не сбивал его мыслей. Но и движений посторонних он не слышал рядом.

На экране кто-то снимал его со спины.

Мальчик и девочка.

Их рождение для родителей далось далеко непросто. Мать была на пороге смерти. У мальчика не билось сердце...

Во время беременности УЗИ показывало двоих детей, но проблема, с которой столкнулись в момент родов врачи,

ускользнула из внимания ультразвуков.

Для жизнедеятельности каждого ребёнка впоследствии, сращение оказалось неопасным. Когда близнецы появились на свет, их тут же разделили. На голених брата и сестры остались лишь шрамы. С возрастом – две незначительные полоски, напоминающие о былой тесной связи.

Забравшись на крышу четырнадцатизэтажной новостройки, подростки наткнулись на человека, стоявшего на парапете.

Как обычно они снимали свои похождения, чтобы потом выложить в интернет.

Человек их нисколько не заметил и они без суеты затаились за лядой, выставив камеру для съёмки. Недолго постояв, он сел, – видимо задуманное было уже не в его планах.

Или он решил оттянуть время...

– Ты думаешь, он самоубийца? – Спросила сестра брата, не глядя в его сторону, но сделавшись вся вниманием, не отпускала потенциального преступника закона природы.

– Я думаю, да! Верно, он об этом давно думал..!

– Что делать будем?

– Надо деду звонить...

– Всё-то хорошо! Но, что толку, если этот спрыгнет сейчас?!

– Сейчас не должен..!

– Ты уверен?

Сестра скривилась, посмотрев на брата, а он точно не давая повода в себе усомниться, спокойно отрапортовал:

– Я уверен в отличие от тебя каждый раз...

– Ну, ладно, ладно тебе... – Ей не нравилось, когда брат начинал говорить таким тоном (спокойно, убедительно, будто каток по асфальту), уж лучше бы он вспылил.

– Смотри...

И сестра уставилась ему в руки.

– Да не на меня. – Усмехнулся брат. – За «актёром» следи.

– Эрик, ты меня доконаешь когда-нибудь.! – Съязвила сестра и уставилась на камеру.

– Ох, Нелли... хи-хи..!

– Вот те и хи-хи... – Не отвлекаясь от наблюдения, передёргивала сестра брата.

Эрик тем временем уже не реагировал на Нелли, а достал сотовый, и не откладывая ни минуты, приложил к уху в ожидании.

Человек на парашюте сидел недвижно, сродни вкопанному. Похоже, действительно переживать нечего, – глядишь, будет дело задуманное выполнено на все сто.

– Деда, тут у нас «актёр» нарисовался. Снимаем. Ага-ага... сидит... ну, да, как-то спокойно ведёт себя... точно! Уверен! Ну, никак у тебя, а определённый опыт имеется... На крыше... на парашюте... Чё-то сидит... да-да... хорошо, пришлём сейчас.

Телефон погрузился снова в карман широких штанов

Эрика.

Возникла проблема, – съёмки со спины мало. Следовало умудриться снять лицо...

Пока Нелли снимала то, что есть, Эрик осматривался, ища подходящий ракурс. Но такой было трудно найти, ведь «актёр» сидел на самом краю, и нужное положение для съёмки говорило само за себя (но зависнуть в воздухе – не выйдет). В пяти метрах Эрик увидел трубу метра три длиной. На присядках подобрался к находке. Труба оказалась телескопической ручкой, на которую крепится малярный валик. Ручка капроновая, в сложенном состоянии так и есть три метра, а втягивающаяся часть удлиняла её на метр. Тем временем как Эрик возвращался на место, Нелли продолжала наблюдать за «актёром», не забывая обратить внимание на действия брата. Тот вернулся, по ходу дела отмерив визуальное расстояние от ляды до парапета, – должно вполне хватить.

– Давай сюда камеру...

– Ты что задумал?

– Сейчас увидишь.

Эрик достал из рюкзака скотч. Только решил его отматы-вать, как сразу остановился.

– Нет, это не подойдёт. Шуму будет много... – И вернул скотч в рюкзак обратно.

– Да что происходит?

– Нелли, ну, я не понимаю, неужели трудно самой догадаться. Нам надо отснять парня в анфас... ну, или хотя бы

в профиль... , дед просил.

– На фиг это ему нужно..? – Задумчиво проговорила Нелли. – Каждый раз просит.

– Сколько же у нас было тех, каждых разов? А?.. А..?

– Три. И что с того?

– А ты так говоришь, будто мы уже сто наснимали, и ты от всего этого устала.

– Опять ты за своё. Как дед старый...

– Ты меня с дедом старым сравниваешь..? Сама, как бабка ворчишь..!

– Ой-ой-ой!

Меж тем Эрик, отыскав в рюкзаке изоленду, примотал монопод к найденной трубе, вытянул её, и не рискуя сразу пускать изобретение в дело, опробовал на безопасной высоте. Монопод был увесистым, но труба была рассчитана выдерживать вес гораздо больше, чем штативчик с камерой.

Подростки обошли ляду вокруг. Теперь они смотрели на своего «актёра» не со спины, но этого мало было.

– А если он заметит, Эрик?

– Тсс..!

Эрик уже начинал злиться на сестру.

Голова человека повернулась в обратную от них сторону. Эрик это заметил и, пользуясь случаем, попытался «закинуть свою удочку».

Идея была не плохая, но жутка неудобная.

Камера что-то там снимала, – разглядеть было сложно.

Воспользовавшись ещё одним случаем, Эрик вернул камеру на место.

– Это ерунда полная...

– Блин, что ж делать? – Заныла Нелли. Эрик покосился на сестру. Но та резко приняла обнадёженный вид и быстрое решение.

– Давай сюда камеру...

– Это зачем?

– Теперь ты потерпи... ну же..., Эрик, не тяни резину... время динь-динь..!

Он размотал изоленту и подал камеру со штативом сестре.

– Пойдём! Только быстро!

– Да что же, наконец?!

Подростки скрылись в ляде.

– Ты, что, совсем не понимаешь?

– Не понимаю...

– Ну, ты и тупой..!

– Сама ты тупица... в прошлый раз чуть не навернула телефон с крыши. А мы за него, между прочим, до сих пор не отработали....

– Да знаю! Хватит тебе Эрик! Забираю свои слова обратно...

– Не так-то и просто...

– Эрик, хватит тебе! Посмотри.

– На что?

– Ну, что перед нами, что перед тобой?

– Ну, окно и... – тут брат замолчал на секунду, и тихо взорвался.

– Какой я балван! Какая ты молодец!..

Эрик посмотрел тут же на камеру.

– Но снимать буду я.

Нелли знала, – с братом спорить бесполезно.

У них всё вышло. Съёмка прошла на «ура». Окно, в которое просунули подростки камеру, находилось в двух метрах от их «актёра». И тот ничего не заметил.

– Отправь видео деду. И будем возвращаться.

– ОК!

Внизу их ждали велосипеды.

Святик сидя на парапете, видел, как соседская собака рванула поводок, в попытке погнаться за какими-то малолетними велосипедистами. Но, продолжая смотреть на то место, где до этого курил строитель, а теперь гадила собака, чем разволновала свою хозяйку, неосторожно пошатнулся второй раз, теперь стараясь достать телефон. И, отойдя на безопасное расстояние, заговорил.

Эрик и Нелли промчались мимо машины своего деда, помахав ему радостно руками.

Эльдар Романович расплылся в улыбке, назвав своих внуков про себя «сорванцами».

Год назад его внуки перенесли подряд две трагедии. Сна-

чала жестоко был убит их пёс, славный верный барбос, умное, доброй души животное. Он прожил с ними верных пять лет. Его не стоило выводить в наморднике и с поводком. Но всякий раз, когда совершалась очередная прогулка, во дворе на лавочке сидела соседка, которой их питомец не нравился. Не сказать, что стопроцентно этот акт совершила она (само собой, не своими собственными руками, она и шагу ступить не могла рассудительно, видно инсульт подкосил её старческий и без того расстроенный организм), но и такой версии места быть имеет право. Уж сильно своим присутствием покой её нарушал их пёс. А новость о его кончине непросто порадовала, но привела, чуть ли, ни в некий маниакальный экстаз. Пса нашли изуродованным в подвале. Во время прогулки тот забежал за угол и исчез. Искали все, но нашли спустя неделю, когда из подвала повеял запах разложения. Там находили мёртвых бомжей, поэтому не исключили повтора и в этот раз. Естественно, запах отличается, но никто над этим не задумался, а про собаку и думать забыли (кроме терзающихся детей). Запах стал невыносимым. Вонь шла во двор, создавая впечатление открытого морга, как если бы расположен был в метрах ста-двухсот. Вызвали спецслужбу, те спустившись в подвал, поднялись оттуда с матами. Во-первых: сами могли проверить; во-вторых: кто мог убить столько животных. Жильцы дома шокированные случившимся, были в ужасе. Из подвала вынесли шесть собак и девять кошек. Среди них и был пёс Эрика и Нелли.

Второе событие, было пострашнее.

Ребята дружили с одним мальчишкой. Он был их одноклассником, Мишка Пронин. Спокойный ребёнок, мечтал всегда, как следует повеселиться. Всё говорил: «Вот похуюдею, как следует, и полезу с вами по крышам, а ещё надаю всем этим...».

Да, Мишка имел проблемы с весом. И эти проблемы отражались на его личной жизни. Какая там личная жизнь? Если даже родители ему её спокойной не делали. Вся любовь давалась младшему брату, а Мишка вечно был битый. В школу бывало, приходил в синяках. На вопросы отвечал вскользь. Тихо садился за парту, и весь день от него неслышно было ни звука. После уроков, кто-нибудь обязательно цеплялся и не отпускал его, пока не побьёт, ну, или же не побьёт кого-то Эрик. У Эрика на этой почве со школьной общественностью проблемы начались. Каждый норовил упрекнуть его в покровительстве никчёмного человека. Скоро Мишка затесался в компанию близнецов. А у них проблем поприбавилось.

Однажды Мишка не пришёл в школу.

«Наконец этого „жиртреста“ хоть один день видно не будет. Да и воняет от него, как от поросёнка вечно! Противно!» – Говорил на весь класс один из одноклассников.

«А мне от тебя тошнит..!» – сказала в его сторону Нелли. Он немедля встал, чтоб ударить её, но не успел, – Эрик опередил его метким ударом в ухо. Это был лучший из луч-

ших в классе. Даже Нелли он когда-то нравился, а Эрик над ней смеялся. Но при всём классе, теперь лежал под партой и долго не приходил в себя.

Класс отвернулся от близнецов. Они же многого не потеряли

– Что делать будешь? – Спросила как-то Нелли у Миши. А он лишь пожав плечами, больше в школу не пришёл.

Закрывшись в своей комнате после очередной взбучки, Мишка открыл окно и вышел в вечность, если она существует. Шесть этажей остались над ним в мановение ока. Его тяжёлое тело, увы, не содрогнуло землю, как все дразнили, а было сокрушено до последней косточки, и сердце нашли возле прямой кишки.

Вся школа, точно стыдясь, опустила глаза. Но что ужасало, так это отношение родителей к погибшему сыну. Они были равнодушны до облегчения, а возможно и до радости. Всякий раз, как их видел Эрик, хотел напрыгнуть и покусать.

Но скоро Эрик и Нелли с родителями переехали к бабушке, сменили школу, начав другую жизнь. Они вспоминают своего друга, как страшный сон.

Ах, да обнаружили-то Мишку только на утро, – такая вышла страшная ночёвка.

– Так, что же это, получается... – возмутился следователь, – покойник ночевал не пойми где, а родители ничего и не знали?!

Словно слова актёра в театре абсурда...

Святику стало интересно смотреть на себя со стороны. Конечно, мыслей своих он не слышал, а выражение лица его говорило об абсолютной безучастности к тому, что он тогда собирался сделать.

Естественно этому не быть... (думал Святик).

Но Эльдар Романович имел в своей голове иное соображение.

Приоткрывая интригу чуть раньше, то есть, забегая наперёд, навязчивая идея – собирать самоубийц (называя себя таким вот необычным коллекционером), зародилась у Эльдара Романовича в молодые годы. Но, чтоб осуществить задуманное – части механизма не сходились. А точнее сказать, многих не доставало. То ли он себе это выдумал, то ли следовало получить надлежащую квалификацию. Только вот какую? Посоветоваться было не с кем. Клубов по интересу естественно не было. С этим вопросом он стал жить, сменяя годы. На вопрос: к чему всё это? Находил весьма банальный ответ: вразумить хоть тройку-другую людей, решивших покончить с проблемами именно таким способом. Такой ответ у него всегда лежал наготове в очень близком ящике...

Обрывки молодых лет Эльдара Романовича...

Можно рассматривать долго. Например, когда он снова встретил своего опекуна, того самого писателя. Перо, что он ему подарил по наитию Анны, Эльдар носил в кармане всегда, но был очень обеспокоен, когда прибывая на лечение

в госпитале и придя в сознание, обнаружил себя не в своей одежде, а значит, подарок был утерян. Однако же его успокоил доктор, когда заметил, что тот что-то искал.

– Вы не это ищете? – Спросил доктор, показывая зажатую в двух пальцах ручку.

Сил было тогда очень мало, практически не было. Силы стали то появляться, то снова покидать, всего лишь как сутки. В тот момент, когда накатывала слабость, Эльдару казалась она вечной. Но доктор сказал, если силы появились, то, несмотря на периодическое их отсутствие, всё же, победа будет за ними. И она была..., а пока:

– Не пытайтесь поднять руку, вы ещё слабы. Но хорошо держитесь. Я положу перо... – доктор побегал глазами... – вот здесь, рядом с подушкой.

Глаза Эльдара медленно прикрылись и так же медленно тут же открылись, наполнившись жидкостью, точно превратились в две маленькие лужицы, сквозь которые кто-то смотрит, пытаясь вновь всё понять и стать прежней частью окружающего мира.

– Не за что! – Сказал доктор и, собравшись уходить, добавил: – Я чувствовал, что это важно для вас...

Потом появилась Анна и этой же ручкой написала адрес.

Добравшись до дома, Эльдар, а с ним маленький, но очень серьёзный и недоверчивый незнакомец, – который категорически отказывался называть своё имя, прожили в квартире

писателя месяц, когда в дверь постучали.

Мальчик смотрел испуганными глазами.

Эльдар – с мыслью о том, что вернулась Анна...

Увы, это была не Анна.

– А если немцы? – Запаниковал мальчишка.

– Нет. – Убеждённо отрезал Эльдар и пояснил: – Немцы давно ушли из этого города...

В дверях стоял писатель. Худой измученный, в огромном сером пальто. Голову без остатка покрыли седые волосы, и выросла густая белая борода. Он, прищурившись, смотрел на Эльдара. Затем прокашлялся и выдавил:

– Тебя не узнать! Я думал, вовсе никого не застану.

– А я надеялся застать здесь вас...

Они обнялись. А из комнаты выглядывали детские испуганные глаза, смотрели они в упор в глаза писателя.

– Это кто? Случайно... не...

Эльдар, поначалу растерявшись, не понял мотива вопроса. И поразился ходу мысли, – его точно облили ледяным кипятком.

– Вы что, нет, конечно..! Анна мне, как сестра..!

– В том-то и дело что «как». – Сделал странное примечание без какой-либо доли заискивания отец Анны. – Ты не думай, я не стану осуждать. Напротив мне было бы даже приятно, знать, что у вас всё так сложилось...

– Нет! – Поспешил перебить Эльдар поток странных для него слов. К Анне он относился на самом деле, как брат.

У него и мысли подобной не возникало. Он тосковал за Анной, словно запропастилась куда-то сестра.

– Не кипятись! Это я так сдуру ляпнул. Признаться, мне это слышать ещё приятней.

С шеи Эльдара, будто камень спал, брошенный только что чересчур грубо.

– Кто он? Как ты...?

Детский взгляд смутился, и теперь смотрел на Эльдара.

Отец Анны снял пальто и повесил на вешалку. Сбросив с ног затасканные в хлам ботинки, поставил их в том самом углу, как несколько лет назад, перед тем, как уехать в Испанию. Привычка была настолько сильна, что сделал он это без лишней задумчивости, а по лицу пробежало лёгким ветром удовольствие. Затем он направился по квартире, словно по музею. Медленно всматриваясь в каждый уголок, находя особенность в каждой вещи, взвешивая бесценность всего... – и это было именно так, но не доставало главного.

– Что с Анной?

И Эльдар рассказал всё, что произошло за годы отсутствия отца.

– Как же так? – Проронил вопрос отец прямо на стол, за которым они теперь сидели... втроём..., как когда-то с Анной.

– Я не думал, что она уйдёт на фронт... – Всплыли на поверхность мысли Эльдара. – Мне казалось, я скоро вернусь,

и меня встретит Анна, затем мы дождёмся вас, и будет всё, как прежде.

Повисла тишина.

Безликая, пустая, но настолько плотная, тяжёлая и гла-застая, что становилось невыносимо пусто в раздавленной и растёртой по полу душе от её немоты и взгляда со всех сторон.

Так просидели они ровных полтора часа. Наконец, отец Анны развёл руками и сказал:

– У меня же в кармане смородина...

В одну секунду комната оживилась.

Отец Анны принёс бумажный пакет, скрученный из мест-ной газеты, наполненный черной смородиной.

– Это почему же нынче на рынке смородина? – Вдруг заго-ворил мальчишка.

– А имя своё нам скажешь?

Отчего противился малец, они ещё не знали. А он старал-ся строить из себя гордого и неприступного лишь из-за того, что имени своего он и знать не знал, да только признаться в том ему стыдно было.

– Держи. Жуй. – Отец Анны положил перед ним пакет, и ягоды выкатились из него на стол. – Как того сам пожела-ешь, тогда и скажешь. Собрал я её у реки. Не за что мне по-купать.

Видимо эти слова зацепили совесть мальчишки, – он по-смотрел на чужого ему человека негодующим на себя взгля-

дом, но говорить ничего не стал, лишь опустил голову, уткнувшись на почти чёрные ягоды. Ещё не совсем было время их срывать...

Годом раньше...

Анна вернулась домой. Её сердце колотилось, когда она подошла к реке, и втянула запах, точно доносившийся с того берега. Возможно, ей так хотелось, ведь там был дом, там была жизнь. Оглянувшись, понимала, что обратно она не желает возвращаться. За спиной остался запах смерти, остались тени, превратившиеся в воспоминания. От них будет сложно избавиться.

Сорвав горсть спелой смородины, Анна зашла на мост. Не умолкая, квакали лягушки, шумел родной камыш, но пуст был дом.

Отца она не видела семь лет. Последнее письмо от него она получала из Испании, точнее они получали с братом.

Брата она видела в госпитале, когда привозила раненых вместе с санбатом. Тогда она не могла на долго задерживаться и провести побольше времени с братом у неё не получалось. В памяти всё ещё держались запах и привкус его липкой небритой щеки, осевший на её губах. Она старательно втянула в себя, а губами покрепче прижалась, чтоб, как можно глубже и дольше удержать. Побежав за своим батальоном, ей казалось, что брат пошел с ней. Она разнюхивала и облизывала губы. Успела спросить санитаря, – тот сказал, что де-

ло плохо, парня привезли с кишками наружу, и он не жилец.

И пусть он не родной ей по крови, но он стал её братом. Родным и очень близким. Не получив от него ни одного письма, Анна была уверена, Эльдар не выжил.

В почтовом ящике было пусто. Сквозь почтовую щель на Анну посмотрел царствующий там паук. Значит отец тоже – перестал писать.

Под ковриком мирно таился ни кем не тронутый ключ, его Анна вставила в скважину и провернула два раза. За спиной приоткрылась дверь, и соседка-старушка выглянула испуганным взглядом.

– И кто вы?

– Марья Васильевна, здравствуйте!

– Анечка, это ты что ли?!.. – Прищурившись, старательно всматривалась соседка.

– Я!

Дверь раскрылась шире и из своей квартиры вышла старушка, обмотанная вся в изодранную засаленную шаль.

– Как там оно на войне-то, деточка?

На войне, как на войне...

Что можно сказать, когда ты явно понимаешь, что там и страшно, и на какой-то миг безразлично. Тут же ты хочешь куда-то деться и в ту же секунду понимаешь, что в некоторой степени ты важное звено, пусть малое, пусть ничего не значащее, даже если и чьё-то сознание подумает, там ты не нужен, и допустим – это так, но ты там и это уже есть так, как должно

быть. А раз ты там, то будь добр не отсидеться, а в нужный момент ринуться в бой или забрать всё ещё живого раненого с поля боя, а в противном случае...

– Я сейчас принесу варенья... – Прервала мысли Анны старушка.

Дверь заскрипела, и из раскрытой неё, словно выдохнула затаённое дыхание квартира, обуяв Анну родным запахом, кое-где поросшей плесени со сладковатым послевкусием. Шагнув через порог, Анна сама удивилась своей нерешительности и страху не с того не с сего набросившемуся на неё. Что могло значить такое настроение, она не понимала или не решалась себе признаться. Ведь ей было не по себе оставаться одной. А пройдясь по квартире, ей стало ещё больше не по себе. Она не притронулась ни к чему, лишь глазами пробежала по вещам, предметам, мебели, заглянула на кухню, взглянула на окна затянутые местами паутиной, оставив всё, как есть, вышла прочь, захлопнув дверь. Ключ положила обратно под коврик. А из квартиры напротив, вышла соседка.

– Ты это чего? – Старушка, прижав банку с вареньем к груди, обошла Анну вокруг, заглянула ей в лицо. Та стояла, закрыв глаза. – Чего ты? А?

– Ничего... Абсолютно ничего...

– Ну, хочешь, у меня поживи, пока..., а там глядишь, выкнешь и к своей квартире...

Анна чаще ходила гулять к реке. Прошла неделя.

Однажды Анна не вернулась.

Старуха стала переживать, когда девушка не явилась вечером, но подумала, что она пошла к себе домой. Долго стучала, а затем постаралась незаметно заглянуть под коврик (ключ лежал на месте). Всю следующую неделю соседка спрашивала у людей, но никто не знал, куда пропала девушка.

Её никто не видел.

Она словно призрак ходила к реке, просиживая там часы. Глядя на ту сторону, на тот берег, ожидая увидеть откуда-то издалека своих отца и брата.

Не уже ли, думала Анна, никак нельзя обойтись без войны, не уж то ли кому-то одному, а может и двум или трём надобен этот разрушительный процесс, чтоб приобрести такую непосильную ношу, как целый мир. Для кого? – Спрашивается... – Для себя! – А зачем? Чтоб позабавиться несколько лет? А задумался ли хоть кто-то из них, что конец для всех один..? Вот говорит каждый из них, что для народа своего благо ищет... Не смешно ли? Какое благо, если уже от каждого миллионы на тот свет ушли не своей смертью. Это благо ли? Один кричит, надрывая глотку, что путь к благосостоянию страны лежит через войну, другой «акцентирует» внимание «товарищей» на победе над врагом... Что за торжество идеалов прав и свободы? У кого они есть? И у кого они будут? Кто они такие те идеалы? А пройдут годы, сменятся поколения и всё как было так и останется, лишь стара-

тельно поменяется упаковка. Видела я тех немцев, которые мечтают скорее попасть домой, мечтают так же, как и русские. Немногие из них фанатики, но такое же пушечное мясо, как и наши солдаты. А среди русских, как и среди немцев, имеются свои отборные садисты. Но смотришь в глаза «избитого народа», и понимаешь, сколько там надежды на что-то светлое, граничащей с дикой ненавистью, балансирующих на полном непонимании, что происходит: кому следует верить, кого ненавидеть и ради чего следует начать жить.

Река была прохладной, но она поплыла на ту сторону, как есть...

Возможно, если бы Анна получила вразумительный ответ врача, а не собранную несуразно мозаику поддельных новостей от санитаря, глядишь, не исчезла бы бесследно для всех...

Для Эльдара предложение отца пойти и разузнать о судьбе Анны в местном военном управлении была разумной, но удивило то, что сам отец идти отказался, склоняясь на нужду отлежаться дома в силу проблемы всё того же своего недуга. Взгляд же был странен и всё время куда-то сбегал.

В военном управлении на просьбу Эльдара отреагировали тут же, но ждать попросили пару часов, а просидел всё же на час дольше.

Ответ был таков:

«Кольцова Анна Николаевна по июль месяц, 1943-го года

числилась на службе в санитарном батальоне фронтовой медсестрой и выполняла службу со всей отдачей, – за что и была награждена медалью за отвагу. Без вести пропала».

...Без вести пропала.

Слова, точно, били колоколом в виски.

«Клеточная гибель»

(Признание; Практика доктора Рафаэля)

Ею нельзя пренебрегать.

Судьбой. Её попытками сыграть в твоей жизни.

Эльдар Романович решил сделать Анну первым экспонатом в своей необычной коллекции.

Когда Эльдар вышел из военного управления, он направился к реке. И брёл, размышляя, пока не наткнулся на два предмета.

Это были туфли. Вросшие в землю, поросшие мхом, спрятавшиеся в высокой траве. Тридцать шестой размер.

Эльдари захотелось, чтоб эти туфли когда-то принадлежали Анне. Но и одновременно думать так было страшно и неправильно. Он всё это осознавал, но с мыслями бороться сложно. Стараясь совладать с дрожью, он взглядом провёл линию от стоявшей обуви к противоположному берегу реки.

Картина разоблачения Святику не понравилась, как «пить дать». Влезли в его личное пространство и, мало того, вырвали из этого пространства его же самого.

Какие-то дети слили его самоубийство непонятному старику.

И пусть он уже передумал, – никого это не касается. Его жизнь зиждется на ветвях, канатах, устойчивых площадках личного сознания. И он предпочитает, чтоб на эти территории никто не вторгался и не закладывал своих камней. Святик даже категорический противник прессы, телевидения, радиовещания. Им воспринимаемая система вливания новостей ограничивается узким кругом приближённых источников, которые далеки от политических тем (в первую очередь). Естественно его не тревожат государственные перевороты, военные конфликты, различного рода катастрофы (технического и природного явлений). Святик желает контролировать влияние на себя. И, конечно же, ему пришлось не по душе видеосъёмка за спиной.

– А где вы, позвольте спросить, раздобыли мой номер телефона? – Отвлёкся от видеоматериала Святик, обратив взгляд на Эльдара Романовича.

– Мы же с вами живём в двадцать первом веке, Святослав Георгиевич..! – Приподняв брови, старик постарался выглянуть над очками, неестественно раскрыв маленькие глаза. – Или я не прав?

– Ну, и...

– ... и сделать это не сложно. Существует море программ по типу «фейк-контроля». – Он втянул в полость рта щёки, странно приоткрыв поморщенные старческие губы, при-

чмокнул с определённой долей недовольства. – Но с вами всё проще. Когда мне Эрик прислал видео...

– Это я прислала..! – Возмутившись чуть ли не выкрикнула Нелли и посмотрела, негодуя, на брата. А тот, словно его здесь не было, продолжал двигать пальцами по планшету.

– Да, девочка моя, конечно же, ты! Запомнил дедушка, прости!

Сцена выглядела так, точно подопечным был дед, а не внучка. Только никого это не удивило. Смутился один Святик.

– Так вот, когда Нелли... – Эльдар Романович поставил жирное ударение, – прислала мне видео, вы мне показались знакомы. Слава богу, память не подвила, и я из неё достал вас – как писателя... Ну, а дальше, сами попробуйте догадаться.

И снова на Святика смотрел над очками этот вылупленный мелкоглазый взгляд.

Сам не знал, но почему-то Святик не мог вслух возмутиться. Не мог он встать и уйти. Что-то заставляло его сидеть.

Возникла пауза, и просочился в уши Святика шёпот. Задумчиво, рассуждая, удивляясь:

– Хм, не прыгнул...

На эти слова Святик отреагировал вопросом, когда «глаза спаниеля», краснея, смотрели на него.

– Что?

Трубач раздул щёки, глаза сильнее покраснели, и казалось, снова готовы были выпасть из орбит. Он повторил:

– Не прыгнул..! – Явно возмущаясь. – А почему?! – С тем же удивлённым возмущением прозвучал вопрос.

За спиной музыканта послышался смешок. Затем реплика:

– «Зассал»... хи-хи...

Святик глянул на источник такого высокого слога и большой мысли. Густые брови насупились, а «большая мысль», наверно стала напрасной.

– Как и все мы... – Без доли эмоции заключил Виктор и будто провалился в транс. Его густые брови опустились и нависли над глазами.

Святик ничего не сказал. Он лишь коснулся пальцами своих бровей, удивляясь, как такое может быть, но тут же одёрнул руку, не желая быть замеченным в странности.

Определённая часть правды в реплике Виктора есть, если не обращать внимания на обидность слов, можно и так подумать. Там на крыше Святик всё же не решился сделать то, зачем туда пришёл. Да и вопрос: за тем ли? Может он для того туда и поднялся, чтобы навсегда и передумать прощаться с жизнью. Готов ли признаться, даже самому себе, что струсил? Готов ли сказать: это не была здравая мысль? – так, кто-то позвонил... И да, и нет. Святик смотрел на этих людей (о чём они все думают?), лица были обременены (что тяжёлого они несли?). Возможно, и приходят в этот кабинет, что

так проще совладать... да с собой совладать, с кем же ещё. Человеку, что ли кто-то мешает жить, у него что-то не складывается? Конечно, нет! Всё от ума, – от собственного рассудка и безрассудности, такие себе две крайности человеческие. Всем на всех наплевать, а жизнь – потому и не складывается, что у самого «каменщика» руки не из того места выросли. Или: «...ой, а как же это я так положу, ведь не по правилам...». По каким таким правилам? Кто-то так придумал, двое подхватили, десять повторили, сто по-другому сделать стесняются и все теперь делают так, потому что не дай бог люди плохо о них подумают. Бред. Абсурд. Тупик. Люди в принципе боятся признаться в своих желаниях, – хоть старые, хоть молодые – без разницы, одни думают, что культурнее, другие, что свободнее.

Ладно, то, что сказал Виктор – оскорбительно. Но насколько верно...?

А всё же в своём поведении Святик находил здравость. Вначале двигало что-то похожее на инстинкт и не будь в нём должного интеллекта, то восторжествовал бы именно инстинкт, который побудил его «сбежать». Рассудок же позволил ему сесть и подумать. Да, когда возникли должные мысли, появился страх, и значит не трусость, а здравость уводит человека от опасности. Как боль, – её считают плохим ощущением, но если бы не она, то организм не принял бы сигнал об опасности и не прибег к нужным мерам. Так и страх – ощущение приближения опасности. А кто-то назвал это тру-

состью (человек дал место трусости и отваге, в обоих случаях он имеет страх, только в первом он убегает, а во втором упорно движется до конца), выходит с природой решили поспорить.

Вынырнув из размышлений, Святик вновь оказался лицом к лицу с новыми знакомыми. Признание самому себе показалось странным и весьма абстрактным.

На него смотрел только Эльдар Романович. Все остальные опустили головы и что-то рассматривали перед собой на столе.

– Ну, что...? – Прозвучал голос Эльдара Романовича. – Раз знакомство состоялось, а это не столько знакомство, сколько переключка, то подойдём к делу более тесно...

– Наконец... – тихо возмутился Святик (а этого он не прекращал делать вот уже, как полтора часа).

– Имейте же на тот же конец терпение, молодой человек... – И, скривив губы после сказанного, Эльдар Романович покачал головой. Затем оглядел всех, повернулся к справа сидящему от него человеку с чёрной бородой. Святик напряг память, – кажется, Рафаэль...

– Начну с Рафаэля. Если разрешите...? – Безмолвие, казалось, более наполнило кабинет, точно образовав вакуум. – Он у нас врач...

«У нас? Это кто же его решил сделать собственностью...?»

– Не надо, молодой человек, не надо... – Прервал мысли

Святика шёпот Милоша, которого видимо не услышали, ну, или сделали вид. А он одёрнулся, посмотрел на трубача и решил затаиться (ни мысли, ни звука), и постараться в этом изо всех сил.

– ...жизнь у врачей не лёгкая. Состоит из напряжений, стрессов, тяжёлой умственной и физической работы, чаще без права на личную жизнь, но сутками напролёт в дежурствах, диагнозах, леченнях, операциях. Да, и ещё, следует не прекращая учиться. Всё это, без всяких условий, относится к хорошему врачу. Наш Рафаэль таким врачом и является. Ещё он воспитан, культурен, тактичен... Можно много сказать о его качествах, но лучше будет возвести всё это в одну историю (о нём, конечно же).

Стоял холодный осенний день, запах в воздухе грозил началом ранней зимы. Пахло приближающимся снегом. А в операционной пахло кровью и подгоревшим мясом от работы коагулирующих скальпелей. На столе лежала молодая девушка с черепно-мозговой травмой. Она чудом выжила. Её череп был проломлен над правым ухом. Подробностей операции не знаю, но продлилась работа восемь часов. Оперировал Рафаэль. Всё верно? – Задал вопрос Эльдар Романович виновнику истории.

Тот лишь согласившись, кивнул головой.

– Тогда дальше. Это была одна из двух жён, но на тот момент пока ещё будущая. Она же первая жена. А женился Рафаэль первый раз, когда ему исполнился сорок один год.

С ней же развёлся, прожив, если я не ошибаюсь, год и семь месяцев. – Убедившись, что говорит верно, Эльдар Романович продолжал: – Развод, это всегда неприятная штука, особенно, когда он несёт за собой скандал и тяжёлую историю. Рафаэль хотел, чтоб она просто тихо ушла и больше никогда не возвращалась. Он был рад, взять инициативу в свои руки и вытолкать прочь. Но был он, да и есть не того склада. Увы, но она смотрела на него, как на продукт отработанный с просроченным сроком годности. (Я от себя ничего не говорю, лишь то, что сказано жертвой). Не видя для себя никаких признаков гарантии, ей на ум приходило только одно – уйти. Да и, в общем-то, как бы он уже не постарался, все его предпринимаемые меры увенчались бы лишь одним – провалом. Её пренебрежение к нему росло, – то поначалу с каждым месяцем еле заметно, то, затем еженедельно, далее участилось, что не день, теперь, когда он стоял перед ней, задумавшись, опустив голову, не выдавая никаких аргументов, он падал в её глазах посекундно. Не дождавшись от него ничего, она развернулась и ушла.

Когда дверь захлопнулась, он даже не пошевелился. А с его шеи, словно скинули хомут. Вокруг стало светло и много воздуха. А желание взять инициативу в свои руки заключалось в том, что дорогой Рафаэль с превеликим удовольствием хотел бы послать её... – в этот момент Эрик и Нелли заткнули указательными пальцами свои уши, и не слыша ни звука, видели, как их дедушка вытянул дудоч-

кой губы... – она же ждала от него... – здесь Эльдар Романович развёл руками, – того же самого. Увы, нравы! – Что имел ввиду старик, точно всем стало понятно (все в кабинет повторили за ним тот же жест), кроме Святика. – Такие люди обычно любят, когда с ними так ведут. И на самом деле, реакция Рафаэля была вполне нормальной, ведь он хотел, чтоб жена ушла, а она была готова остаться, лишь поведи он себя так, как ей того хотелось. Ему же хотелось спокойной жизни. Опять-таки, ему на работе хватало нервов.

Чёрт его знает, как угораздило с ней сойтись. А ещё и родилась у них дочь. Хотя, теперь уже зная её, он мог сделать предположение, что ребёнок мог быть и не его. Чей угодно – Петин, Васин, Вовин, Лёшин... и так далее. Но девочку он не собирался отдавать, намериваясь выиграть суд.

Но судиться долго не пришлось. Жена оказалась, как то говорят: «кукушкой». Обременять себя хлопотами не стала.

Имея красивую оболочку, она привлекала к себе огромное количество мужчин. Она же пользовалась этим. Но как не старалась сортировать на выгодных и невыгодных, оказывалась в руках какого-нибудь подонка. И как не крути, приходило время, и она уносила ноги сломя голову. Исключением в её жизни оказался Рафаэль, но она не оценила...

Когда попадались умные воспитанные, с ними, как правило, не складывалось. Эти ребята красиво и без лишнего шума отходили в сторону, переставая на неё реагировать. А она шла дальше. Бывали умные и невоспитанные. От них ей

сильно доставалось (далеко не того, чего бы ей хотелось...). Один из таких случаев был особый.

Достаточно богатый молодой человек сделал ей неожиданно предложение, надев маску наивного простака. Они встретились случайно в клубе. Она в подобные места завсегда, а он был притянут туда своими друзьями. Увидав, что за столиком сидят небедные ребята, она всеми силами (уж не знаю какими) постаралась затесаться в их компанию. Они же думали «пустить её по кругу»... Но Вероника (это было её имя) на отрез от этого отказалась. Видимо ребята сильно на том и не настаивали... А друга, у которого в тот день были именины отрапортовали по полной программе. И проснулся герой в постели с ничего не ожидавшей жертвой. Его огромные очки, причёска, как у комсомольца придавали «лоховской» вид. И, как такое богатство могло быть у него, в голове Вероники не укладывалось.

И вот в первую же ночь, а точнее, утро, когда этот самый молодой человек проснулся... Как его там звали? – В пол оборота повернулся Эльдар Романович к Рафаэлю.

– Арсений.

– Так вот, этот Арсений встал с кровати, рядом девицы уже не было, и направился в туалет. Нужда была острая, потому очки оставил там, где лежал. Шёл прищурив глаза... Так, да? – Эльдар Романович отодвинул от глаз очки и, прищурившись, посмотрел снова на Рафаэля.

– Не знаю... Наверное!

– Стало быть, так! Мне известно, что такое большие очки. Ага, пошёл Арсений, значит в туалет, а проходил мимо кухни, где, оказывается, сидела Вероника и увлечённо болтала по телефону. Да так увлеклась, что не заметила, как Арсений встал у неё за спиной в шагах четырёх-пяти. Для него стало открытием новость о скорой женитьбе. Выходит всё за него уже решили. Он тут же поставил бы её на место и распрощался раз и навсегда, если б не следующие слова: «Он такой лопух... Я обведу его вокруг пальца в три счёта, вот увидишь...». Теперь с шумом подошёл к туалету, и открыл дверь. А в мыслях зарождался план. Вероника одёрнулась, посмотрела на Арсения и растянулась в улыбке. Его глаза старательно шурились, пытаясь хоть что-то рассмотреть.

Вероника рукоплескала такому трофею. Её названный суженый, имел два особняка, десяток коллекционных авто, завод по переработке стекловолокна, фабрику по пошиву верхней одежды в Китае, и один металлургический завод, где-то на Урале. И это только то, что известно.

Реакция Арсения была молниеносной. Юристы и нотариус оформили по его просьбе документы. Липовые бумаги являлись дарственными. Также не затягивая, Арсений сделал ей предложение. Таким образом, он думал распалить Веронику ещё сильнее. Сказать, что она из ряда подобных была у него первой? – конечно, нет! Но куда ей понять было ход мыслей Арсения, когда тот всем видом говорил, что он лопух, а это мотивировало. Ко всему новоиспечённый жених

добавил рассказ о том, как ему повезло с наследством доставшемся от деда. Это всё подначило девушку.

Позже она стала допускать грубые ошибки.

Телефонные разговоры происходили в открытую. Наконец он сделал Веронике замечания, на которое она взорвалась. Шквал оскорблений, точно не переставая, сыпался на Арсения. И из изящного отщепенца вышло грубое избиение клюшкой от гольфа.

И вот очнулась Вероника в лесу. Грязная, в крови. Холодная ночь поздней осени. В голове шум, боль. Добралась неведомыми силами до автострады. Какие-то колхозники отвезли её в больницу.

Уже было за полночь. Дежурил Рафаэль, – он и принял её.

Он проникся ситуацией, и постарался всячески помочь девушке. Будучи в больнице, она ничего не сказала. Полиции показания давать не собиралась, – отказалась категорически. Единственное, что ею было рассказано, как она заблудилась.

Пока Вероника лежала в больнице, была тихая, спокойная. Ничто из её поведения не указывало на её стержневой характер. И Рафаэль на тот момент предположить не мог, какая на самом деле Вероника. Жил сам Рафаэль всегда довольно скромно. Ему на всё хватало, стабильно получая жалование хирурга, периодически занимаясь научными проектами, принимая скромные подарки от благодарных пациентов, не тратя денег почём зря, он смог купить себе хороший автомобиль – Порше Кайен и построить загородный домик

в два этажа. У него неплохая квартирка. И он себя в принципе не плохо чувствовал и, будучи холостым.

Сущность Вероники не ускользнула из зоркого внимания мамы Рафаэля, Азалии Германовны. Она говорила сыну, чтоб он был хоть чуточку внимателен. Как матери, Азалии Германовне очень обидно за своего сына, ведь парень хороший и заслуживает лучшего. Но Вероника – это не та девушка, которой нужна вся эта воспитанность и грамотность. Она никогда не оценит его. Никогда не поймёт смысла диссертации; ей неизвестна сила высокого литературного слога, которым изъясняет свои произведения Бальзак; и слюняй тот, кто любит поэзию.

Однажды приехала Азалия Германовна, когда Рафаэль был на работе. У неё имелся свой ключ, и квартиру она открыла самостоятельно, считая, что имеет на то все права, да и впрочем, она приехала домой с внучкой, то есть дочерью сына и той, которую пришлось называть своей невесткой. Картина, открывшаяся Азалии Германовне не грамма не потрясла её, а лишь помогла убедиться в своей правоте окончательно и бесповоротно, положив конец цирку под названием брак сына...

Вероника удовлетворяла мужскую потребность соседа, забегавшего к ней через балкон.

Ей не был не нужен никто кроме неё самой и всяческих денег, которые если добывала, то сразу же тратила. Она, оставив Рафаэлю ребёнка, ушла. Воспитание девочки, ко-

нечно, легло на плечи бабушки, но Азалия Германовна была тем сильно довольна.

Рафаэль продолжал большую часть времени проводить на работе.

Спустя год, в хирургию привезли пациента с огнестрелом. У мужчины сквозная рана. Пуля вошла в правый глаз, вышла из виска. А толстые линзы очков в черепаховой оправе смотрели растерянным взглядом. Да, он был жив, но кровь из него текла, как из поросёнка.

Рафаэль в тот день отметил день рождения дочери, ей исполнилось два года. Ему позвонили, попросили срочно приехать.

Как на зло, каждый перекрёсток останавливал машину красным светом. Проехав перекрёстков пять, Рафаэль решил свернуть на улицу без светофоров, и поднажал газу. Дорога была не так широка, как прежняя и не так хороша. Местами встречались выбоины, их заполнил недавний дождь.

Удар произошёл настолько спонтанно, что для испуга не осталось времени ни секунды. В один миг всё перевернулось. Машина осталась стоять, когда через капот перелетел мотоцикл. Тот вылетел без каких-либо сигнальных огней (не фар, не габаритов, – сплошная тень), навалившись и закружив время. Рафаэль, высмотрев лежавшего на дороге мотоциклиста, подошёл ближе. Девушка. Головой лежала в луже. На ней надеты джинсы, кожаная куртка и никакого шлема. Посмотрел на часы, вызвал скорую помощь по теле-

фону. Стал осторожно переворачивать, чтоб начать делать реанимацию. Она явно нахлебалась воды...

Рафаэль опешил, когда увидел лицо.

«Оглаева Вероника Николаевна, 1979 года рождения.

Скончалась на месте аварии. На теле обнаружены три незначительные ссадины и гематома на лобной части. Переломов костей и разрывов внутренних органов не обнаружено.

Причина смерти: аспирация. Лёгкие и желудок наполнены жидкостью, в которой наблюдается алкоголь и структура дождевой воды с частицами земли и разного мусора. Девушка захлебнулась, когда была без сознания».

Это из заключения судмедэкспертизы.

Мотоцикл, на котором ехала Вероника, зарегистрирован на имя Соколова Арсения Валентиновича. Он скончался в тот же день, не дождавшись нужного хирурга.

Полиция отписалась про него так:

«Соколов Арсений Валентинович, 1974 года рождения, ранен в собственном доме одной из приехавших путан. Она скрылась с места преступления на мотоцикле, что стоял во дворе у хозяина дома, то есть, Соколова А. В.. Мотоцикл марки YAMAHA (...), за гос. номером (КА4АН), объявлен в розыск.

Допрос девушек, с которыми приехала на «работу» покушавшаяся на бизнесмена Соколова А. В., показал, что не одна из них с «коллегой» не знакома. Видели её впервые...»

В общем, как-то всё так и было. Для кого-то, если возьмётся прочитать что-либо подобное, покажется довольно банальным сюжетом. Но это жизнь и в ней произошла вот такая чёрная ирония.

На минуту наступила тишина. Словно сама же тишина подбирала нужные слова, а затем высказалась сначала через Виктора, потом через Рафаэля.

– А что подтолкнуло на такой шаг...

Всем вопрос, пусть и незаконченный, не показался странным и непонятным.

– Знаете, что такое программа клеточной гибели..? – Начал ответ Рафаэль. – Нет, не знаете...

Святик растерянно пробежал по лицам глазами.

– Представим человека, как отдельную клетку, только в составе чего-то огромного. В составе того, что не вместится в понимании самого человека, но эта клетка просто выполняет свою незамысловатую функцию, не задумываясь над тем, частью чего она является. Ей надо отработать. И принимая определённые сигналы, как например: когда срабатывает многократно подтверждённый «сигнал смерти». Сигнал может прийти из окружающей среды или от собственных внутриклеточных «датчиков неблагополучия». Внешний сигнал клетка воспринимает специальными «рецепторами смерти», находящимися на её поверхности.

Для человека эти сигналы, подобны наваждению, которое

отражается на его душе. Душа же передаёт, часто абстрактную информацию разуму, а тот словно перестаёт быть собой. Поступил сигнал любить – разум утрачен; поступил сигнал защищаться или защищать – разум перестаёт дифференцировать опасность; поступил сигнал простить – разум отбрасывает прочь чувство гордости. Также когда поступает и «сигнал смерти» – разум начинает оценивать меру того насколько в его жизни хватает благополучия. И неважно бездомный нищий или живущий в особняке богач, женат или холост, с детьми или бездетный... всё равно... Разум дестабилизируется в рамках жизни, принимая программу отсчёта времени, чуть ли не на пальцах. А этих пальцев у разума может быть, как много, так и мало.

Святику понравилось рассуждение Рафаэля, и он стал примерять сказанное к себе, к своей ситуации. Ведь разум действительно что-то там оценивал, измерял, считал. Но, почему он передумал? Причём передумал наотрез.

– А может ли программа поменяться..? Ну или счёт остановиться на какое-то время... – несколько пар глаз уставились на Святика.

Очки Эльдара Романовича снова съехали по носу. Маленькие глаза стали ещё меньше. Высматривали Святика поверх окуляров.

– Если же смотреть на клетку, то для неё программа остаётся прежней... – Рафаэль задумался.

– А человек... – глаза вокруг с напором давили на Святи-

ка.

– Для человека...

– Я так понимаю, здесь собрались все, кто хотел порешить себя. Ведь так? – Святник оглядел всех, повернулся даже к художнику. И на удивление, – смотрела на Святника даже Любовь Герасимовна. К ней он не раз ещё вернулся. Он не возмутился, по крайней мере, явно.

Вновь вернулся к Рафаэлю.

– Ну, ведь выходит, что всем, стало быть, интересен ответ на этот вопрос...

– Для человека, я думаю, программа может включить фазу ожидания...

– То есть, затем повториться когда-то?

Святник понял, что всё это уже не раз звучало в этих стенах, но никто не задал не единого вопроса. Почему царила такая покорность, Святник ещё тогда не знал. Священник, художник, врач – выглядели, как адекватные люди, вполне грамотны и образованны. Что сказать за других, то в воздухе висело затруднение, – разобраться в них было сложно. Подростки – внуки Эльдара Романовича – дети, – им быть такими, ещё нормально. Любовь Герасимовна... – что с ней? Виктор тоже пока не ясен, но его высказывания, словечки, реплики, – может всё это для Святника надуманное. Милош явно страдает. И не смерть придурковатого дальнего Святникова родственника (а он всё понял, просто до ужаса смешная ирония) виной является в этом страдании. В его жизни ле-

жит другая загадка, которая прячется за ширмой этой дрянной смерти. Но это попробуй откопать. И снова Любовь Герасимовна со своей загадочной внешностью «Эйнштейна», – неужели она всё слышит, а никто до сих пор её не «раскусил». Неужели об этом догадывается один лишь он, думал себе Святик. Или, опять-таки всё надуманно. Нет, не может быть таким умным только он один.

– А вы? – Обратился Святик к Любови Герасимовне. – Не ожидали!? Да, вижу, не ожидали!

Женщина, точно, специально опустила голову, когда Святик бежал глазами круг за кругом, словно неустанный спринтер, но в погоне за мыслями, собравшимися вокруг стола. Они смотрели на него, будто перед ними выскочка – наглый, хамоватый, и что самое преступное – ведёт себя спокойно.

– Она глуха. – Сказал, не выдержав, Рафаэль. – Что вы от неё хотите?! – В отличие от Святика, он не удержал своих эмоций, и сказанное вышло из него подобно плевку.

– Вы не ответили на мой вопрос...! Всем интересно знать ответ, явно. Вы скажете сейчас, что если бы не я, никто б и не подумал над вашей странной лекцией. Так и есть, если бы не люди с определёнными вопросами, родившимися в их головах, мы жили б всё ещё в пещерах... Ну, что разве не так?

– К чему вы клоните?

– А, что, вы впервые произносите этот текст?

– Да.

– Не думаю.

– Спросите же людей... – Рафаэль провёл рукой, показывая на присутствующих.

Те покачали головой. Святник не увидел в лицах большой уверенности.

– И что?

– Люди впервые это слышат. Вот что!

Ухмылка Святника, словно нанизала на спицу глаза Рафаэля своей остротой. Глаза покраснели. Но, то была злость, которую с трудом удержал в себе врач.

– Успокойтесь вы. – Святник взял бутылку минералки, скрутил пробку, и налил в стакан воды. Не спеша вновь закрыл и поставил на то же место. Стакан стоял и ждал.

– Я же не заискиваю. Мне просто интересно знать... – стакан оказался в руке и вылил содержимое в рот. – ...когда мы наконец все сдохнем? – Стакан опустился на стол, а следом за сказанным последовала отрыжка. – Извините, газики. – И лицо Святника стало неподвижным и ждущим.

Нелли скривила лицо, фукнув себе под нос.

Прочие сидели и смотрели теперь на Рафаэля, кроме Эльдара Романовича, – он продолжал щурить взгляд на Святника.

– Когда Аллаху будет угодно! – Дал неожиданный ответ врач.

– Вы мусульманин? – Спросил Святник и тут же комментировал далее: – Это, в общем-то, не мешает не науке на сегодняшний день, ни чему-то ещё, как и любая вера. Но та-

ки всё ж, хотелось бы получить ответ более приближённый к научной точке зрения.

Рафаэль посмотрел на Эльдара Романовича, верно, он чем-то сможет сейчас помочь. На лице был явен гнев.

– Как-то нет схожести с тем героем, о котором недавно рассказал Эльдар Романович. Можно мне покинуть это место?

– Не кипятитесь вы так... – поспешил успокоить Эльдар Романович.

– Я спокоен. Но что делаю я здесь, понять не могу. Единственное, что меня заинтересовало, на то я не получил ответ. А ваш рассказ, а точнее из реакции вашего так называемого врача делаю вывод: рассказ выдуман, как видимо и всё прочее. Можно уйти?

Святик поднялся.

– Присядьте... пожалуйста!

Теперь прищуренные самонадеянные глаза старика смотрели умоляюще. Это было новое проявление для Святика. И он сел.

– Ну, что вы хотели? Можно конкретней?

– Виктор спросил, почему вы пошли на самоубийство...

– Что подтолкнуло на этот шаг? – Поправил сам Виктор.

Святик тут же глянул на него, обратив внимание на тонкую, но совершенно не к месту, поправку. А пометку себе сделал об этом человеке.

– Да! Что же подтолкнуло? Именно! А вы? Вы рассказали

что-то абстрактное... конечно, это интересно. Так в том-то и дело, что стало интересно. И судя по вашему мне ответу, вы не собирались подытожить вашу метафору, изначально. Ведь так? А глядя на то, как реагируют на вас люди, подытоживаю я: выходит спектакль, господа! Вы кто? Все вы!

Повисла тишина. Как, словно, свет погас в театре, а зрители затихли в ожидании выхода актёров.

– Возможно, с кем-то из присутствующих здесь было всё иначе, – другим тоном заговорил Рафаэль, – а со мной именно так и вышло. Я, словно, получил «сигнал», и без промедлений решил ему подчиниться. Не было сомнений, не было страха... вообще ничего не было. Не было смысла.

– А дочь? – Спросил Виктор. – Дочь не была смыслом?

– Её воспитывает моя мать. Большую часть времени меня нет дома. Дочь и не встречает меня с восторгом. Она вся в бабушке. Она знает, что я её отец, и эта информация для неё столь же существенна, как и интегралы. Так что видимо, она счастлива и без меня.

– А вторая жена?

– Её не устроила моя занятость...

– Тоже развод?

– Да. А через неделю я вышел из операционной, и получил «сигнал».

– Вот так, просто с бухты-барухты..?! – Не унимался Виктор.

– Нет. Это был первый «сигнал смерти». И меня он привёл

в замешательство. Я не собирался умирать. Тем боле Коран запрещает это делать.

– Пойдите! А как выглядел этот ваш «сигнал»?

– Он не выглядит, он ощущается.

– Ну-у-у... да-а-а... – Виктор прорёк это так, точно с ним было похожее.

– Я же говорю, – как клетка, – словно срабатывают «датчики неблагополучия»...

– Как..? – Снова Виктор.

– Меня покрыли мурашки, когда я разделся, стянул перчатки..., но я подумал, что это прохлада. Затем через эти мурашки что-то просочилось, и я подумал умереть.

– Вот так вы и решили, что сработали «датчики...»? Хм...

На хмыканье Рафаэль ничего не сказал, но сгримасничал, сразу продолжив.

– Я не подумал в ту же минуту о «датчиках...». Мне мысль моя показалась странной. Я не думал никогда о смерти от собственных рук. Знаю, многие рассуждают в себе об этом...

– И для них это тоже «сигнал»?

– Не думаю. Ведь толчка нету...

– Какого ещё толчка...? – Смутился Виктор.

– Сортирного.... Хи-хи-хи... – сыграл, явно на дурака Милош, вроде тихо, но услышали все, а он понял, что сыдиотничал, и постарался спрятаться, втянувшись в воротник.

– Того, что тебя начинает уже заставлять сделать первый шаг. Когда ты решил выйти из дому, и с уверенностью оделся, обулся, взял ключи, открыл дверь... Понятно?

– Приблизительно... – Сказал пастор. И все покачали головой.

– Одно дело, когда человек подумал, другое – когда задумал, и начал делать.

– Ну, в общем, ладно. А дальше что было?

– Я пошёл в мечеть. Во время молитвы у меня возникла очередная мысль...

– И вы сразу хотели пойти и удавиться? – Нахмутив густые брови, вставил Виктор.

– Нет, удавиться я не хотел. Я вообще никак не представлял себе этого.

– Тогда какой же первый шаг? Выходит, вы также просто думали, как и те о ком вы говорите.

– Я готов был идти...

– Что-то я совсем не понимаю....! – Смутился Милош. – Вы куда собирались пойти.

– Человек говорит о том, – выступил в поддержку Эльдар Романович, – что одно дело рассуждать, но совсем иное дело, когда решение принимает практический оборот.

По виду Милоша можно сказать, что он совершенно ничего не понимает, и ему остаётся сидеть тихо.

Наконец Святник вновь не выдержал, посмотрел на старого трубача, Милош надувал и сдувал щёки, видимо это было

его самое увлекательное занятие на данный момент.

– Милош. – Тот поднял свой спаниелИЙ* взгляд на Свя-
тика. – А вы самоубийца?

Трубач смотрел не моргая. В нём, будто что-то зависло.
Какая-то программа дала сбой...

Никто его не торопил.

Святик приподнял брови и постарался заглянуть в глаза
Милоша поглубже, точно выискивая полонку.

Вскоре очнувшись, трубач пожал плечами, словно уронив
на стол слова, сказал:

– Не знаю...

– Да, как бы не так! Не знает он! А кто месяц назад успо-
коительного двадцать таблеток «херякнул».

– Эрик, что ты себе позволяешь?! – Сделал замечание дед
внуку.

А Нелли лишь прихихикнула. Она решила заплести се-
бе косичку, и была этим настолько увлечена, что отказалась
поднять взгляд на возмущённого ею брата.

– Это я тогда сильно разволновался, и хотел успокоиться.

– Ага...

– Эрик...! – Эльдар Романович хлопнул по столу.

Милош растерялся и ушёл в себя.

Теперь не обращая внимания на трубача, Рафаэль продол-
жил:

– Я вышел из мечети, словно пьяный. Смотрел вокруг,
и всё казалось не настоящим, а внутри понимание того, что

жизнь свою я прожил. Тогда подумал следующее: может быть, я просто чувствую, что скоро умру, не зная, когда, но очень скоро. Оттого не возникает образа предмета самоубийства.

– Орудия...

– Ну, да... Но, когда прозвучал третий «сигнал», это орудие возникло в моей мысли. Я увидел себя лежащего на диване со скальпелем в сердце.

– Это ж сколько смелости надо иметь чтоб вогнать в грудь себе скальпель... – Потерев ладонью правой руки лицо, охал-ахал Виктор. – А ежели ж промажешь, то что?

– Ну, я же хирург. Пусть не кардиохирург, но торакальную часть знаю тоже. – Поймав на лицах смущение, Рафаэль ретировался: – Как грудь у человека устроена знаю. Можно сделать так, что смерть будет мгновенной, а можно помучиться.

Все задумались.

– А потом? – Спросил уже Святик.

– А потом было всё нарушено, когда так же, как вы с намерением зашли на парапет, я приставил скальпель к груди. Но вам позвонили, а ко мне постучали в дверь кабинета. На пороге стоял мальчик...

– Ну, ладно... – прервал Рафаэля Эльдар Романович. – Этого наверняка достаточно.

Святик хотел было возразить, но за спиной у него посыпалось стекло – разбился стакан у Всеволода. Художник, ока-

зывается, всё это время проспал. Ему что-то приснилось, он дёрнулся, толкнул столик, стакан упал на пол – и вдребезги. Оставалось наблюдать за суетой. Откуда-то добыли веник с совком, мусорное ведро, и спустя пять минут порядок был наведён.

Но былая атмосфера нарушена. На смену пришёл чай. Открыли дверь, внесли подносы. На них ютились чашки, блюдца, ложки, пряники, печенья разных сортов, шоколадные конфеты, бублики. Отдельно внесли самовар.

Похоже, надолго засели, пронеслась мысль у Святика в голове с идеей прошмыгнуть пока открыт кабинет. Но как только он решился на побег, перед его носом дверь была захлопнута, а он пойман с поличным.

«Этого достаточно...» – Слова, не иначе, как звенели у Святика в голове, в такт отбивавшему, будто отсчитывающему секунды пребывания в этом кабинете, сердцу.

Первый экспонат

(Вода, в которой гибнут)

Молодой Эльдар Романович...

Был не так смел, как того хотел и каким он стал с возрастом. Несмотря на пережитое в своей жизни, он не мог быстро закалиться. И врождённой смелости в нём, естественно, не было тоже. Каждый свой шаг он отмерял согласно меры безопасности принимаемой рассудком. Но, и проявления явной трусости старательно не допускал.

Эльдар не помнил, какие туфли были у Анны, но страшный голос зловеще нашёптывал верность его предположения.

Он стоял у медленно текущей воды (настолько медленно, что это не мешало порости ей ряской по-над берегами, и редкими кувшинками), прокладывая взглядом путь на тот берег. В двухстах метрах находился мост и – эта переправа не являлась для него приоритетом. Волны страха били ему в грудь, проникая в глубь сердца, питали кровь, разносясь в каждую клетку его организма, обретали форму сознания Эльдара, которое держало в оцепенении все члены. Ступить шаг, было равно признанию смерти сестра. Если она купалась и утонула, то ясно, почему оставила туфли на берегу,

а если покончила собой, то чем помешала обувь. А может это некий шифр – разгадкой которого Эльдар уже владеет?

Тело дрожало, как лист на ветру, ноги вцепились в землю, трава, точно, превратилась в шипящих гадов, шёпот которых старательно расщеплял разложенный страхом рассудок. Слова сами заскакивали в его уши, – слова, каждое из которых означало «смерть».

Если Анна так наставляла Эльдара в неправильности самоубийства, зачем же сама совершила такое преступление. Наверно затем, что, когда время умирает в тебе прошлым, и в настоящем не видишь смысла, то будущее становится невозможным. Вся жизнь Анны (настоящая жизнь) состояла из двух людей и неё. Отец, как без вести пропал, а брат скончался в госпитале. Наверняка отец погиб..., думала Анна. Надежда была на возвращение домой, что она вернётся и увидит отца. Но пустота встретила её и заполнила, а затем съела изнутри без остатка. А может туда, где скрылась от неё безвестная мать, в те места, что говорил отец, когда она была маленькой, «на ту сторону реки» ушёл и он сам, к матери. Быть стало и незачем ждать, но уйти за ними следом, и встретить их.

Но так ли всё будет, об этом Анна не подумала.

Но стоял и рассуждал Эльдар.

Ноги отлипли от земли. Сухой чернозём превратился в вязкую глину, прилипшую к подошвам. А шаги, словно удары кувалды с размаху вбивали траву. И гады запищали

от боли, и уже не шептали, как прежде, их словам нашлось место в сознании Эльдара, ведь он всё уже решил, а значит, принял всё за чистую монету.

Первый раз вода его обжигала таящим в себе ужасом и содрогалась, как казалось не от естественного с ней контакта, а от выплёскиваемого страха.

Второй раз был похожим на первый, а третий – позволил нырнуть на самое дно.

Спустя две недели, страха не стало совсем.

Эльдар раз за разом своих ныряний, осматривал окрестности реки. Людно не было. На протяжении двух километров по двум берегам он встретил трёх старых рыбаков, двух женщин, что стирали в речки своё тряпье и одну собаку, растревоженную нарушенным покоем, отчего пустившуюся в лай. Она боялась, и держалась от незнакомца на расстоянии. Несколько изб ютились по соседству. А отдалённо от реки метрах в ста-полтораста возвышался курган, к нему и устремился Эльдар. Обойдя вокруг, решил выкопать землянку.

Следующую всю неделю он час нырял в реке, затем шёл к кургану, и копал землянку. Нарубил несколько деревьев для укрепления, натаскал камней, чтоб уложить пол, и нечто похожее на кровать.

Минул месяц, поиски не венчались успехом, а землянка была готова.

Он не терял надежды, а продолжал нырять, не боясь запу-

таться в водорослях, обшаривая дно, как профессиональный ныряльщик за жемчугом. Его дыхание становилось более глубоким, а лёгкие сильнее. Хватаясь за коряги, он с азартом тянул, но, видя не нужность находки, психуя бросал, и отчаянно вновь нырял, чтоб добиться результата вопреки всему приходящему на ум разочарованию.

Но спустя ещё месяц, Эльдар, казалось, как обычно ухватился за корягу. Молниеносно мысль о ненужной находке перестала быть. Страх нахлынул ещё под водой, а лёгкие сжались так, точно превратились в тяжёлый камень, и держали на дне. Когда он понял что это лишь вросшая в ил кость, борясь со страхом, упираясь ногами в дно, наконец, вырвал. Жадно хватая воздух, Эльдар выплыл на берег, и обессиленный упал на спину, провалявшись с полчаса.

В руке была вожаделенная добыча. А в груди драгоценное дыхание, которое он не собирался останавливать до тех пор, пока оно не выйдет из него естественно.

Эльдар потратил ещё месяц на то, чтоб найти прочие останки. Было трудно и уже холодно. Одолевала судорога. Все мышцы, которые она сводила, обколоты были булавкой, отчего начались заражения. Последние кости (кое-что из ступней и кистей) так и остались покоиться на дне реки. А два месяца прошли в забвенье, куда унесла лихорадка.

Всякий раз, возвращаясь домой, Эльдар уклонялся от вопросов. Отец Анны не настаивал на ответе, а безымянный малец и вовсе приставать не думал, лишь косился на бродя-

гу, коим его считал.

– Догулялся... – ворчал мальчишка, но усердно приносил воду, и старательно помогал писателю выходить больного.

Часто Эльдара трясло от жара, а иногда он лежал затаив дыхание, и можно было подумать – скончался. Отец подходил проверить дыхание и пульс – оба признака были настолько слабы, что приходилось тратить на поиски по полчаса, прогоняя худшее.

Но однажды ночью разнеслось по квартире слабое желание:

– Пить...!

Отец Анны не спал, он дремал, и просьбу услышал, а подойдя к больному, обрадовался, – тот пошёл на поправку.

И с каждым днём становилось всё лучше, и Эльдару не терпелось скорее встать на ноги, чтоб отправиться в землянку.

Захоронения делать он никакого не собирался, но назвал останки сестры «первым экспонатом».

«Красота требует жертв...»

(Отбитое достоинство; убитые погоны)

Озарения коллекционера Эльдар дождался.

Кабинет, точно, приобрёл второе дыхание.

«Почему достаточно?» – Не унимался Святик.

Говорить это было бесполезно, все увлеклись чаепитием.

Там налили, там похрустели, кто-то чавкнул, кто-то шмыгнул носом... Все заняты, увлечены.

А Святик без особого азарта наполнил чашку чаем, подвинул к себе, и не притрагиваясь, наблюдал за всеми.

Эльдар Романович сражаясь с запотевающими очками всякий раз, как подносил чашку ко рту, наконец, снял и нервно положил их на стол.

Странный старик, загадочный и в то же время какой-то весь на ладони. Хотя второе и навряд ли. Кто он такой? – Святик задавал вопрос за вопросом. – Что старик хочет от него? Зачем привёз его сюда? Кто эти чудные люди, – словно не от мира сего? Всё это интересовало Святика параллельно с тем чувством, что было ему всё равно. Просто хотелось убраться из этого кабинета, и засесть где-нибудь за очередной страницей, постаравшись хоть что-нибудь на-

писать.

Отчим разослал на него по издательствам кляузы. Притом сказав, что доведёт до судебного разбирательства. Теперь куда бы он не стучал, редакции принимали его имя в штыки. Состряпать новый псевдоним, – но запрос требует паспортной метрики. «Святик Ежов» – не столько псевдоним, сколько союз его имени и фамилии отчима. По родному отцу, Георгию – он Жиров, – его это ни сколько не смущало, но отчим уговорил взять для книг его фамилию, мол, Жиров звучит весьма строго для «литературы в транспорте», и читатель будет заморачиваться, чтоб выговорить, даже в мыслях: «Святослав Жиров». Упростить имя, сократить – это был ход расположиться к читателю, типа, я свой, я – Святик. Теперь вопрос фамилии. Жиров – слишком грузно, – объяснял отчим, – и для российского детектива в самый раз. С тем, что пишет Святик, созвучнее будет более игривый вариант, тем более что «колючек» в его книжках хоть отбавляй. За первые три книги отчим извинился, вручив ему конверт с компенсацией, но, то была уже десятая часть выручки. А когда на последующих тиражах поменялось имя с Савика на Святика, никто особой разницы и не заметил. Даже когда проводились встречи с писателем, чтивая* масса не прониклась заменой.

Но однажды, когда Святик должен был принести в положенный срок рукопись, на стол легла трилогия. Двухлетняя работа. История о двух монахах решивших покончить с жиз-

ную, но вразумляющие проповеди протоиерея, каждый раз их сдерживали от греха. Оба жили своими воспоминаниями, описываемыми на протяжении трёх книг. Не подозревая о тесной связи своих родителей, они встретились ещё ни как брат и сестра...

А на титульном листе рукописи написан был не псевдоним, а его полное родное имя. Роман же был сложно устроен (сплетались судьбы, мысли, времена), слог намного изящней прежнего. Но отчим этого не оценил, сказал, что его ахинея никому не нужна сегодня. А кто такой этот Святослав Жиров – он не знает, а народ и подавно – потому тратить на это деньги и время он не намерен. Требуя вернуться в привычное русло, он дал Святюку два месяца (с готовой рукописью, естественно). Он отчиму отказал, обозвав его ненасытным жидом, на словах разорвал договор, услышав в спину угрозы. После потребовал от матери развода с этим человеком, и поругался вдобавок с ней.

– А вы, почему не пьёте Святослав Георгиевич? – Отвлёкся от своей кружки Эльдар Романович, заметив отрешённый вид Святюка.

– Я не тороплюсь... – Вынырнул тот из раздумий, чтоб ответить.

– Вижу, вы задаётесь многими вопросами... Но не переживайте, я, придёт время, всё вам расскажу. Меня заинтересовала ваша жизнь, а точнее – работа.

– Хм... В вашем ли возрасте интересоваться такой писа-

ниной...?

Эльдар Романович приподнял брови с диковатым недоумением.

– Чем это я заслужил...

– Нет,... – перебил старика Святик, – чем это заслужила внимания вашего, такая, страшно даже сказать, литература?

– Ах, вы наверно не в курсе ещё..! – Эльдар Романович провёл по воздуху глазами, отхлебнул чаю. Причмокнул. Качнул рукой. – Позже. Я всё объясню вам позже. И не переживайте, сейчас вас домой отвезёт Виктор.

Густые брови подскочили, чуть ли не до середины лба, поперхнувшись, Виктор закашлялся. Видно, неожиданное задание.

– Да. Я подвезу.

– Не стоит. Я бы сам.

– На чём. Три часа ждать автобуса стоять будете...

Святик решил не спорить.

Милош ковырялся в печенье. Что-то доставал и клал на салфетку. Святик сидел рядом и без труда смог понять происходящее. Трубачу не нравился тмин, но съедал он без остатка само печенье, не взирая на уже пропитанное запахом.

Подростки наминали конфеты, старательно обгоняя друг друга, и навалив гору фантиков. Их не интересовал чай, пили они газировку. Любовь Герасимовна медленно и беззвучно размешивала сахар – выходило у неё всё безмолвно. Ра-

фаэль о чём-то думал, выпивая уже третью кружку. Пастор ел пирожное, запивая зелёным чаем. А художник за спиной Святика доедал вазу с бубликами. Всем было комфортно.

Виктор, точно заторопился, но закончил чаепитие вместе со всеми. Умели всё – подчистую. Стол изобильно накрытый, словно, объела саранча.

Точно минута молчания погрузила кабинет в тишину.

На поверхности вновь появился тот самый загадочный металлический ящик. Что за чёрт?

Эльдар Романович его, открыв, пустил по кругу, только теперь в другом направлении.

Рафаэль достал из ящика скрученную бумажку, и спрятал в карман.

Виктор не принял.

Милош на этот раз аккуратно взял ящик, не тряся его, как тогда.

Теперь ящик принял художник, а пастор проигнорировал.

Любовь Герасимовна, как и Рафаэль, вынула изнутри ролончик своей бумажки.

А подростки достали монетки, одновременно сунув руки.

Ящик исчез где-то под столом.

Не говоря ни слова, все встали.

В кабинете остались Святик, Эльдар Романович и Виктор.

– Только обещаете, что придёт на следующее собрание? –

Спросил Эльдар Романович.

Святик посмотрел ему в глаза.

– А стоит?

– Поверьте, стоит...

– Ну, ладно! Тогда постараюсь..!

– Не постарайтесь! Сделайте так обязательно! Виктор вас отвезёт, куда вам нужно. И, где бы вы не находились, приедет за вами, чтоб вы могли посетить нас снова.

Будто прижаренный на солнце, приспавший на горячем песке, не в состоянии отойти от происшедшего, Святник ехал в машине. С Виктором, чьи брови, словно танцевали в такт какой-то мелодии, звучавшей у того в голове.

Проехав с полчаса дороги, Святник разорвал тишину, уместив свой вопрос в гул мотора.

– А вы?

На вопрос Виктор нахмурился.

– Что, я? – Не отвлекаясь от управления, спросил у Святника.

– Вы прибегал к попытке?

Видно было, как Виктор смутился. А спустя секунд десять, попытался сказать, что эта тема звучит лишь в кабинете.

– Ну, а всё-таки?..

Помедлив ещё, Виктор выдавил из себя междометие.

– Хы...

Он не ладил с устной формой, правду говоря, неизвестна была и его эпистолярность. Святник попытку рассказа,

воспринимая на слух, преобразовал в более литературный текст, – вышло так:

В 1981 году Виктора призвали в армию.

Согласно конституции в назначенный срок пришла по-вестка. Сие послание, не дозвонившись в дверь, опустили с громким матом в почтовый ящик. Возможно, посланники слышали за дверью движение (Виктор видел в глазок, что пришли по его душу), и, выругавшись, пошли по наименьшему пути сопротивления.

Не придти было нельзя.

Лучше два-три года в армии, нежели пять-семь лет в тюрьме. И «козлу понятно», в чём разница, – оттого пояснять не следует.

Переведя мятежный дух, Виктор направился в военкомат.

Там его ждал неожиданно приятный случай, подвергнувший его же неизбежно большему сроку и невыносимым условиям, чем в армии. А вот подполковник, имени которого вспоминать Виктор не собирался, но всё же помнил неизбежно и вопреки (был это Соколов Илья Игнатьевич), сломлен был навеки.

Как обычно, в длинном сыром коридоре собралась сотня юнцов, «слегка оперившихся». Немногие из них могли похвастать удачно сложенной конституцией. Одни были тихи, другие стремились ползть на рожон, стараясь уже здесь, в преддверии службы показать, кто в казарме хозяин, но в голову себе не могли взять какое рабство их ждёт, особенно

в начале пути...

Виктор стоял тихо. Холодный воздух пробираться стал насквозь. Трусы из хлопчатобумажной ткани, увы, не греют, тем более, если они на два размера больше. И таких полный коридор – юны, бодры, и голы. Каждый в ожидании своей участи.

Виктор рассматривает помещение, – наполовину беленое извёсткой, наполовину окрашено в грязно-зелёный цвет. Пол устлан кафелем «при царе Горохе», местами в трещинах и выдолбленных дырах, а где-то вовсе плитка отсутствует целыми секциями. Тусклый свет жёлтых лампочек, свисающих с потолка, «делит территорию» со светом, всеми силами старающимся проникнуть сквозь мутные стёкла окна. Форточка не закрывается, как видно уже, априори в любое время года. Свежесть, проникающая через неё вовнутрь, заставляет вздрагивать, и кожа тут же становится гусиной.

Ещё одно – зачем-то нужно быть босым. Во всём этом наряде, каждый из этой сотни ожидает в свою сторону вердикт – кому он такой нужен. Всем надо дождаться. Кто-то явно подхватит воспаление лёгких, кто-то отделается бронхитом, кому-то достанется грибок.

Слышно: кашляют, пару человек чихнули (наверное, в подтверждении мыслям).

Сколько ещё стоять?!

Запускают по пять. Уже полегче. Это сообщил женский голос. Слышится: «У-у-у!» – восклицают особо активные,

проявляя, видимо, реакцию на обладательницу голоса.

Не видно. Толпа заслоняет. А можно было бы разрядить мозги, – взглянуть и тоже чего-нибудь представить. Как может выглядеть обладательница такого голоса?

Попытка: раз...

Попытка: два...

Попытка: три...

Всё как-то странно.

Что-то не складывается.

А вот глядя на лица тех, кто её увидел, явно могут что-то сказать о себе. Теперь часть из них будут о ней мечтать, а кто-то искать случай найти местечко и поработать рукой...

Прохладная свежесть превращается в холод, наверняка, мозги замёрзли тоже, точно, трусятся в голове, как и всё тело, а ещё покалывают череп, словно, возникшими на нём мурашками.

Наконец объявили фамилию в списке очередной пятёрки...

СТОП! – имя не то. Ладно, ждём дальше. Значит по логике – в следующей.

Коридор погрузился в тишину. Похоже, остыли и самые активные. Лишь шорох, вздохи, шёпот, пробегающий то здесь, то там, покашливание.

Логика не подтвердилась – вызвали других. Затем снова повторилось отсутствие логики.

– По районам вызывают. – Прозвучал голос стоявшего ря-

дом. Виктор качнул головой.

Тогда ясно. Чего уж тут неясного...

А теперь всё верно – та фамилия, то имя, то отчество.

Пошли.

В кабинете тепло. Можно расслабиться.

А вот она – объект приятного случая. Она что-то спросила у подполковника. Этот голос уже услышал Виктор – там – в коридоре. Виктор не разобрал, что ею было сказано.

Она на самом деле красавица. Но эту красоту нужно уметь ценить. Каштановые волосы спадали на плечи, на грудь и скрывались концами за столом, за которым она сидела. На поверхности стола лежали документы, перед ней журнал, – на нём изящные ухоженные руки, тонкие пальчики с аккуратными ноготками, покрытыми прозрачным лаком, держали ручку. Губы естественно выдавались вперёд и были чуть приоткрыты, когда она получала ответ на свой вопрос и слегка кивала головой, а на зелёные, как два изумруда глаза опускались густые чёрные ресницы.

По достоинству оценить. Не устраивать диких возгласов по коридору.

И вот она сидит, навеки безразлична к пятёрке юных «парусов» из хлопчатобумажной ткани. Их для неё нет. Пять пустых предметов...

Боковым взглядом Виктор видит вошедших с ним. У одного испуганный взгляд, он ломает себе пальцы на ногах, второй стоит с безразличным выражением лица, взгляд от-

сутствует, но сложно и это понять, – смотрит на подполковника, – парень врос в пол. Лицо третьего напоминает енота – любопытного зверька, норовящего сунуть свой нос во всё и желательно постараться что-нибудь стащить. Он не в состоянии спокойно стоять на месте, и видимо это сильно раздражает подполковника, тот постоянно поднимает глаза на него, точно с недоброжелательным намерением, но всякий раз лишь покачивает головой, прищипывая от раздражения. Четвёртому не хватает антенн – он, словно что-то ловит из космоса, намериваясь отыскать канал для получения сигнала. Просто его глаза, бегая по верхним векам, то ли рассматривали брови, то ли измеряли ширину потолка. Возможно, и Виктор вёл себя для них странно. Но глядя на них и ставя себя на место этой чудесной девушки, уж точно, вниманием их не одарил бы – не одного.

Она – младший лейтенант. Форменная рубашка с короткими рукавами несёт на плечах знаки отличия.

И вот она встаёт.

Зачем?!

Что она делает?!

Она идёт в сторону Виктора. О, боже, она его обнимает, целует и при всех засовывает свою руку с нежными пальчиками в ХБ-шные «паруса». У Виктора подъём эмоций...

Конечно же, всё это – воображение молодого безрассудства. А младший лейтенант подходит к высокому шкафу и рассматривает то, что лежит на самом верху. Понимая, что

возникла сложность, девушка берёт стул, становится на него и тянется за чем-то вверх.

На ней надета форменная юбка, которая, по всей видимости, должна быть гораздо длинней. Теперь часть её прелестей показываются на глаза едва повзрослевшему рассудку. И без того красивые ноги вызывали «интерес», а тут «его» подняли дальше некуда.

Потеряв контроль, Виктор стоял, разинув рот, и не заметил, как рядом с ним оказался подполковник, а в руках он держал линейку.

В одну секунду Виктор согнулся от боли – невыносимой, острой боли, в корне не похожей на нежные приятные прикосновения, которые себе начал представлять Виктор.

А подполковник уселся опять за свой стол. Красный, взбешённый и матерящийся.

Виктор согнувшись, не издал ни звука, он ждал – терпеливо, с трудом ждал, когда придёт на «конец» облегчение – оно приходило медленно. Злость и ненависть опережали. Боль приутихла, только пекло. Но это уже не мешало Виктору в мановение ока очутиться на столе подполковника. Тот никак не ожидал такого поворота событий и одновременно с действиями молодого человека растерялся, огляделся, и не найдя ответа, получил первый удар с ноги в лицо. В кабинете повисло безумие. Той же ногой отправлен был следующий удар, за ним ещё..., другой ногой...

Снова ещё...

И...

Между ногами, что били без устали пекло после линейки – двадцатисантиметровой, металлической. Голова подполковника повисла на бок. Сознание исчезло. Взгляд потух, веки опустились.

Четверо стояли застыв на месте. Младший лейтенант недвижима осталась стоять на стуле, пока не разразилась воплем.

Потом всё быстро.

Разбирались недолго.

Подполковник скончался за собственным столом от тяжелого кровоизлияния в мозг. Судебный процесс. В скорости вынесли вердикт – приговор сроком на десять лет.

Дальше колония строгого режима.

Четыре попытки побега... карцер...

Срок прибавлялся.

Пять попыток уйти из жизни, конечно, повеситься, вскрыть вены и... проглотить вилку.

Неизвестно откуда появился адвокат. Пожилой проныристый юрист, явный «еврей со стажем». Как вышло, он наблюдал за Виктором, пока тот находился за решёткой, и всякий раз оказывался рядом, когда заключённого отправляли в тюремную больницу. Связей у человека было много, и влияние было весомым.

Спустя пятнадцать лет Виктора освободили. Когда он вышел из застенков, встречал его человек, знающий Виктора

вдоль и поперёк, но весь покрытый неизвестностью для самого Виктора.

После двухчасовой поездке, Святика привезли к его дому.

Виктор странно посмотрел в след недавнему пассажиру. Мысль Виктора была скользкой, неспособной удержаться в суждении, чтоб быть распознанной. Святик подумал быстро, в скорости махнув рукой. Не получив ответа, был покинут. Спустя десять секунд «Хюндай» скрылся за поворотом – за углом малогабаритного дворика с огромной доминой в четырнадцать этажей ростом.

Сольфеджио

(Лошадиная почта; глухая тварь; на правах учителя)

Подняв голову в небо, скользнув взглядом по «телу» небоскрёба (может не такого уж и небоскрёба), Святик постарался стереть из памяти мысль о самоубийстве, подумав, – как хорошо, что всё-таки жив. Переведя дыхание, шагнул на ступеньку к двери парадной.

И таки да, навесы напоминающие поверхность матраца были натянуты над французской булочной, – их оказалось три (по количеству окон).

Усталость валила с ног. Хотелось, как можно быстрее добраться до дивана, и отключиться часиков на семь. Сейчас – половина седьмого. Можно встать в два часа ночи, и попытаться поработать.

Так хотелось... Нет..., подумалось.

Подумалось поработать, но желание поспать доминировало на сутки.

Через двадцать три часа, в шесть вечера ясная голова открыла глаза. Во всём теле появилась бодрость.

Практически все поделились своими историями. Кроме одного человека.

О Викторе, по всей видимости, должен был рассказать Эльдар Романович, в связи с косноязычием хозяина истории. Но всё уже решилось. В машине, с горем пополам, в не одну сотню матов, что-то вышло.

Любовь Герасимовна совсем не в силах изложить свою историю. Старику снова придётся взять на себя роль рассказчика.

Закинув в соковыжималку пучок сельдерея, две морковки и одно яблоко, и не найдя на кухне ничего больше, Святик получил порцию сока из того, что было.

Жаль – борщ прокис, – приготовив его и съев всего тарелку, Святик оставил остывать на подоконнике. Всё бы ничего, если б с самоубийством сложилось, но жизнь продолжается, а борща нет. Видимо, кто-то всё же должен был покинуть этот мир, и кастрюля скисшего первого блюда смывта была в унитаз. «Печально, – подумал Святик, – но жизнь также непредсказуемо капризна, как и прекрасна». Свежий ветер влетел в открытое окно, наполнив лёгкие. Этот день был не столь жарок, как предыдущий, – небо пасмурно, земля мокра, а воздух движем и прохладен.

Погода в это лето выдалась разнообразной, – бывало и жарко до невозможности, а бывало и настолько свежо, что приходилось надевать плащ. Когда нагонял ветер тучи, то тут же становилось прохладно, и температура мгновенно опускалась на пять-шесть градусов, а через время (совсем малое) градусник уже показывал падение температуры

на все пятнадцать. Запах же струящегося ветра был осенний.

Святик подошёл к окну, вначале пригнувшись, а затем выглянул, чтоб посмотреть вниз. Высота иная и ощущения вызывает другие, здесь можно рассмотреть посаженные молодые деревца и явней увидеть, кто проходит мимо. Но не это больше озадачивало, накатывала волной мысль – как так могла возникнуть идея о самоубийстве... Что подтолкнуло тогда рвануть, сломя голову, по пожарной лестнице? Да ещё и не остановиться на полпути, но зайти даже на парапет, вот-вот решаясь сделать последний шаг. Раньше, стоило узнать о чьей-либо подобной смерти, в голове возникали картины ранее страшно невыносимой жизни или серьёзной ссоры, и никак не из-за пустяка. А в его случае пустяк был на лицо.

Срывая со своей головы мысли, Святик не спеша пил сок. Как бы не старались морковь с яблоком, но запах сельдерея был сильнее. Он это любил. Можно даже яблоко не класть. Больше всего на свете Святик не любил кофе. Этот напиток вызывал у него приступ нервозности с перерастанием в гнев, затем панику; а однажды он потерял сознание (если память не изменяет, то он этот случай помнил, как второй). После первого он сказал, что в рот не возьмёт ни капли этого «зелёя», – тогда у него началась бешеная тахикардия, лицо стало бордового цвета, а давление превышало все положенные нормы. Ну, и вкус разошёлся с предпочтениями. Когда врач осмотрел его, то сказал: «... ещё два глотка и вас можно было бы выносить вперёд ногами...!». Но спустя лет пять, Свя-

тик проходил мимо кофейни, дверь была открыта, и запах исходил настолько приятный, аппетитный, что он вновь соблазнился, купил сто грамм кофе и, подороже, предполагая, что в прошлый раз выпил какую-то дрянь. Ожидания, конечно же, не оправдались... И после третьего, примерно, глотка «напиток богов» унёс его вдаль беспамятства. Он не знал, каким образом был доставлен (дома на тот момент никого не было), но очнулся в больнице. В дверях мелькала спина отчима. «Твою мать..! – всё, что могло прийти в голову Святика...». Да, момент оказался не из лучших. И ничто не могло отвернуть от смертоносного напитка его организм, как спасение со стороны этого человека. Тот разговаривал по телефону, и пока не замечал восставшего из подсознания пасынка. Святик в свою очередь подумал – лучше притвориться спящим, и снова прикрыл глаза, но внимательно слушал. Звуки шагов оставались всё на том же расстоянии – где-то в коридоре – вместе с обрывками скомканных и пожёванных слов. Отчим растворился в тех звуках. Сквозь щели глаз Святик видел пустую дверь. «Похоже, ты начинаешь приходить в себя, стервец..!» – Голос заставил вздрогнуть. Каким-то немислимым образом отчим оказался рядом, а Святик того не заметил. А разорвала «идиллию», не дав развития монолога, ворвавшаяся мать Святика с паническим видом, влетевшей в окно вороны. Святик предполагал, во что могли развернуться те слова... Отреагировать на мать – надо более претвориться не пришедшим в себя, – иначе она

измучит вопросами. «Уколы ему какие-то поставили... – начал объяснять ей отчим, – сказали, немного поспит – придёт в себя «огурцом»..!»...

В общем, с тех пор кофе не капли.

Да и «по чаю пройтись» – тоже не любитель. Так иногда, но не дома. Во рту после него вяжет, язык покрывается налётом, который не знаешь, чем снять. Так что, ни того ни другого в доме Святника впредь не было.

«Ты бы хоть завёл для гостей... – говорила мать, – а то и угостить-то нечем...!».

«Их у меня не бывает. – Отвечал Святник.», но она возмущалась, мол, а как же они с отчимом.

«Вы можете и дома попить... и вы не гости, а Савик может сельдерей поживать... полезно...».

Отношения у них со Святником были не самые блестящие. Святник любил мать, но своей, особенной любовью, – она понимала, в чём дело. Её муж не давал ему покоя. Отец Святника уехал жить в Португалию, когда развёлся с матерью. А после него было трое мужчин, включая действующего мужа. С каждым новым браком матери, Святник становился, ни то, что грубей, ему поначалу было обидно, а потом безразлично. Конечно же, это не было схоже с жизнью Эльдара Романовича, но хотелось бы видеть более здравомыслящего человека – тебя родившего и вырастившего. Что влечёт людей друг к другу, Святник не понимал. То ли им хотелось утешения со стороны, то ли материальной поддержки, то ли ну-

жен постоянный сексуальный партнёр, – говорят всё это важно, и ещё что-нибудь можно накопать. Во всём этом Святик не нуждался и, потому была не понятна надобность семейной жизни и просто «специальных знакомств». Так что Святiku жилось вполне комфортно и одному. В свои тридцать лет он даже не поцеловал ни одной девушки..., ах нет, была одна, в шестом классе какие-то девочки играли на перемене на спор, проигравшей выбирали «жертву», и она должна была подойти и поцеловать «по-взрослому». Святик попал в поле зрения заигравшейся компашки, а после – месяц отмывался от слюнявого рта. Речи о половом контакте вообще быть не может – у него вовсе не возникает мыслей. Как-то его назвали геем, но это не так. Обижаться он не стал, проигнорировав, он быстро тем рассеял интерес публики, и скоро все позабыли о сплетни, которая тут же упал, где и взлетела. Святик был весь в себе, в своих мыслях и не далеко идущих идеях. В общем, жизнь матери находилась за рамками его понимания. А от Савика – отчима, ему не было бы ни холодно, ни жарко, не свяжись он с ним на профессиональной арене. Вопрос: как отвязаться от этого человека? – Был актуальным. Помощь же найти не так просто.

Пока Святик пил сок, а перед тем выпавшись, как следует, издательство «Нос» было опечатано федеральной службой, главный редактор арестован за антиполитическую пропаганду, а Ежов Савелий Стефанович – основатель издательства, скрылся в неизвестном направлении.

Споласкивая стакан одной рукой, Святик потянулся за требующим его телефоном.

Когда-то он уже встречал номер, светившийся на экране.

– Алло... – рассеянно протянул Святик в трубку, пытаясь вспомнить, с кем могли быть связаны эти цифры.

– Святослав...? Верно?...

Таких знакомых номеров посыпалось один за другим на экран.

Звонили издательства, предлагая сотрудничество. Договариваясь о встрече, каждую записав в блокнот, Святик поднял очередной раз трубку. Ошеломлённый случившимся, он ощутил в себе прилив сил и море непонимания, почему у всех поменялось отношение к нему. Сутки назад его никто не хотел слышать, а теперь его рвали не части.

Но голос в трубке смёл рассуждения. В мановение ока комната приобрела вновь привычно серые оттенки.

– На одном из мостов центрального парка вас будут ждать две лошади. Одна из них у вас попросит сигарету, но так как вы не курите, вторая попросит воды. Сигареты покупать не надо, а воды приобретите, пожалуйста, по дороге. Уж больно эти лошади потеют...

Это был женский голос, и он оборвался гудками.

Святик стоял, точно обухом ударенный по голове, а гудки в трубке, словно стали звоном в ушах после оглушения. Пытаясь собрать сказанное, ему больших трудов составило

найти куски раскиданного рассудка.

«Чёрт возьми! Какие на хрен лошади?! Мир, что, вокруг с ума сошёл?! Не понимаю! Кто вообще эта женщина...?» – Святик на секунду замолчал. Перебрал то, что пришло на ум. Искромётно. С трудом сумев удержать, тут же постарался развить: – «А может это из шайки-лейки старика? И не обязательно участник кабинетной сцены... Их вон, полон „дом офицеров“. Даже тот, когда мы входили со стариком, подбежал, еле докурив, открыть дверь. Ещё так на меня покосился, будто я ему..., нет, им всем должен по гроб своей жизни. Ах, да и чёрт с ними со всеми. Старик мне предложил помощь, которой я так и не дождался, а в ней теперь и не нуждаюсь. Вон сколько звонков с предложениями... Выбирай любое издательство...»

Святик ещё долго продолжал беседу с собой, сам не заметив того, как оделся, вышел на улицу, и уже добравшись до центрального парка, очнулся, огляделся, и спросил себя вслух:

– Ну и, где мне их искать?

Вспомнив, что говорил женский голос, перебрал мысленно все мосты, что могли быть в парке. Так как стоял в ста метрах от одного, а их всего три, направился к нему.

Мост был пуст. Постояв минут пять, вспомнив встречу с художником именно на этом месте, двинулся дальше.

Второй мост был через эту же речку, но было там болеелюдно. Сама переправа крепче, больше. Над речкой силь-

но не возвышается. В отличие от предыдущей, по ней можно проехать на машине. Свежий асфальт, белые балюстрады с самыми незатейливыми балясинами, те, что напоминают вытянутые амфоры, один тротуар и одна велосипедная дорожка. Нечасто проезжают медленно машины, переправляясь, въезжают на платную стоянку.

Понаблюдав за происходящим не много, Святик собрался уходить. Но вдруг на мост зашли две лошади, и направились в его сторону. Одна была поменьше, вторая покрупнее. Они шли и фыркали. Не решаясь предполагать дальнейшие действия, Святик стоял, как вкопанный. Коль всё так, как ему сказали, то эти действия будут изображаться в виде человеческой речи со стороны этих животных. Они подошли вплотную, когда Святик вспомнил, что не купил воды. Ища ларёк, Святик оказался между кобылами, а не услышав ни слова в свою сторону, понял, что сходит с ума, и не на шутку распереживался. Одна из кобыл махнула хвостом, задев его плечо. Святик вновь стоял, рассматривая гуляющих людей. Ему самому жутко захотелось пить. В горле всё пересохло, и хотелось прокашляться.

На этот раз ларёк с водой попал в поле его зрения, и он поспешил купить бутылку холодной минералки. Двумя глотками он утолил жажду, и собрался идти к третьему мосту, – его трудно отыскать. Мало кто к нему навевается. Старая, дряхлая переправа, заросшая кустарником и деревьями. Святик как-то был там в позапрошлом году, – еле прошёл

по так называемой тропе, а на мост заходить побоялся – уж больно стар и не внушает доверия.

Только и успел закрыть бутылку, не совершив полного шага, услышал за спиной:

– Закурить не найдётся?.. – Голос, будто из бочки, а сказанное, точно, зависло в воздухе. Не дождавшись ответа, этот же голос заключил: – Если не курите – не беда – мы не огорчимся!

Святик повернул голову, и ему почему-то стало смешно, но он сдержал себя, лишь почесав затылок.

Сквозь лошадиный рот смотрело уставшее, но улыбающееся лицо, а рядом топтался такой же костюм. Две лошади – серые лошади в белых яблоках. Ну, прям, два орловских рысака.

– А водички можно?

– Неплохо было бы, а то потеем, как лошади... – на сказанное повисла тишина, и последовал двойной хохот. А Святик лишь улыбался, приподнимая озадаченно брови.

Не думая долго «орловские рысаки» опустошили бутылку в полтора литра.

Народ проходил мимо, каждый хотел заглянуть лошадям в рот. Маленькая девочка даже попросила папу, поднять её...

Когда один из костюмированных пошёл выбрасывать бутылку, второй подошёл к Святику поближе и сказал:

– За вами нету слезки...? – точно оглядываясь по сторо-

нам, лицо в глубине костюма подвигало глазами. А Святик пожал плечами. – Надо быть осмотрительным. Вам тут передали... – из живота «лошади» высунулась человеческая рука. Всё внимание людей на себя взял «конь» отправившийся к урне (не иначе, так было всё запланировано), и без свидетелей удалось принять передачу. – И... мама попросила быть осторожней... – чудаковатый тон превратился в задорный смех.

«Идиотская работа...» – подумал Святик. Почему люди на неё соглашаются?

В момент мысли Святик сказанному удивился и растерялся. «Лошади» стали фотографироваться с людьми, и задать вопрос – что за мама – было уже невозможно. А видя, что дожидаться показаний бесполезно, Святик решил уйти.

Найдя отдалённую лавочку, и сжимая в руке нечто, умещавшееся в плотно сжатом кулаке, Святик какое-то время просидел в трансе. Он задумывался над жизнью, точно над сном. Теперь он не имел того запала, что был в нём сутки назад. Отмахнувшись от назойливой мухи, беспрерывно жужжащей, он, наконец, разжал кулак.

На ладони лежал маленький бумажный свёрток, плотно скрученный, похожий на гадальные рулончики, – те, что достают из коробки попугайчики. В своё время – незамысловатый промысел цыган – и самый безобидный...

– Дядя, а вам лошадка тоже конфетку дала..? – Неожиданный детский голос оборвал ход мыслей, и Святик улыбнулся

в ответ, лишь покачав головой.

– Даша, не приставай к людям..! – Подбежала бабушка девочки, быстрым взглядом скользнув по внешнему виду Святика и более длительно засмотрелась на ноги... – Простите, она у нас очень общительная...

– Ничего, пустяки... – Отреагировал Святик, а сам опустил глаза, сопровождая взгляд пожилой женщины.

На ногах красовались домашние тапочки.

– Бабушка, а почему дядя в тапочках? У него, что, нету сандаликов?

Об этом они разговаривали уже отдалившись.

– Не знаю, наверное, нет... у него возможно и домика нет...

– Это как? – Не унималась девочка.

Бабушка же, явно не зная, что отвечать, как это привычно бывает, говорила, что зря:

– Как у собачек и кошечек...

– Ну, у нас же кошечка в домике живёт..!

– Но есть и другие кошечки...

– А это, по-твоему, другой человек..?

– Все люди разные...

Они уходили всё дальше, и слышно их было всё хуже. Скоро, их беседа растворилась в людской суете. А Святик посмотрел на свою поношенную домашнюю одежду. В голове его не укладывалось, – как мог так не задумываясь выйти. Ну, ладно – потасканная футболка; ну, бог с ними – со шта-

нами, схожими на пижаму (в чём только не ходит молодежь), но тапки – две медвежьи лапы...

В машине валялись кеды, вытрусив мусор, Святик натянул их с большим трудом, – они стали какими-то маленькими. Здесь же, не выходя из машины, он развернул свёрток с ёмким содержанием:

«20.00, старый-престарый мост.»

Нужно быть полным кретином, чтоб потащиться сквозь заросли, туда, где не бродит ни души; по зову неизвестно кого.

«Не так уж и малы...» – Разминая ноги, рассудил Святик. А после вынесения вердикта кедам, он уже поставил на суд и самого себя, когда сошёл на чересчур узкую тропинку, раздвигая ветки: «Кретин...». Лаконично? – Да! Повернём обратно? – Нет!

– Я вас, здесь, вечность стою, жду! Где вы ходите? По-едемте! – Сказанное нос к носу, ошеломило Святика. – Давайте, прыгайте в лодку, а я следом за вами. Вы погребёте...

Непонятно, как, но перед ним, бог весть, откуда, возник взъерошенный мальчишка. Это был не Эрик. Святик о нём подумал сразу. Этот поменьше ростом. Его торчащие в разные стороны волосы, были светлы, а у Эрика – тёмные и стрижены коротко. Мальчишка стоял на камне и пробравшегося сквозь кусты Святика, встретил он тут же лицом к лицу.

– ...а, куда плыть-то? – Залезая в лодку, теряясь, спросил Святик.

– Туда. – Взмахом руки мальчишка указал направление.

– И что там?

На данный вопрос пацан не ответил. Но уткнувшись в какой-то квадратик в руках, задвигал пальцами. Погода была пасмурной, и смеркалось раньше, – оттого разглядеть предмет сложно. Если бы это был телефон, свет с экрана отражался бы на лице, а так оно находилось вместе с прочим во власти всё гуще сбивающихся сумерек.

Святик не был большим специалистом по гребле, лодка выписывала кривые зигзаги, а вёсла хаотично и невпопад рвали поверхность воды. От такого движения мальчишка выглядел, как шарнирная кукла. Его лицо даже смотрелось подобно фарфоровому и, как намеренно, волосы напоминали игрушечный канекалон. На кого-то он был похож – Святик не мог понять, на кого же. Пытаясь рассмотреть, Святик забывал следить за рекой, которая грозила то мелью, то торчавшими из воды ветками, корягами, то самими берегами, ведь речушка и не была слишком широкой. Мальчишка, точно, так и надо, не обращал внимание на нелепое управление судном.

Горе-гребец кряхтел.

– Во что играешь? – Спросил Святик, совершая очередной рывок веслом, от чего лодку повернуло.

Мальчишка хихикнул...

– В пятнашки... , правда, плохо уже видно.

– Это квадратики с циферками?

– Ага.

– Знаю.

– Откуда?

– Этой игрушке «сто лет в обед»..!

Мальчишка хмыкнул, чуть скривившись, словно удивился сказанному.

– Не могу последнюю цифру поставить...

– А это, как у меня с кубиком Рубика – вечно крышу собрать не получается... нет, два раза вышло, а потом как-то не давалось.

– Что за крыша?

– Верхняя сторона... – Святик бросил весла, и, образовав «колодец» одной рукой, другой накрыл сверху.

– А-а-а!

– Или ты...

– Та знаю я, что это такое. Я его собираю каждый раз, когда берусь. Даже алгоритмы меняю. А это – у бабушки в ящике нашёл. Думал, гораздо проще кубика...

– Ну, вроде, как – да!

– Значит что-то здесь... – Мальчишка постучал указательным пальцем по виску. Закрыв коробку, посмотрел на Святика, поморщил нос, сдвинул брови, оглядел воду за бортом...

– Первый раз?

– Что именно?

– Гребёте...

– Не приходилось раньше.

– То-то я и вижу... Ну, нам не долго ещё плыть.

– Ну, то ладно! А зовут хоть тебя как?

– Елисей! – Как бы восклицая, произнёс мальчишка. Его щёки, будто разругались на сером воздухе.

– Что за конспирация, Елисей? – Продолжал не сдерживать себя Святик. – Я, правда и сам не знаю, зачем всё это делаю. Если б такое прочитал в книге, то принял бы за явный абсурд... Недолжен человек, в нормальной жизни, ехать «наобум Лазаря».

– Бывает, и небо видишь такое, что на картине выглядело бы выдумкой. – Мальчишка явно не собирался признаваться.

– Ну, так кто там меня ждёт...?

– Велено не рассказывать... – отрезал Елисей. И полез в лежавший на дне лодки рюкзак. Его сложно было рассмотреть (краски дня стали сливаться в один серый сумрак, ни тени, ни света, одни призрачные образы), но Святик понял это потому, что в руках у Елисея оказался телефон – довольно скромный, явно чтоб, лишь совершать звонки. Он быстро набрал номер.

Мгновение, – Святик слышал, как идут гудки.

– Ба...? Мы уже подплываем.

Сотовый вновь был отправлен в рюкзак.

А взгляд Елисея устремился вдаль.

Значит, плывём к бабушке..., это мало о чём говорит, конечно.

В голове Святик стал рисовать портреты, – какой могла быть бабушка Елисея. Взъерошенные волосы мальчишки никак не вписывались в образ, ждавший на каком-то из берегов проплываемой реки. И зачем?

Нос лодки упёрся в берег.

– Всё! Вылезайте... Вёсла в воду не бросайте...

Святик не знал, как поступить – куда деть вёсла, он ума не мог приложить.

– Ох, дайте! – Не выдержал мальчишка. – Это ведь гораздо проще ваших пятнашек. – Елисей налёг на вёсла и, перевернув через борт, уложил в лодку.

Дожидааясь мальчишку, Святик огляделся вокруг – ни души, ни фонаря, лишь сплошные деревья. Он не припоминал, чтоб здесь ему доводилось бывать. Более того, он удивился, что это всё ещё город, предполагая, всё-таки, что в этих местах ещё, и кто-то живёт. Иначе, зачем они сюда плыли?

Елисей деловито подошёл к Сватику, в его руке загорелся фонарик, который он направил на тропинку, пролежавшую сквозь высокие заросли.

– Нам сюда... – и будто увидев беспокойство на лице Святика, Елисей тут же подбодрил: – Нам метров пятьдесят пройти осталось.

Так и вышло – метров через двадцать они повернули, и увидели тусклый свет во дворе. Этот свет освещал крышу маленького домика, стараясь пробраться сквозь щели забора и калитки. Совершив ещё тридцать шесть шагов, они оказались возле двора. Елисей первым шмыгнул вовнутрь, оставив всё нараспашку. Когда вошёл Святик, – повисла тишина. Поверху пролетал, хлопая крыльями проснувшихся ночных птиц, ветер, и заурчало в животе. То ли – нервы шалют, то ли таки кушать хочется. Кроме, как попить сок, Святик ничего не съел после суточного сна.

Калитка закрылась за спиной, кляцнула щеколда. Мальчишка, наворачивая круги по двору где-то что-то закрывая, куда-то что-то убирая, наконец, точно, не обращая внимания на Святика, подбежал к двери дома, скрывшись в нём. А Святику оставалось ждать, когда его пригласят. Он чувствовал себя в дурацком положении, на нём старая поношенная одежда, маленькие, жмущие кеды, находясь «за тридевять земель» от дома в полной темноте, было неизвестно, как возвращаться обратно, документы и ключи оставлены им в машине; он, словно видел сон – не иначе, как продолжая спать после «сумасшедшей компании».

За дверью дом молчал.

На окне стоял ободранный фикус, освещённый тусклым светом оранжевой комнаты, на фоне стареньких, избитых временем занавесок. Больше сказать было нечего, – внешне обычный деревенский домик, пока покрытый вечерним су-

мраком, тишиной и прохладой.

Над головой шелестела листва, выкрикивали свой клич птицы, нет-нет и хлопнув крыльями.

Рядом что-то подвыв, зарычало, издав звук похожий на чавканье, – так делают собаки. Но Святик отреагировал не сразу, он слил все звуки воедино, не придавая, ни одному особого значения. Когда же дверь распахнулась, и на пороге оказалась перед Святиком знакомая женская шевелюра, которую недавно он видел, но вспомнить сразу не смог, перед ним прошла, покосившись, кавказская овчарка. И тут-то его облило потом, да таким холодным, что он вздрогнул. Продолжая стоять на месте, он ни сразу сообразил, что в дверях его встречает Любовь Герасимовна.

Создавалось впечатление безмолвности в каждом её движении. Все её шаги запечатлевались полом беззвучно. Руки, свесившись вдоль тела, иногда пошевеливали указательным и средним пальцами, точно по какой-то странной привычке, – что-то перебирая. Будучи в кабинете она была одета в чёрное крепдешинное платье с белым воротничком, теперь на ней был старый халат коричневого цвета, а поверх него повязан белый фартук в красный горох, размером со среднее яблоко. Лицо сейчас выглядело живым, она смотрела с остротой в глазах и слегка улыбалась. Там, в кабинете её вид был странным, словно принуждённым, её, будто всё тяготило, не давая покоя. Святик видел нового человека. Да,

и уже не хотелось назвать её Эйнштейном, – не взирая, конечно же, на причёску. Также Святик уловил от неё запах рыбы, – что было, конечно, не очень приятно (рыбу Святик не любил). Что касательно дома – это было весьма скромное убранство, – Святик не ошибся, взирая ранее на окно с ободранным фикусом... Кроме него здесь были ободранные крокусы, драцены, китайская роза, и по всей видимости, над этим постарался серый полосатый кот небывалых размеров, который сидел сейчас на стуле, то в упор смотря на незваного им гостя, то нервно полизывая одну из передних лап, не решаясь преждевременно её опустить. Ещё одно: в доме постоянно кто-то играл на фортепьяно. Мальчишки видно не было – может это – он. Самотканые половики устилали пол; у одной стены стоял «Сталинский диван», рядом с ним возвышался шифоньер, оставшийся с тех же времён. Так встретила Святика первая комната. Вторая – была с телевизором, накрытым скатертью, а сверху стояла ваза. Это сильно удивило Святика – он никогда такого раньше не встречал. Рядом стоял диван (поновее увиденного ранее), но почему-то не напротив телевизора. Полка с книгами, сервант полный хрусталя и керамики, швейная машинка с ножным приводом, два стареньких кресла с погрызенными подлокотниками – видимо следы «пушистого полосатого домоседа».

Тишина.

И... снова звуки фортепьяно.

Третья комната оказалась настолько отличённой от предыдущих, что возникало ощущение другого мира. Словно в трёх временах побывал Святик. В этой комнате всё было новым, ультрасовременным, – пол из ламината, натяжной потолок с точечной подсветкой, минимум мебели (один кожаный диванчик, длинный пенал из стекла с книгами и современными статуэтками, большая плазма, напольная ваза и такие же, как в кабинете Эльдара Романовича часы на полу, на столе ноутбук). И среди всей этой современности, казалось надменно, стоял музицирующий инструмент – самостоятельно.

Появился Елисей.

А Святик, как вкопанный стоял и смотрел на кем-то заколдованное пианино. Елисей видя удивлённое лицо, спешно комментировал:

– Это наша «Фонола Хупфельд»...

И воображению Святика предстал призрак, живущий плечом к плечу под одной крышей с хозяйкой дома (но вопрос: кто из них хозяйка?).

– Это пианола. Её отличие от обычных её родственников в том, что она может играть без музыканта. Её изобрёл Людвиг Хупфельд в 1887 году... – Разрушив сказанным полёт Святиковой фантазии, Елисей разулыбался.

Затянулась пауза. Внук посмотрел на бабушку, она сделала несколько жестов, а он показал ей также что-то в ответ.

– Бабушка хотела бы, чтоб вы присели на диван. У неё

есть с вами... к вам... разговор.

В дверях показался кот. Оглядев присутствующих, а затем комнату, он фыркнул, потрусил головой, быстро развернулся, и убежал. Не по духу, стало быть, приходится ему это помещение.

А Елисей продолжал общение с бабушкой. После они приехали следом за Святиком.

– Да, кстати, бабушка спрашивает, вы кушать хотите?

Есть, конечно, хотелось, но: во-первых: неудобно. Во-вторых: кухня чужая, а это самое главное, потому что, когда станет плохо (а Святик был в том уверен), то будет не до приличий.

– Не хочу, спасибо!

Елисей покачал бабушке головой, а она что-то показала рукой.

– Тогда начнём! – Чуть ли ни торжественно объявил мальчишка.

Любовь Герасимовна пересела на диван к Святику, а её внук сел на стул перед ними. Святик ощутил запах рыбы более остро.

Руки писали по воздуху свои загадочные иероглифы.

– 1967 год, третий класс фортепьяно.

Меня мать потому и отдала в музыкальную школу, что слух был у меня, более чем, идеальный. Хотя сама я того не понимала.

«А где ты ещё встретишь человека, – говорила мать, –

чтоб так же, как и ты слышал Моцарта за три квартала, из тихо играющего патефона и нота в ноту его напевал...?»

Похоже, нигде я не видела! Да и, где мне было встречать и, когда? Мне отроду было-то восемь лет. Я, лишь думала, что слышать так в порядке нормы. Но маме виднее было, она в шесть раз больше меня прожила, – рассудила я.

Отправилась я изучать музыкальную грамоту.

Урок сольфеджио вёл сорокадвухлетний мужчина. Я жутко не любила его занятия. А его бесил мой слух. Слышала я в звучании ноты больше, чем следовало. И, когда я пропевала нажатую им клавишу, он кривил лицо и сквозь зубы процеживал: «Я что разве так нажал...?»

Дело в том, что когда я слышала настоящую... ну, оригинальную музыку, то там был всегда отлаженный инструмент. А в нашей школе лишь одно пианино было идеально настроено. Стояло оно в закрытом кабинете, но нам говорили, колки его стёрлись, и настроить невозможно. А так как на нём играл и обучал игре легендарный преподаватель школы, то оставили в память о нём, даже подписали.

Однажды кабинет был открыт. Там убирали. Я же пришла раньше положенного времени на полчаса. Никого не было в школе. Царила тишина и изредка гремело ведро. Я аккуратно заглянула, уборщица усердно тёрла пол. Я тихо вошла, и встала рядом с инструментом. За спиной тёрла пол тряпка, а мои руки открыли крышку, и коснулись клавиш. Сначала беззвучно, а затем: «ТАДАДАН -...» – первые три ак-

корда из «сонаты №8, Бетховена», а за мной раздался визг. Чуть ли не до смерти испугалась баба Валя, и выбежала прочь, бросив швабру. Я только вздрогнула и обернулась. В дверь спустя полминуты просунулась обмотанная платком голова с бледным взмокшим лицом.

– Ты что ли, Любка? – Лицо, как известью покрылось. А я лишь поздоровалась.

– А я уж думала, не иначе, как сам Никифор Палыч вернулся с того света... ой, Господи! Прости душу мою грешную! – И давай креститься, будто её заело.

А я продолжила играть.

Это был хороший инструмент – его звук напоминал мне записи, что лились из-под рук мастеров, там за пределами винила. Отбрасывая шуршание иглы, я внимала звучанию нот.

– Ты бы, хоть предупредила... – не унималась баба Валя, – ...разве ж так можно?! Хорошая ты девочка, но спонтанная какая-то, неожиданная...

– Простите..!

– Да, что уж... ты это... недолго... оно ж вроде, как нельзя.

Я покачал головой, и через минут пять опустила крышку пианино. А баба Валя после меня протёрла пол и замкнула кабинет.

– Эту пиянину* сам Никифор Палыч купил, ни одного настройщика до ней не подпускал... всё сам... Лет восемь

стоит без хозяина. Как помер, так и умолкла. Ага, и вот с тех пор первый раз и услышала... То ж и испугалась дюже. Ну, да ладно! – Махнула тряпкой и пошла выливать воду.

А преподавателя по сольфеджио бесило мнение других учителей обо мне, – те за меня сильно вступались и говорили, что тот ко мне чересчур пристрастен и помимо того относился с незаслуженным пренебрежением.

И вот очерёдной урок. У преподавателя окончательно сдали нервы, и он швыряет мне в лицо, схватив с пюпитра, нотную тетрадь.

Сразу я не плакала. Плакала потом, – когда произошло самое страшное.

– А вы, что, матери ничего не сказали!?! – Возмутился Святик, сначала в сторону Елисея, а сообразив создавшуюся ситуацию, повернулся к рядом сидящей Любове Герасимовне.

Она покачала отрицательно головой.

– Но, почему?! – Не унимался Святик.

Последовал набор жестов. Их подхватил Елисей:

– А вы сказали своей матери о проделках вашего отчима, когда он был вашим учителем в школе?

– Она сама узнала об этом. – Быстро дал ответ Святик, но засечку сделал по поводу осведомлённости своих оппонентов о его жизни.

– Вот и моя мать позже всё узнала сама.

Я просто не стала драматизировать. Вышла из класса

и больше не вернулась. Ходила целый месяц непонятно куда.

Одна из учителей пришла к нам домой, и спросила, почему я не появляюсь в музыкальной школе. А мать спросила с меня со всем, так сказать, пристрастием. По поводу сольфеджио я не заикнулась и, никто из учителей об этом случае ничего не знал, соответственно матери они сказать не могли. Сказала спустя три месяца баба Валя – наша уборщица. Она давно настраивалась, и мало того, чтоб сказать моей маме, чтоб устроить взбучку «мистеру сольфеджио» (ему она поставила солидный фингал, разбила нос и опозорила на всю школу), который вскоре вспомнил обо мне, решив отомстить. Но опять меня спасла баба Валя.

Я снова стала ходить в музыкальную школу. Преподавателя по сольфеджио уволили. На его место пришла женщина, и всё было тихо и спокойно. Пару раз я встречала его на улице, делая вид, что его не замечаю – быстро проходила мимо, спеша скрыться за ближайшим углом. А новая учительница была тихой, можно было подумать о её безразличии. Уроки свои проводила с полным равнодушием к работе и нам. Спустя время она уволилась, говорят, чем-то заболела, а позже дошёл слух, что она умерла. Городок был маленький, специалистов взять не откуда, приезжать никто не хотел. Пришлось вернуть прежнего... Он же изменился, и уже не вёл свои уроки, как раньше – теперь он был обходительный, объясняя всё до последнего. Он даже попросил у нас с мамой прощения. А баба Валя предупредила его, что за ним следит,

но он повода усомниться не давал.

И вот подружившись с моей мамой, сделал ей через месяц предложение. Жили мы в маленькой комнатухе местного общежития, а у него был дом с палисадником. В общем, ясно, что мы переехали в его дом. Детей у них не было общих, росла я и дальше одна у мамы. А разговор один услышала – довольно неприятный. Он обвинял мать в бесплодии (но меня ведь она родила, что и старалась доказать ему). Тогда я первый раз услышала слово «импотент», которым назвала его мать. И в тот момент, когда я заглянула на кухню, мать крикнула и повалилась на пол, а у отчима в руках была сковорода. Лужица крови образовалась под головой упавшей мамы. Я остолбенела. Не могла сдвинуться с места, а он, явно предвидя заранее, спокойно на меня глянул, вымыл ручку сковородки, вытер полотенцем, поставил стул на то место, где стоял во время удара, завернул меня в полотенце, поднял на стул и, вручив орудие убийства мне в руку, вышел из дома. Вернулся он с милицией.

Вот тогда-то я и плакала. Понимая, что маму не вернуть, я не знала, как жить дальше.

– И вас посадили..? Ну, или, как там поступали с детьми..?

– Не важно, как поступали с детьми. Абсолютно не важно! – Любовь Герасимовна опустила руки, её внук замолчал, смотрел на бабушку. Она огляделась по сторонам, встала с дивана, и прошла через комнату. Наклонившись, подняла гантель, прикинув вес, раскрутила, поменяла блины и под-

несла к Елисею. Он посмотрел странным взглядом на бабушку, а она жестом попросила его взять снаряд в руку. Было видно, что мальчишке следует стараться, чтоб держать. Следующим жестом была просьба поднять руку с этой тяжестью, стараясь замахнуться. Мало что вышло у Елисея. Любовь Герасимовна махнула рукой и села на место.

– Вот видите! – продолжили они.

Святик смутился.

– Я не могла поднять сковородку. И милиция это понимала, и безоговорочно приняли тот факт, что я не совершала этого преступления. Зарёванная, я сидела на корточках с ногами на стуле, опёршись подбородком в сковородку. Отчим, руководствуясь, не пойми чем, решил повесить на меня свой косяк. Но следователи, понимая всё стремление преступника свести тяжесть содеянного к минимальной мере наказания, а лучше вообще остаться безнаказанным, отправили его за решётку, без лишней арифметики, на пятнадцать лет.

Мать похоронили, а меня отправили в интернат.

Сильно переживала баба Валя, когда все лишь поохали-поахали, она хотела меня забрать к себе. Но... ей отказали, – мол, старая очень и ряд прочих проблем, которые на неё возлагались по удочерению, были ей не по силам. А навещать меня приходила. С гостинцами, подолгу что-то мне рассказывая того, что я не помню.

А потом я осталась одна. Настал день, когда баба Валя не пришла. Не пришла она и на следующий день, и на следу-

ющий... А я выглядывала в окно, – садилась и часами смотрела не идёт ли замотанная в платок голова. Она не шла.

Когда я выросла, то поняла, что баба Валя умерла и, как не крути, я всё равно осталась бы одна.

Елисей смотрел на бабушку сосредоточено, иногда переводя быстрый взгляд на Святика.

Святик пока не имел ни малейшего представления, зачем ему всё это знать, но для себя брал на вооружение, как материал для книг. Ведь столько историй им было услышано за короткое время. Он не страдал дефицитом фантазии, и мог с лёгкостью сложить текст из воображаемого. Но знал прекрасно, – что лучше не придумаешь, когда тебе на подносе подадут готовые сюжеты, при этом так качественно изложенные.

Поэтому ему было интересно лезть сквозь заросли, ехать на встречу с псевдоживотными, выслушивать, на первый взгляд, марзматиков..., но видимо и стоит прислушаться, а ещё призадуматься – ведь просматривается существенная связь представленных образов и его с ними в том числе. И пусть некоторое призрачно, но, – по всей видимости, пока – например, та же баба Валя. Её ведь тоже напугали, как и родственника Святика, но не умерла она от разрыва сердца. А ещё приведённые его вниманию люди, имеют схожесть историй своих родственников, опять-таки включая Святика. В частности отличились матери. Затем стоит обра-

тить взгляд рассудительности на намерения попыток суицида и то, что соискатели смерти разделены на группы, различимые в видах акта, но при этом же что-то ведь их объединяет – завуалированное от глаза людского – простого обывателя. И что хочет потребовать за помощь Эльдар Романович, можно лишь пытаться догадываться. К примеру – написать книгу – совершенно нового жанра. Так это было бы интересно, но к чему устраивать экивоки, и не сказать всё, как есть. Так и так мол, Святослав, есть возможность вылезти из этой ямищи, но надо написать книжонку на страниц, эдак пятнадцать, авторских, а, то и двадцать, только сюжетик такой вот хочется...

Ход мысли Святика нарушили довольно громкие звуки «Фонолы-Хупфельд». Пианола заиграла неожиданно громкую прелюдию. На это не отреагировали Любовь Герасимовна и Елисей, их руки что-то бурно обсуждали. Для Святика же эта «речь» была, точно тёмный лес. И у него возник вопрос: А что же всё-таки случилось с Любовью Герасимовной? Она ведь, выходит, судя по рассказу, вполне была говорящей.

«Нос»...

(Душа нараспашку; Герасим...)

Кот снова появился. Он заглянул в комнату, где порхали руки, сидел задумчивый гость, и изливала свою «душу» в миноре пианола. Кот, явно где-то полазил мордой, – его нос был измазан чем-то белым, и именно там, где не в состоянии достать языком, но всё же, одновременно с тем, как он тарасился на Святика, старательно вылизывал длинным языком свои щёки. Он, точно, принюхивался к атмосфере новомодной комнаты, стараясь не пересекать положенной границы – положенной им. Иногда кот быстро смотрел на хозяев, и вновь возвращал пристальный взгляд на Святика. Он это делал так ловко, что можно было не заметить. Тем более отвлекающим предметом работал язык – длинный, но неспособный достать там, где до сих пор были, скорее всего, сливки.

Напольные часы начали отбивать одиннадцать раз, говоря этим, что уже поздний вечер. Святик заволновался, – он упустил ощущение времени, и теперь переживал. Его тревожил неизвестный путь домой.

– Бабушка надеется, что вы переживёте одну ночь без своей постели... – Повернувшись к Святiku, Елисей «подбод-

рил» его таким вот неожиданным поворотом событий.

Смутившись, но понимая, что деваться некуда, а истерики не про него, Святик неоднозначно согласился с выводами незнакомки.

А кот всё сидел в дверях измазанный. Глядя на него, Святик подумал об издательстве отчима. (Он ещё не знал, что произошло с «Носом»). Для него было, как *pleasant surprise*, изменившееся отношение издательств к нему, но в голову не могло прийти, чтобы могло случиться, ведь не так просто смыть ту грязь, которой обляпал его отчим...

Не обнаружил при себе Святик телефона, а там видимо много пропущенных вызовов. Главное, чтоб не потерялся – если в машине, нестрашно.

В помещении, в котором располагалось издательство «Нос» было перевёрнуто всё вверх дном – раз; сброшено, за чем-то всё в большие коробки и мешки для мусора – два; вывезена вся мебель в неизвестном направлении – три. Исчезла (бесследно) вся бухгалтерия – четыре. А пятым – стало объявление об аренде. И всё произошло без лишнего, за шесть часов и пятнадцать минут. Те пятнадцать минут, что прилепились к шести часам, ушли на прикручивание этого самого объявления.

Довольно яркий персонаж – этот кот, – подумал Святик, когда доедал тарелку, явно угаданного по вкусу, поданно-

го Любовью Герасимовной борща. К нему приложились три куска ржаного хлеба, именно того, что любил Святик. Кто-то весьма хорошо знал его предпочтения, и возможно всю жизнь в целом – хотя это навряд ли, он был уверен, что жизнь его принадлежит только ему. Что интересно: мы все так думаем, а потом выходит, кому-то известно о нас всё. (Опять мысли).

А кот наблюдал за гостем с таким взглядом, точно возмущаясь и слегка негодуя на странную хозяйку – в данном случае странную для самого кота – (мол, что же ты делаешь? – кормишь чужого человека, а как же я...) Но и это снова мысли (не кота).

Вошёл Елисей, и принёс комплект постельного белья. Превратив диван в кровать, потянув за низ, мальчишка ловко застелил простынею, в изголовье бросил подушку и положил в ногах сложенное одеяло.

– Хорошей вам ночи! – Пожелал Елисей, и поспешил удалиться.

– Постой, Елисей..! – Остановил его Святик на выходе из комнаты. Сам приподнялся. Завидев его движение, кот спешно исчез, потрусив распушенным хвостом. – Можно задать тебе вопрос?

В ответ Елисей пожал плечами. Выглядело это, не сказать, что похоже на согласие, но не дожидаясь прямого ответа, Святик продолжил:

– Скажи, ведь твоя бабушка раньше разговаривала?

– Я этого не слышал. – Сразу ответил мальчишка.

– То есть ты хочешь сказать, что было это задолго до твоего рождения?..

– И до рождения моего отца – её сына... наверное...

– Почему так неуверенно? – Спросил Святик.

– Мне особо ничего не рассказывали.

– Значит, что-то произошло?

Взгляд мальчишки был равнодушным. И он вновь пожал плечами, определённо не желая делиться.

– Ешьте. – Всё, что позволил услышать Святику Елисей.

Есть было уже нечего, да и наелся.

Встав из-за стола, Святик пошёл по комнате. Кроме привычной уже двери здесь были два окна с опущенными жалюзи, и ещё одна дверь, закрытая на ключ, – провернув пару раз ручку, он в этом убедился. Настаивать более не стал.

«Фонола-Хупфельд» хранила молчание. Её массивное, деревянное «тело», словно, тяжело дышало от усталости. Святик подошёл к ней поближе. Точь-в-точь обычное пианино, лишь в корпус встроены бараны, – зачем? – Святику было непонятно. Святик ничего не понимал в музыке.

Выключать свет не хотелось. Хотелось принять душ. Ложиться не свежим было неприятно. Хотя бы ноги помыть после мучительных кед. Не сказать, что они сильно измучили своим неподходящим размером, но неудобство причиняли. А постель пахла лавандой. Святик постарался закрыть глаза, но видимо, суточная норма сна утолила его организм,

и теперь спать не хотелось. Встав снова, размяв ноги, Святик подошёл к пеналу с книгами. На полках не стояло ничего современного. Полные собрания томов Горького, Тургенева и два сборника стихов Тютчева. Святик не стал тревожить их покой, и подошёл к столу. Ноутбук, толстый блокнот, карандаш, ластик, две серебристые ручки, лежали так же, как у него дома. Он сел в кресло. Постучав пальцами по столу, открыл блокнот, в нём чисто, закрыл обратно. В голове роились мысли. Провести ночь в чужом доме – сродни было для Святика проведению ночи в кутузке. Хотя в кутузке не бывал – его представление о ней просто было не весьма приятным.

Постаравшись прислушаться к происходящему в доме, Святик задался вопросом: «Где могли сейчас спать хозяева дома?»

Образовавшаяся тишина показалась подозрительной. У Святика возникло явное ощущение одиночества. Куда могли запропасться бабушка с внуком, невозможно было приложить ума. Те две комнаты, по мнению Святика, не могли быть пригодными для ночлега.

Этот ум не прикладывался и в попытке рассудить смысл своего пребывания в этом доме.

Медленно потекли минуты, отмеряя часы. Каждая минута была мучительным промежутком, и первый канувший час ознаменовался в разуме Святика, подобно вечности.

Эльдар Романович, совершив пару звонков напоследок дня и убедившись, что дела его идут, не сбиваясь с поставленного плана, застегнул свежевыглаженную пижаму, снял свои огромные очки, положив их на тумбочку, лёг в кровать, как всегда с надеждой, проснуться славным утром в полном здравии. Он с уверенностью намеривался прожить ещё лет двадцать плюс (не в коем случае минус) два года, – того, в общей сложности, дожить до верных ста двадцати лет. Тогда можно спокойно умирать, считал Эльдар Романович, когда дела все сделаны и удовольствие от того получено.

В планах старика было – открыть музей.

Такая мысль зародилась ещё в молодости.

Но ему все говорили, что это невозможно. И потому, как раз тогда – в молодости, Эльдар Романович прекратил общение с людьми на эту тему, а задался обеспечить себя сначала образованием, затем же финансами. При этом совершить это настолько, чтоб сделаться ни кем и ни чем непоколебимым. Только это обещало забрать кучу времени и сил, – но наивный молодой ум, решительно думал взять всё и быстро. А отдав двадцать лет на четыре высших образования, и работе сначала в школе, потом городском совете, стал понимать, что не так-то просто даётся карьера. С трудом добравшись до областного совета, повзрослел, приобрёл опыт, занимал разные высокие посты. Когда Советы развалились, и наступила волна произвола (извините время демократии) – на арену власти вышли разного направления партии, коммунисты

стали не те, их власть потерпела крах, Эльдар Романович не стал засиживаться, понапрасну протирать штаны – не по-его. Положив партбилет на стол, он тут же вступил в ряды «новых», и вскоре был избран народом в депутаты. Окружив себя «сильными людьми» и научившись не только ими пользоваться за все эти годы, но и управлять, приобрёл личные «рычаги»...

– Музей?!...

Удивился однажды отец Анны.

– А что ты хочешь в нём представлять?

– Души...

Отец смутился, решив, что парень совсем спятил. Мало того, что пропадал понедельно, ещё начал идеи выкидывать бредовые.

– Какие такие души, Эльдар?...

– Человеческие.

– А как это возможно? Даже допустим, что таковые имеются в людях... Как? – Затем подчеркнул: – Да, и хорошо, что нас никто не слышит...

Эльдар на какое-то время впал в ступор.

В глазах своего приёмного отца он изменился довольно сильно после болезни. Сам же Эльдар знал, что его перемена произошла намного раньше, задолго до того, как случился этот разговор. Но об этом он ничего не сказал.

Для Николая – дочь без вести пропала, – как сообщили

в местном военном управлении. А для Эльдара «перезахоронение» Анны стало второй её жизнью. Теперь её душа должна находиться под его присмотром. А «жизнь» – коей «это» здоровый человек не назовёт – дала порождение целям жизни Эльдара. И, несмотря на то, что Эльдар далёк от веры в загробный мир, ничто «нечеловеческое» не чуждо, даже самому закоренелому атеисту, – как думал сам Эльдар...

– Так что за души?.. – Слово «души», Николай произнёс, понизив тон, словно слово было какое-то запрещённое. – Или ты хочешь представить ум, чувства и способности человека? – При этих словах он чуть расправил плечи.

Эльдар не мог ответить на этот вопрос – он и сам-то не знал, и пожалел о том, что сказал отцу Анны. Ведь он подталкивал себя к тому, чтоб сказать о своей «находке», о «причине» своей недавней тяжёлой лихорадке и, понимая не весьма благоприятный исход разговора, выкрутился:

– Возможно, ты и прав, всё это глупость...

Отец Анны стал первым человеком, с которым Эльдар говорил об этом. А вот первым свидетелем начала его коллекции мог бы стать мальчишка...

Не теряя ни секунды безымянный малолетний сожигатель (он так до сих пор и не назвал своего имени), подслушав Николая с Эльдаром и дождавшись, когда второй уйдёт в свой очередной «поход», затеял слезку.

Зима в тот день сыпала снегом настолько плотно, что не было видно не то, что ни зги, своих рук рассмотреть было

невозможно. Завидев такую помеху, следовало развернуться и ждать погоды. Но мальчишка без особого рассуждения, «встав на лыжню» своего предшественника, стараясь не терять след, что было весьма трудно, пустился вдогонку.

Эльдар перешёл заснеженный мост. Дорогу к землянке он знал отлично, и прийти мог с закрытыми глазами. А вот мальчишке досталось «будь здоров». Перейти мост, и ещё сделать шагов двадцать, вышло, но когда снега стало настолько много, что возвысились сугробы над головой, он попал в снежный плен. Не находя сил справиться со стихией, он затих и, если посмотреть со стороны – сдался – смирился под руку судьбы. Но мальчишка лишь дал возможность себе отдохнуть. Переведя дух, он не стал выкапываться, напротив – разрыл себе небольшое пространство, сел на корточки, отряхнул с фуфайки и шапки снег, втянул вовнутрь рукава, и затих. Снаружи мело, а под снегом становилось всё теплее.

Эльдар, зная местность, и будучи не раз застигнутым суровостью зимы, изучив её «повадки», шёл теперь по возвышенным участкам. Сойди влево, вправо – потонешь в снегу. Он это знал, а мальчишка нет. И возвращаться за ним не стал... Эльдар видел, что тот шёл за ним и, предвидя его неудачу, не оказал противления, наоборот, постарался как следует проложить ему след – туда, где мальчишка сделает привал. Непонятно было и поведение Николая. Отец Анны, наверняка заметил подслушивающего пацана, – в том был уверен Эльдар. Навряд ли Николай отправил бы мальчишку

в такую погоду. Скорее бы сам пошёл. Но на самом деле, когда Николай кинулся, в квартире остался он один.

Расчистив от снега вход, Эльдар обнаружил снятый и брошенный под дверь замок. Кто бы это ни сделал – взять в толк он не мог. С трудом отперев примёрзшую дверь, Эльдар заглянул во мрак. Пахло сыростью и речной тиной. Запах реки не покидал костей Анны. Достав из кармана фонарик и совершив несколько нажатий на ручку, он осветил землянку наполовину, глубже свет проник, когда Эльдар вошёл внутрь. Согнув спину и колени, он смотрел исподлобья. Вокруг было, как всегда тихо, безмолвно и пусто. А на сооружённой из камней возвышенности в мертвенной немоте лежал кусок брезента, скрывая под собой останки «первого экспоната» вождя музея.

Безусловно, кости это – не душа; истрёпанная, прогнившая тряпка, не имевшая ничего общего уже с тем платьем – подавно отношения к душе не имела; да и туфли давно потеряли форму ног хозяйки. Душа должна иметь нечто большее, – то, что будет накладывать отпечаток на чьём-либо сердце, способном узреть эту душу в одной лишь истории – написанной, отпечатанной и окружённой стенами, пропускающими в себя избранных. Тех, кто хоть на секунду подумал совершить над собой акт насилия – всё равно какой – не заметный или мучительный, даже до ужаса.

Усевшись на чурку за сооружённый из старых досок стол, зажегши огарок свечи и достав ручку, заранее наполнен-

ную чернилами, Эльдар открыл тетрадь, и продолжил писать, вспоминая жизнь Анны, вырывая очередную страницу с нескладывающимся текстом.

Мальчишке же под снегом было тепло. Он слушал завывающую снаружи метель, дышал в фуфайку и думал, куда же направился Эльдар.

А Эльдара встретила неожиданность, заставившая взмокнуть от испуга – в затылок что-то уткнулось, затем спросив:

– Что это ты здесь делаешь?.. – Голос прозвучал так, точно, говорил дряхлый старик.

Онемев на секунд десять, Эльдар выдавил из себя:

– П-пишу...

– Хм, пишет он... – Словно заранее в чём-то обвиняя, сказанное прозвучало пристрастно.

Эльдар, соглашаясь, кивнул головой.

– А что у тебя там?

Говорившего хоть и не было видно, но ощущались жесты, которыми тот оперировал для уверенности, – было слышно, что человек за спиной переживает.

– Тетрадь... чернила... руч...

– Хв-ватит дурака валять... говори, а то... иначе убью..!

Само собой, в затылок упёрлось дуло с определённым намерением. Эльдар понимал цель вопроса – он не мог найти нужного ответа.

– Ну же...

– Вы о чём? – Задав этот дурацкий вопрос, Эльдар сам

видел совершаемую им глупость – таким образом, он только отягощал своё положение.

– Сам знаешь... не делай из меня дурака... Что у тебя накрыто... там?.. – Старик замялся, стараясь найти ещё какие-то вопросы в своей голове. Ему, явно, это давалось с трудом. – ...кто... что... эээ... с этим?...

– Если вы так спрашиваете, то всё сами знаете...

– Я... знаю... да... А что сделал ты с... этим... с ней... с ним?

Эльдар медленно покачал головой, к тому добавил:

– Ничего.

– Врёшь, поскуда! – Дуло сильнее вдавилось в затылок. – Врёшь..! – Не унимался старик.

– Ну, правду говорю вам. Ни-че-го! – Эльдар сам надавил затылком на ствол, почувствовав, как приклад упирался деду в плечо.

На секунд пять затянулась пауза. Один не знал, что ответить, второй не знал, что спросить.

– А может это фашист?.. – Спросил старик, успокоившись, одновременно растерявшись... – Тогда так ему и надо... душегубу проклятому..!

– Это моя сестра. – Совершенно спокойно произнёс Эльдар.

Старик замешкался. Руки дрожью передали нервозность кончику дула, и снова вспотела спина.

– Как так..., сестра..? Ты, что её...

– Нет. Она утонула в реке год назад.

– Врёшь..! – Опять появился накал возмущения в голосе старика.

– Нет, я не вру. На берегу реки я нашёл туфли. Её туфли. Затем нырял, и достал со дна вот это всё. – Эльдар поднял руку, указывая на брезент. От его движения старик вздрогнул. – Давайте поговорим спокойно. Хотите, я вам место уступлю, сядете?

Старик обошёл Эльдара стороной, не опуская ружья – это было одноствольное охотничье ружьё.

– Не хочу сидеть... так поговорим...

– Не очень приятно находиться под прицелом...

– Потерпишь.

– Ну, ладно. Что ещё?

– Это я тебя хочу спросить: что ещё?

Эльдар посмотрел на старика, свеча облила его лицо оранжевым светом наполовину. Он, словно смотрел одним глазом, – вторая половина лица оставалась в тени.

– Не хоронишь чего?

– Так надо... – Рассуждать с первым встречным о своих целях Эльдар был не намерен.

– Ты что же это... не человек что ли..? – Кидая чудаковатые заявления, старик всё вопрошал.

– Да человек. Чего ж не человек...

– А коль так, то и похоронил бы по-людски... Ведь так? Али нет...?

Думая, что сказать старику, Эльдар так же, как его оппонент метался меж своих чудаковатых мыслей.

– Что ж медлишь? Кто чист, тот не медлит...

Эльдар пожал плечами.

– Кто знает...

– Что ввиду имеешь?.. – Обозреваемый глаз прищурился.

– Бывает сложно сказать, когда...

– Когда что...?

– Когда это тебя коснулась... и чужим людям... Да уберите вы ружьё, наконец..!

Старик не отводил ствол. А на сказанное сжал оружие крепче. Видя нестигаемость деда, Эльдар решил оставить всё, как есть.

– Мне хотелось разобраться, что с ней случилось. – Нашёлся Эльдар.

– А ты, что, специалист какой? Отдал бы следствию... да и сказал же сам, что утопла...

– Там никто разбираться не будет, а меня затаскают по кабинетам, и бог знает, что ещё сотворят...

Старик выдохнул, как-то тяжело.

– Ну, это ты прав... сказать нечего...

Дуло опустилось к земле. Напряжение с Эльдара сошло.

– Что тебе уже до тех костей... пусть бы с миром покоились... спробуй*, разберись поди, как оно всё случилось... Тебе-то не страшно самому здесь сидеть?

– А вам? Вам не страшно было меня здесь ждать?

– А чего мне-то бояться..? Ха... Смерть-то вокруг меня давно ошивается. Сразу, когда увидел это... – старик кивнул в сторону брезента, – моторошно стала, не иначе, саму «её» и узрел... подымись «она» в тот же миг и забери на тот свет. А потом, как рукой весь ужас сняло. Затем думать стал..., ведь слежу за тобой давеча, что этот нелюдь здесь творит...? (так подумал). Теперь мне не ясно, кто ты такой! Раньше-то и землянки этой не было... Сам что ли соорил?

Эльдар в ответ кивнул головой.

– Для неё, поди?

– Для неё. Чтоб не беспокоил никто..., а тут вы...

– И что понял...?

– Трудно сказать. Если она потонула, когда купалась, то понятно, зачем сняла туфли, а если решила утонуть – на туфли плевать...

– Ты вот послушай, что я тебе скажу... Я не ведаю наук, но знаю одно: трудно самому утопнуть. Несказанной силы воля потребна. Паника большая у человека, когда дышать он не в силах... Я-то знаю...

– Потонуть пытались...

– Нет. Топили меня... насильственно...

Землянка была настолько глуха, что метель, даже усилившись, не имела возможности заявлять о себе.

– Не выбраться нам из твоей норы... хоть и хорошо ты всё смастерил, и вьюги не слышать... ща* снегом дюже привалит.

– Выберемся... – Дал ответ на сетования старика Эль-

дар. Дед всё ещё стоял неподвижно, уже вовсе опустив ружьё в пол. Его лицо оставалось хмурым, но он не смотрел былым взглядом.

Мальчишка под снегом не унывал. Имевший не по годам внутреннюю силу, он, точно, опытный воин-охотник затаился в ожидании того, как минует опасность. Он не страдал, не замерзал, не был напуган.

Вспомнив, как метёт метель, Эльдар подумал о преследователе, и представил его замерзающим под снегом. Но не знал он силы, содержащейся в маленьком, всё ещё незнакомом человеке, – силы, которой не хватало ему самому никогда.

А в двух километрах от землянки: Николай с трудом добрался до моста. Видя невозможность продолжения пути, вздохнул с тяжёлой грустью...

В землянке сидели двое с потухшим желанием убить друг друга: один – ради установления справедливости и искоренения, по-его мнению, зла; второй – ради своей безопасности. Скомканный кусок бумаги Эльдар перекладывал из руки в руку. Старик, усевшись на предложенный чурбан, положив на колени ружьё, рассказал, как привязав его за ноги, опускали в реку.

– Я был тогда молод, – как ты. Моя бабка сильно захворала – её охватило безумство... да, так и есть – она сошла с ума. Потеряв в поле деда (годом раньше), она не находила себе места от печали, которой было так много, что весь

её рассудок терялся напрочь. Они были всеми силами привязаны друг к другу. Куда бы дед не пошёл – бабка за ним, что бы дед не удумал – бабка тут, как тут. Дед уже психовал, – мол, вздохнуть самостоятельно не может, хотя сам же за бабкой хвостом не унимался. А однажды сел под деревом посреди поля ржаного, и не встал боле – сердце замерло его навечно. Пока бабка серпом махала, дед на тот свет и отправился безнейно*, – она оглянуться не успела, а его души и след простыл. Подошла взмыленная от работы и давай деду рассказывать, уже сама не помня что, а он уставился куда-то в сторону, будто о чём-то своём думая, а ею пренебрегая. Она на него: что мол, дурень не чуешь? – Не чуял... Ну, бабка до него, и в вопль...

– А какая связь?.. – Оборвал Эльдар старика. Тот, то ли не понял, то ли имел своё представление об изложении, не прерываясь продолжал:

– У неё глаза через неделю бордового цвета стали, а через месяц заявила, что они с дедом в баню пошли. Набрала охапку веников, взяла лохань, и, хлопнув перед нами дверью, ушла париться. Не было её полтора часа. Пришла довольная. И... голая. А на улице народ собрался – кто смеялся, кто возмущался... За год с бабкой перемена произошла такая, что мы – родные её уже узнавать перестали. Хозяйством она заниматься прекратила, хотя сама рассуждала, что всё хозяйство на ней и лежать стало, как дед помер. Он-то и знать не знал, что с его бабкой-то случится... – Старик странно

прихихикнул, качнув головой. – Историю жизни связанную с бабкой неспроста рассказываю – ей обещался помочь один человек с намерением неровной души к моей матери. Он мне сразу странным показался. А мать моя сказала мне, чтоб я нос свой не совал в чужие дела... Сказала, – после пожалела, когда меня без сознания нашла на берегу реки. Хм, она-то знает, что я, вроде, как самоубийство решил совершить... Чёрта с два! Я жизнь люблю, несмотря на все её минусы – плюсов нахожу гораздо больше...

– Возможно, знала? – Внёс поправку Эльдар.

– В смысле... Ах, понял... – Старик странно отреагировал на вопрос, и тут же ответил: – Она всё ещё жива, ей девяносто четыре, и до сих пор помнит тот случай у реки... Да и причину тоже. Единственное, не желает она признавать, что я жизнью не собирался кончать. Говорит мне, наверное, с самого рождения и по сей день: «В могилу меня сведёшь..!». Раньше не смешно было – сейчас, сами понимаете...

Эльдар улыбнулся подмеченному сарказму.

– Ну, а на самом деле меня решили утопить... Помимо того, что мать меня упрекала, она ещё и прощения постоянно просила за свою невнимательность... Так как я противником её (тому) браку был, (а он таки состоялся), отчим на меня зуб заточил.

– А бабка причём? – Не унимался Эльдар.

Старик посмотрел глазами осуждающего человека.

– Нет, ну ты что совсем ничего не понял..? Он хозяйство на себя решил взять...

– Так вам было, где-то двадцать пять лет, вы, что с хозяйством справиться не могли..?

– Какие двадцать пять? – Взгляд старика, словно, затерялся за ширмой прошлого.

– Если вы говорите, что были таким как я...

– Не говорил! – Возмутился старик.

– Как же? Вы так и выразились: «...молод был, как ты»... то есть я.

– И...

– Что и..? Вы так сказали..!

– Ты меня не путай... У меня память феноменальная...

«Ох, он даже такое слово знает...» – Удивился Эльдар, а понимая, что ничего «феноменального» нет, как и смысла спорить, решил изогнуться:

– Хорошо. Видимо я что-то вообразил.

– То-то... На чём я остановился...?

– Хозяйство на себя решил взять... – Помог Эльдар феноменальной памяти...

– Да. Я же тогда мал был...

– Ага...

Старик острым взглядом оглядел Эльдара, бросив глаз на брезент, вздохнул.

– Одной ночью я проснулся от ужасного неудобства и сильной тряски. Открыл глаза в полной темноте – думал:

ослеп. А ощутив неподвижность – понял, что связан по рукам и ногам, и не просто, а в мешке. Также был перевязан рот, поэтому оставалось только мычать. Кто-то огрел меня по спине, – значит лучше лежать молча..., но я замычал пуще. Удары посыпались один за другим... Я слышал, как скрипели колёса телеги, фыркала лошадь (причём наша), трещали сверчки, как колотилось моё сердце. Проехав же ещё немного, остановились. Никто не сказав ни слова, ни полслова стянули меня с телеги, взвалили на чью-то спину, и зашагали неизвестно куда. Там повязали на ноги верёвку, и подвесили вниз головой. Потом стали опускать, всё ниже и ниже, пока не намокла голова. Меньше было бы проблем, если б не мешок, – даже вытаскивая голову из воды, я задышался. Вокруг лишь сверчки и всплеск воды – люди молчали (до сих пор не знаю, сколько их тогда было). Я же, как не старался, потерял сознание.

Очнулся я на берегу. Рядом со мной отчим сидел, в стороне мать разговаривала с дедом Матвеем. Голова ужасно болела и пекло ноги, – за них я был подвязан. Я помнил и помню по сей день, как всё было, но не помню то, что мне довелось услышать. Мне рассказали, как я сам повязал на себя камень, и бросился в воду... Не верю я тому. Въелись в мою память глаза отчима, которому не надо было ни в чём мне признаваться, ни о чём меня предупреждать, – я убеждён – это его рук дело...

Старик замолчал, уткнувшись в землю.

– А что с бабкой?

На вопрос старик поднял голову, округлил глаза, и возмутился:

– Вот сдалась тебе моя бабка..! Померла спустя месяц после того – чокнулась окончательно.

– А с отчимом, как потом жили?

– Полгода я жил, будто в рот воды набрав. Мать думала, что я, как бабка – одуреть решил, но я заговорил, когда отчим на войну ушёл. Откуда и не вернулся, в чём и была моя радость. А мать замуж так и не вышла.

Старик изогнул дугой губы в немом заключении, что и подтвердил словами:

– Так что вот так, не могла твоя сестра утопнуть... Или ей это далось с большим трудом.

Медленно встав с чурбана, старик пошёл к выходу, опираясь на ружьё. Воцарилось молчание. Эльдар уже не хотел ничего говорить, старик не собирался. Эльдар желал остаться один. Но незваный гость остановился.

– Я живу за вишнёвым садом. Не сложно отыскать – Герасим там один..., если помощь понадобится... и извини за нос... – Закончив, он стал толкать дверь, – та не поддавалась.

– Ну вот, я ж говорил: не выберемся.

– На себя тяните. И, какой нос?

– Мой не в своём деле...

Большая часть двери была присыпана снегом. Метель

утихла, лишь падали редкие снежинки. Уже вечерело.

Под тем же снегом дремал мальчишка. А над ним пытался увидеть следы Николай. Метель занесла всё.

Эльдар Романович почти уснул. Он думал.

Невзирая на множественные имущества, огромные капиталы и чуть ли не безграничную власть, Эльдару Романовичу всё же не терпелось легализовать свою коллекцию. Он видел себя подобно Третьякову, подобно Рериху, подобно Гастону Бакману. Чем он хуже мадам Тюссо или того же Виктора Жуэ с его усопшими душами. И многих других... Тем более, что его коллекция – это нечто невообразимое, непохожее не на что другое. Хотя это могло казаться только ему. Что все? Тот же Виктор Жуэ, собравший на стене кучку старого, кем-то испорченного тряпья и макулатуры, назвав всё это последствиями следов мучающихся в чистилище душ, пытавшихся воззвать к миру живых. Как не крути, а трудно поверить в то, что кто-то когда-то узрел чудо, а заезжий странник, проникшись историей того, подхватил её и понёс в мир, чтобы все знали, что есть на свете чудеса и, что просто так человек не умирает, но душа вечна. Не правда ли странно посмотреть на прожженную тряпку или книгу, и слепо поверить в прикосновение чьей-либо души... ну, или ещё кого-нибудь, не попытавшись разобраться. Все артефакты всегда служили по большей степени инструментом для повышения рейтинга религиозной организации. А Эльдар Рома-

нович совсем не преследует цель – доказать невообразимое своей коллекцией...

Святик тоже спал, склонившись над столом, когда в соседней комнате, точно, охраняя странного пришельца, чутко дремал кот с всё ещё испачканным носом, а где-то спали его хозяева.

Спало опустошённое уже не издательство «Нос».

И не спала только мать Святика – она не могла дозвониться ни к мужу, ни к сыну. Звонки с новостью о розыске Савика вводили её в необузданную панику.

книга вторая «рабство»

Основа современного рабства состоит в долге. Найдя способ наложить на людей долг, ты привяжешь их к себе. Чем выше будет размер долга, тем больше гарантий назваться системой. Будучи системой, ты сможешь владеть, как народом, так и их лидером...

Чтоб обвести вокруг пальца, необязательно нужна ложь, нужно верно распорядиться правдой...

Ящик...

(«Почта памяти»; Труба на крыше)

Проснувшись за письменным столом, Святик с большим трудом и адской болью в шее поднял голову, оставляя её в том же положении, в котором она лежала на столе. Плечи затекли не меньше, и в пальцах стало покалывать. Посмотреть прямо было невозможно – позвонки, точно, срослись вместе и приросли к основанию черепа, при этом, словно, внимание всей нервной системы сосредоточилось на шее. На часах, на которые только и оставалось смотреть, стрелки

указывали одновременно на цифру семь, а солнце, изливающееся в окна, старательно доносило о наступившем утре. Наконец.

Именно так и подумал Святик: «Наконец...».

Окончание бесконечной ночи можно было сравнить с долгожданной свободой из тюремного заточения. Опять-таки, Святика никогда не заключали, но ощущения его были далеко не из приятных, стоило ему лишь о том подумать, по телу пробегал мороз, и сводило под коленками, наваливалась паника. Ему очень не хотелось бы оказаться на скамье подсудимых, – представляя это, он был уверен, случись так – он неизбежно загремит в тюрьму. Наверное, это очередная фобия, так как в тюрьме он боялся умереть. Если поковыряться в голове хорошенько, Святик мог бы сказать, что проще найти себя сумасшедшим, нежели признать нормальным, глядя на малое количество здравых мыслей. Но возможно такой, как раз, и должна быть норма? Чёрт его знает.

Короче, хорошо, что ночь прошла. На часах – 6:35. Теперь бы домой и в душ. Душ – это самое вожаделенное желание. Но наступил ли конец неожиданностям, – Сватику оставалось лишь предполагать.

В дверь постучали.

Шею понемногу боль отпускала.

Правому глазу что-то мешало, – не понимая, что, Сватику не удавалось освободиться от назойливой помехи. Стараясь размять залежавшиеся шею и плечи, он медленно и тем,

и другим вращал. Каждый раз, когда голова смотрела вправо, что-то мешавшее глазу становилось настырнее...

...в дверь постучали снова...

Святик уже встал из-за стола, ощутив, как его ноги затекли не меньше прочих частей тела. Сделав очередной оборот головой, он заметил нечто длинное и тонкое, зацепившееся ему за волосы, щекоча бровь и глаз, спускаясь на плечо. Ухватив нечто, Святик стянул с себя длинный волос – тёмный и толстый... Он вспомнил вчерашних лошадей, сначала животных, потом костюмированных.

«Конский, что ли..?» – Подумал Святик.

Стук в дверь раздался опять.

– Да, иду... – Занервничал Святик, отвечая, а встав, кинул волос на стол.

– Вы всё ещё в кальсонах или можно войти..? – Прозвучал женский голос, заставив Святика растеряться и осмотреть свою внешность.

«Ну, мои штаны, в принципе, явно приличными не назовёшь...» – осудил мысленно свой туалет Святик. А не найдя с неоспоримым ответом, просто сказал: «Входите...», распахнув настежь дверь. Тут же взъерепенился кот, поднялся странно на задние лапы, и быстро ушёл прочь. Кот, наверняка, проспал всю ночь под дверью. И на пороге этой же двери стояла Любовь Герасимовна.

Святик смутился.

А ведь голос именно тот, что прозвучал днём раньше в те-

лефоне. Как так? – Оставалось лишь подумать.

Святик поднял левую руку, затем за ней – правую. Разводя свои конечности, скорчив по-идиотски пальцы, не понимая, что делает, он ляпнул вопросом, точно, лошадь на землю из-под хвоста:

– Вы, что, того..?

Осознавая свою реплику уже на многоточии, Святик поспешил исправиться:

– На самом деле?... – Но и тут видя неудачу в ретировке, добавил: «Ну...» – чем окончательно растерзав себя, как филолога, решил молчать.

Пауза затянулась. Любовь Герасимовна вдруг стала улыбаться, отчего у Святика запекли щёки и уши, и странно забилось сердце, вскипятив кровь в животе... Таких ощущений он не переживал никогда.

За окном послышался крик кота, Любовь Герасимовна озабочено посмотрела вокруг себя, а одновременно с ней из-за её спины показалась «золотая» голова Елисея, его брови образовали «крышу» над округлёнными глазами. Он глянул на бабушку, тут же побежав на улицу.

Вызванные ощущение – незнакомые для Святика, – исчезли вместе с умчавшимся прочь Елисеем, лопнули, скорее, как мыльный пузырь, где-то внутри заставив вздрогнуть.

Любовь Герасимовна теперь смотрела на Святика, тем – прежним немим взглядом.

– Так вы говорите? – Выдавил из себя уже внятный во-

прос Святик. А Любовь Герасимовна отрицательно покачала головой, не заставляя мучиться в догадках своего гостя. Её рука поднялась в сторону убежавшего внука.

– Это говорил Елисей?

В ответ последовал кивок головой.

– Но вы всё слышите...

Снова кивок в ответ.

– Так как же...? – Святик впервые искал затерявшиеся слова.

Любовь же Герасимовна теперь кивнула вопросительно.

– Да я вот... вашего внука...

Святика перебил отрицательный жест указательным пальцем. И он на это смутился, словно, окончательно, промолчав в замешательстве с минуту-две.

– А кто? – Тихо произнёс спустя время.

Далее последовали примитивные жесты, чтоб понял Святик, – жесты, которыми оперируют все простые люди.

– Сын что ли?! – Будто не своим голосом прозвучал Святик..., получив вновь ответ.

– Ну, и ну... А почему Елисей сразу с вами общался, как с бабушкой...

На это Любовь Герасимовна махнула рукой.

Вбежал взмыленный мальчишка, таща на руках всклокоченного кота. Тот, прижавшись к Елисею, таранился на гостя.

Входя в комнату Любовь Герасимовна сделала несколько

жестов руками.

– Бабушка спрашивает: почему вы ходите в кальсонах?

Святик посмотрел на себя, и перевёл взгляд на мальчишку.

– Скажи, что я сам не знаю, как так вышло.

Любовь Герасимовна покосилась на Святика, и он вспомнил, что она слышит, – извиняясь, прикрыл глаза.

– Ты почему маму бабушкой называешь?

Елисей быстро посмотрел на Любовь Герасимовну. Она ему улыбнулся еле заметно.

– Чтоб вас не травмировать...

– Ах, значит, теперь я должен был, по-вашему, отреагировать спокойно...

Любовь Герасимовна замахала руками.

– Я бываю резкой. Не отрицаю. Если вас это задело, то прошу простить меня. Так всё-таки, зачем вы ходите в неприличной одежде? Ведь в кабинете произвели впечатление довольно воспитанного молодого человека...

Святик хлопнул себя по ногам.

– Сам, признаться, не знаю, как так вышло.

Любовь Герасимовна состроила на лице выражение спорной брезгливости. И тема данного вопроса на этой ноте была закрыта.

Пробежавшая мысль о кабинете заставила вспомнить ящик.

– Помните ящик в кабинете?

Руки вновь поднялись, замерев в воздухе, как если бы способный говорить, приоткрыл рот для вступления, но цепляясь за какую-то мысль. Любовь Герасимовна долго ждать не заставила.

– Это затея моего отца. – Сказанное Елисеем завязло в молчании. Святик стал думать: когда отец этой женщины был с ней рядом?

– Вы, наверное спросите о моём отце... А точнее, нашей совместной с ним жизни...

Не считая данную ситуацию сверхъестественной, а просто логическим мышлением, Святик согласился с выводами.

– Я встретила своего отца спустя несколько лет после смерти матери. Он пришёл за мной в интернат, когда мне исполнилось четырнадцать лет. Вернее, он пришёл не сразу. Причины их разрыва с матерью я не знала, как не знаю и по сей день. Мне было три года, когда отец куда-то уехал. И вот он вернулся. Каким образом он узнал, где я и о случившемся с матерью – мне оставалось лишь размышлять, – отец от вопросов увиливал. Такая себе, знаете ли, черта, – видимо от него Елисею досталась. – Переведя жесты, Елисей посмотрел на мать с возмущением. Святик соглашаясь, улыбнулся. Она продолжала: – Откуда-то появился человек с тем самым ящиком... он достал из него письмо, а ящик попросил себе. Я не протестовала, да и, зачем он мне. Письмо развернула, когда незнакомец ушёл.

Текст содержал в себе извинения человека называющего

себя моим отцом. Он не объяснял никаких причин своего исчезновения, лишь просил разрешения прийти, и если я того захочу – забрать меня к себе. А мне и сомой сидеть в приюте было не комфортно. Когда все находили себе друзей, я до последнего оставалась одна, что и привело к неприятностям. На меня стали косо смотреть – поначалу, затем говорить оскорбления, и, в конце концов, дошло до рукоприкладства. Так что там мне делать было нечего. Я согласилась.

Вернулся тот же человек, что приносил ящик. Он же сказал, что займётся оформлением документов. Выглядел он странно. Вроде, как все, но смотрел он по-другому, – будто видел плохо. Очков он не носил, но глаза... понимаете, так бывает, когда человек одновременно смотрит сквозь вас, только при этом ещё вас же и осматривает для изучения.

Далее об отце: это был уже старый человек – он был на много старше моей матери. И ему отказали бы также, как и бабе Вале. Но имелось различие между ними – за бабой Валей не стоял настолько сильный человек, как за моим отцом. Да, этот человек не имел тогда ещё той силы, что сейчас... Но уже тогда он добился многих успехов. Отец в письме попросил моего ответа – каким бы он ни был. Поэтому человек вернулся. Персонал улыбался ему во весь рот, точно был то министр. Мне после его визита принесли толстую чистую тетрадь, когда я попросила всего один чистый лист. Человек мог забрать меня не передоая письменного ответа – просто, устно, на словах. Ведь документы у него были уже на руках.

Оставались формальности. Спустя два дня я увидела отца. Престарелый человек сидел в машине, он ждал, когда я выйду с вещами. Хотя, какие там вещи – они уместились в один небольшой кулёк.

Отца я видела редко. Чаще виделась я с его другом.

Отец был слаб, и так как хотел для меня хорошей жизни, невзирая на свою слабость, задумал забрать меня из интерната. А я, когда выросла, поняла, что если бы не его друг у него не вышло бы ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.